

- [Святитель Иоанн Златоуст](#)№13;
 - [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [*](#)
 - [-](#)
-
-

Введение

Глава [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) [11](#) [12](#)

Послание написано в Риме, во время первого заключения апостола. По содержанию оно близко к посланию к Ефессянам и, видимо, было написано одновременно с ним. В частности акцентирована тема Церкви, которая есть тело Христово ([Кол.1:24](#) – ср. [Еф. 1:23](#)). Также он говорит о ветхом человеке ([Кол.3:9](#) – ср. [Еф. 4:2](#)). Более глубоко прорабатывается образ Христа, Который был рожден «прежде всей твари» ([Кол.1:15](#)) и принимал участие в сотворении мира.

Судя по приветствию «Павел и Тимофей» послание записано со слов Павла его любимым учеником – Тимофеем, а заключительная фраза «Приветствие моей рукою, Павловою. Помните мои узы» свидетельствует о том, что Павел поставил под посланием свою подпись и призвал помнить о его заключении.

Послание было известно древним отцам Церкви, оно упомянуто у Иринея Лионского и Тертуллиана.

**Святитель Иоанн Златоуст
**

Толкование на послание к Колоссянам*

[Кол.1:1–3](#). Павел, волей Божьей Апостол Иисуса Христа, и Тимофей брат, находящимся в Колоссах святым и верным братьям во Христе Иисусе: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

Время написания и содержание послания. – Различные роды дружбы. – Противопоставление трапезы для богатых с трапезой для бедных. – Описание роскошного пира. – Зло пресыщения.

1. Все послания Павла святы; но те, которые он писал, находясь в узах, – каковы к ефесянам, к Филимону, к Тимофею, к филиппийцам, и каково это настоящее, – заключат в себе что-то более; а и это он послал, находясь в узах, как сам говорит: «Дабы я открыл ее, как должно мне возвещать» ([Кол. 4:4](#)). Но это послание, кажется, поздние послания к римлянам; последнее писал он, еще не видавши римлян, а это, когда уже видел их и приближался к концу проповеднического служения, что очевидно из следующего: в послании к Филимону он говорит: «Не иной кто, как я, Павел старец» ([Флм.1:9](#)), и просить об Онисиме; а в этом посылает самого Онисима, как говорит: «С Онисимом, верным и возлюбленным братом» ([Кол. 4:9](#)), называя его верным, возлюбленным и братом. Потому в этом послании выражается уверенно: «От надежды благовествования, которое вы слышали, которое возвещено всей твари поднебесной» ([Кол. 1:23](#)), так как проповедь уже имела время. Послание же к Тимофею, думаю, написано позднее этого, – оно написано пред самой кончиной, ток как в нем говорит: «Ибо я уже становлюсь жертвой» ([2 Тим. 4:6](#)). Но все же оно старше послания к филиппийцам, так как в нем является он при начале уз в Риме.

Почему же я говорю, что эти послания заключают в себе нечто более? Потому, что он писал их, находясь в узах. Как писал бы мужественный воин с поля битвы, на котором он поставил трофеи, – так делает и он. Он сам знал, что это – дело великое. Так, пища к Филимону, он говорит: «Которого родил я в узах моих» ([Флм.1:10](#)). И это сказал, чтобы мы не только не унывали в бедствиях, но и радовались. При этом был с ними Филимон, потому что и там говорит: «И Архиппу, сподвижнику нашему» ([Флм.1:2](#)), и тут: «Скажите Архиппу» ([Кол. 4:17](#)). Мне кажется, что ему поручено было какое-либо церковное Дело. Павел не видел ни их, ни римлян, ни евреев, когда писал к ним. О последних упоминает он во многих местах, а о тех – послушай, что говорит: «Ради всех, кто не видел

лица моего в плоти» ([Кол. 2:1](#)), и опять: «Ибо хотя я и отсутствую телом, но духом нахожусь с вами» ([Кол. 2:5](#)). Он знал, что его присутствие везде весьма важно, а потому, и не находясь у них, он всегда представлял себя как бы находящимся: так, смотри, когда он наказывает блудника, он представляет себя на судилище: «А я, – говорит, – отсутствую телом, но присутствуя у вас духом, уже решил, как бы находясь у вас» ([1 Кор. 5:3](#)); и опять: «Приду к вам, и испытаю не слова возгордившихся, а силу» ([1 Кор. 4:19](#)); и опять: «Не только в присутствии моем, но гораздо более ныне во время отсутствия моего» ([Фил. 2:12](#)). «Павел, волей Божьей Апостол Иисуса Христа».

Нужно сказать и о содержании, какое мы находим в послании. В чем же состоит оно? (Колоссяне) приводимы были к Богу через ангелов, держались многих иудейских и языческих обычаев: (в послании) это исправляется. Для того (Павел) в самом начале говорит: «Волею Божьей» ($\delta\iota\alpha\ \delta\epsilon\lambda\eta\mu\alpha\tau\omicron\varsigma\ \theta\epsilon\omicron\upsilon$), при чем опять употребил $\delta\iota\alpha$ (через). «И Тимофей брат». Следовательно и он был апостол; вероятно, знали и его. «В Колоссах святым». Колоссы был город фригийский и, как известно, недалеко отстоял от Лаодикии. «И верным братьям во Христе». Как, скажи мне, ты сделался святым? Почему называешься верным? Не потому ли, что освятился смертью Христа? Не потому ли, что веруешь во Христа? Как ты стал братом? Ведь ни в деле, ни в слове, ни в подвиге ты не показал себя верным: почему же, скажи мне, вверены тебе такие тайны? Не ради ли Христа? «И верным братьям во Христе». Откуда вам благодать? Откуда мир? «От Бога Отца нашего», – говорит. Но имени Христа он ни вносит сюда. Спрашиваю хулителей Духа: откуда Бог Отец рабов? Кто (из рабов) совершил столь великие дела? Кто сделал тебя святым? Кто – верным? Кто – сыном Божьим? Сделавший тебя достойным веры, – тот сам и виновник того, что тебе вверено.

2. Верными мы называемся не потому только, что веруем, но и потому, что Бог вверил нам тайны, которых прежде нас и ангелы не знали. Впрочем Павел полагает это безразлично. «Благодарим Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа». Мы кажется, он все относит к Отцу, так чтобы не вдруг обратиться к нему слово. «Всегда молясь о вас» ([Кол.1:3](#)). Он показывает любовь свою к ним не только благодарением, но и непрестанной молитвой, потому что и кого не видел, и тех всегда имел в себе. «Услышав о вере вашей во Христа Иисуса» ([Кол.1:4](#)). Выше упомянул о Господе нашем, а здесь об Иисусе Христе. Сам Он – Господь, говорит он, не (сказал): рабы Иисуса Христа, – и вот знамения благодеяния: «Ибо Он спасет людей Своих от грехов их» ([Мф. 1:21](#)), сказал (евангелист).

«Услышав о вере вашей во Христа Иисуса и о любви ко всем святым» ([Кол.1:4](#)). Павел уже располагает их к себе; тот, кто возвещает это, бывает приятен. Послание отправляет он с Тихиком, которого удержал у себя. «И о любви, – говорит, – ко всем святым», – а не к некоторым только, – следовательно и к нам. «В надежде на уготованное вам на небесах»: говорит о будущих благах. Это – против искушений, чтобы успокоения не искать здесь. А иначе кто-нибудь сказал бы: что пользы любить святых, когда они бедствуют? Мы радуемся, – говорит, – что вы стяжали себе великие (блага) на небесах. «В надежде на уготованное»: указывает на нечто безопасное. «О чем вы прежде слышали в истинном слове». Это – укорительное слово для них за то, что, имя с давнего времени, они изменили. «О чем вы прежде слышали, – говорит, – в истинном слове благовествования» ([Кол.1:5](#)). И истину свидетельствует словом – справедливо, потому что лжи в нем нет. «Благовествования»: не говорит – проповеди, но называет благовествованием, непрестанно напоминал им о благодеяниях Божьих, и самое напомирование им об этом делает, сперва похвалив их.

«Которое пребывает у вас, как и во всем мире» ([Кол.1:6](#)). Здесь уже (Павел) говорит приятное им. «Которое пребывает у вас» – сказано метафорически: не то, что пришло оно, говорит, и удалилось, но там остается и пребывает. Потом, так как многие тогда особенно утверждают в учении, когда имеют многих союзников, то и прибавляет: «Как и во всем мире». Оно везде присуще, везде властвует, везде стоит. «И приносит плод, и возрастает, как и между вами». Плодоносно оно делами, растимо – тем, что многих принимает, что более утверждает; Ведь и растения тогда бывают густы, когда растение стоит твердо. «Как и между вами». Похвалами (Павел) наперед овладевает слушателем, чтобы он не удался против воли. «С того дня, как вы услышали». Удивительно, что вы скоро пришли и уверовали и тотчас в самом начал показали плоды. «С того дня, как вы услышали и познали благодать Божью в истине» ([Кол.1:6](#)), – не в речи, не в обмане, а в самых делах. Это выражает он словом: «приносит плод», то есть богато знамениями и чудесами, которые вы тотчас приняли, как скоро познали благодать Божью. А что тотчас показывает свою силу, тому разве не тяжело не верить? «Как и научились от Епафраса, возлюбленного сотрудника нашего»: он, вероятно, там проповедовал, – от него узнали вы Евангелие. Потом, показав, что этот муж достоин доверия, говорит: «Сотрудника нашего, верного для вас служителя Христова, который и известил нас о вашей любви в духе» ([Кол.1:7–8](#)). Не сомневайтесь, говорит, касательно будущей надежды, –

видите, что вселенная обращается. И нужно ли говорить, что происходит у других? Помимо этого, и происходящее у вас достойно веры, – потому что «познали благодать Божью в истине», то есть в делах. Этими двумя (вещами) утверждается будущее – тем, что все уверовали, и тем, что – вы. И не иное произошло, а иное говорил Эпафрас, – нет, говорит, – он «верного», то есть истинен. Но почему он – «для вас служителя»? Потому, что пошел (к Павлу): «Который и известил нас, – говорит, – о вашей любви в духе», т. е. духовную любовь к нам. Если же он – служитель Христов, то как вы говорите, что приведены через ангелов? «Который и известил нас, – говорит, – о вашей любви в духе»: это любовь дивная и твердая, тогда как другие носят только имя любви. Некоторые бывают не таковы; но это – не дружба, а потому и легко расторгается.

3. Много есть случаев приобретать дружбу; о постыдных мы теперь упоминать не будем, – никто ведь не станет возражать против того, что они дурны, – но, если хотите, выведем наружу случаи естественные и житейские. Житейские бывают, например, те, когда кто-либо получает (от другого) нечто доброе, приобретает друга от предков, разделяет с кем-нибудь трапезу или путешествие, либо живет в соседстве. Хороши и эти случаи. К ним относится также одинаковость занятий, хотя тут не бывает искренности, тут – место ревности и зависти. Естественные же случаи дружбы, например, отца к сыну, сына к отцу, брата к брату, дела к внуку, матери к детям, – прибавим, если угодно, – и жены к мужу, – потому что все случаи брачные принадлежат к числу житейских и земных. Последние кажутся сильнее первых; говорю – кажутся, потому что часто преодолеваются первыми: иногда друзья (по житейским отношениям) бывают искреннее расположены, чем братья (к братьям) и сыновья к отцам; иной, и состоя в родстве, не поможет, а иной, не будучи и знаком, придет и поможет.

Но любовь духовная – выше всякой другой любви, она, точно какая-то царица, владычествует над своими, и потому блистательнее (их) одета; ничто земное не рождает ее, как ту, – ни привычка, ни благодеяние, ни природа, ни время; она нисходит свыше, с небес. И что удивительного, если для своего существования она не имеет нужды в благодеянии, если и от злостраданий не гибнет? А что она более той, послушай слова Павла: «Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих» ([Рим. 9:3](#)). Какой отец пожелал бы (ради детей) быть в несчастье? И опять: «Разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас» ([Фил. 1:23–24](#)). Какая мать решилась бы сказать это, выражая пренебрежете к детям? И опять послушай, что

говорит: «Быв разлучены с вами на короткое время лицом, а не сердцем» ([1 Фес. 2:17](#)). Там отец, будучи оскорблен, прекращает дружбу; а здесь не так здесь он идет к побивавшим его камнями, с целью благодетельствовать им. Нет ничего, подлинно ничего столь крепкого, как узы духа. Кто становится другом, получая благодетельства, тот, если они не будут непрерывны, сделается врагом; кто стал неразлучен по привычке, тот, когда привычка прервется, погашает дружбу. Жена, когда (между супругами) происходит драка, оставляет мужа и прекращает любовь; сын, когда видит, что отец его долго живет, начинает тяготиться. Но в любви духовной нет ничего такого: она ничем таким не разрушается, так как и состав ее не таков. Ни время, ни долгий путь (жизни), ни злострадание, ни выслушивание неприятностей, ни гнев, ни оскорбление, – ничто не проникает в эту любовь и не может разрушить ее. Знай, – Моисей побиваем был камнями (от евреев) и просил за них ([Исх. 17](#)). Какой отец сделал бы это за (сына) бросившего в него камень? Напротив, не напал ли бы он на него сам? Этой-то дружбы духовной должны мы искать, потому что она крепка и неразрывна, а не (дружбы) застольной, которую туда (в жизнь духа) и вводить возбраняется. Послушай, в самом деле, что говорит Христос в Евангелии: «Не зови друзей твоих,... ни соседей богатых,... когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых» ([Лк. 14:12–13](#)). И это справедливо, – потому что за них (назначена) великая награда. Но ты не можешь, ты не в силах пировать с хромыми и слепыми, ты считаешь это тяжелым и скучным? Не следовало бы, конечно (избегать этого); впрочем в этом нет необходимости: если уже ты не сажаешь их с собою, то посылай к ним кушанья с своего стола. Ведь кто пригласил друзей, тот не сделал ничего великого, и здесь уже получил награду; а кто приглашает маломощного и бедного, тот имеет своим должником Бога.

Итак, мы должны скорбеть не о том, что не получаем здесь (воздаяния), а о том, что получаем, потому что там уже не получим. Или, что то же, если человек воздаст, Бог не воздаст; а если не воздаст человек, воздаст Бог. Постараемся же благодетельствовать не тем, которые могут воздать нам, и благодетельствовать не с такими надеждами: это – холодный расчет. Если приглашаешь друга, то приобретаешь благодарность до вечера, следовательно эта временная дружба истрачивается скорее издержек: если же зовешь бедного и маломощного, то благодарность никогда не гибнет, потому что (в этом случае) ты имеешь должником Бога, который всегда помнить и никогда не забывает. И как велика, скажи мне, мелочность души – не смочь посидеть с бедными! Что говоришь ты? Бедный нечист, грязен? Так умой его, и потом веди за свою

трапезу. У него изорванная одежда? Перемени же ее и дай ему чистое платье.

4. Не видишь ли, сколько тут пользы? Через него приходишь к тебе Христос, и ты из-за него уничижаешь Христа? Приглашая к трапезе Царя, ты в лице бедных боишься Его? Пусть будут поставлены два стола, и один будет полон этими – слепыми, сгорбленными, хромыми, не имеющими те руки, те голени, не обутыми, покрытыми только верхней одеждой, да и то изорванной: а за другим пусть сядут вельможи, военачальники, местоблюстители, великие правители, облеченные дорогими одеждами и тонкими тканями, и опоясанные золотыми поясами. Опять, там – на трапезе бедных пусть не будет ни серебра, ни изобилия вина, а лишь сколько нужно, чтобы развеселить человека, кубки же и прочие сосуды пусть будут только стеклянные; напротив здесь – на трапезе богатых все сосуды пускай будут из серебра и золота, а полукруглый стол пусть будет такой, что одному нельзя будет и снести его, и только два прислужника едва смогут его двинуть, пусть и чаша будет вызолоченная, весом в пол-таланта, так чтобы с трудом могли нести ее два юноши, пускай также стоит здесь целый ряд амфор, блестящих не серебром, но гораздо лучше – золотом, и полукруглый стол пусть будет весь накрыт мягкой скатертью. Опять – здесь пускай стоит много слуг, разукрашенных нарядами не меньше, чем возлежащие, и пусть будут они блистательно одеты, в широких шароварах, прекрасны видом, цветущи возрастом, сильные и полнотельные; а там пускай стоят только два служителя, поправшие всякую пышность. И пред этими пусть будет поставлено много дорогих кушаний, а пред теми лишь столько, сколько нужно для утоления голода и подкрепления (человека). Довольно ли сказал я? Надлежащим ли образом приготовлены обе трапезы? нет ли в чем недостатка? Не думаю; я коснулся и гостей, и многоценности сосудов, и убранств, и яств. Впрочем, если что и пропустили мы, то пропущенное найдем в дальнейшей речи.

Итак, когда та и другая трапеза получила у нас приличный вид, – посмотрим, где вы возляжете. Я-то пойду туда, где сидят слепые и хромые; а многие из вас изберут, быть может, эту торжественную и блестящую трапезу военачальников. Посмотрим же, которая исполнена большего удовольствия. Будущего мы не станем еще исследовать, потому что в будущем-то преимущество моя. Почему? Потому что за нею будет возлежать Христос, а за этой – люди, за той Владыка, а за этой рабы. Но об этом пока не будем говорить, а посмотрим, за которой трапезой больше удовольствия в настоящем. И с этой стороны удовольствие (сидеть с бедными) более велико: возлежание за трапезой с царем приносить

конечно больше удовольствия, чем возлежание с рабами; но исключим это и исследуем дело само по себе. Я и другие, вместе со мною избравшие эту трапезу, с большой свободой и смелостью будем обо всем говорить и слушать друг друга; а вы, страшась и трепеща, и стыдясь совозлежащих, не дерзнете даже протянуть руку, точно пришли не на обед, а в школу, и точно трепещете пред жестокими господами. Не так бывает у тех. Но какая великая честь, скажешь ты! Да, я пользуюсь большей честью. Ваше ничтожество тогда-то резко и обнаруживается, когда, принимая участие в этой трапезе, вы говорите рабски, потому что раб тогда-то особенно и является рабом, когда возлежит за трапезой с господином. Находясь там, где ему не следует быть, он через это сближение не столько получает чести, сколько, подвергается унижению, – тогда именно он и бывает очень унижаем. И раба увидишь ты славным, когда он – сам по себе, и бедного славным, когда он – сам по себе, а не тогда, когда идет рядом с богатым. Низкое тогда является низким, когда стоять подле высокого: от сравнения низкое становится ниже, а не выше. Таким же образом возлежание с теми за трапезой ничтожнее делает вас, а не нас. Мы имеем преимущество пред вами в двух отношениях, – в свободе и чести, с которыми, когда Дело идет об удовольствии, ничто сравниться не может. Лучше соглашусь я питаться хлебом, наслаждаясь свободой, чем многочисленными кушаньями, терпя рабство. «Лучше, – говорит (Премудрый), – блюдо зелени, и при нем любовь, нежели откормленный бык, и при нем ненависть» ([Притч. 15:17](#)). Ставшие в ряд нахлебников или сделавшиеся еще хуже их, что ни говорили бы, необходимо должны либо хвалить присутствующих, либо оскорблять их. Они, хотя со стыдом и досадой, все же имеют смелость говорить; а у вас нет и этого. Таково ваше ничтожество: вы боитесь и ползаете, а чести никакой. Итак, та трапеза лишена всякого удовольствия; а эта напротив исполнена всяческой утехы.

5. Но исследуем и самое свойство кушаний. Там, хотя и не хочешь, по необходимости вредишь себе множеством вина; а здесь, кто не желает, может не есть и не пить. Таким образом там и предшествующее чувство унижения, и последующая за пресыщением тягость уничтожают удовольствие, возбуждаемое качеством кушаний. А действительно, пресыщение не менее, чем голод, даже гораздо сильнее, разрушает тела и подвергает их болезням. Дай мне кого хочешь, я скорее расторгну его пресыщением, чем голодом: бесспорно последний сноснее первого. Голод можно перенести дней двадцать; а пресыщения не перенести и два дня. Непрестанно борясь с голодом, поселяне пользуются здоровьем и не нуждаются во врачах; а этого, разумею пресыщения, не могут выдержать и

те, которые то и дело призывают врачей, – или, лучше сказать, тиранство его часто посрамляет их помощь. Итак, что касается до удовольствия, – трапеза бедных имеет преимущество. Если быть в чести приятнее, чем в бесчестии, иметь власть приятнее, чем подчиняться, сохранить смелость приятнее, чем трепетать и бояться, наслаждаться, сколько нужно, приятнее, чем свыше меры погружаться в волнах роскоши, – то в отношении к удовольствию это трапеза лучше той. Лучше она и по отношению к издержкам: та разорительна, а эта нет. Но что? Возлежащим ли только приятнее эта трапеза, или и приглашающему приносит она больше удовольствия, чем та? Вот то, о чем особенно спрашивается.

Созывающий (знатных) готовится за много дней, принужден бывает хлопотать, заботиться и беспокоиться, забыть сон ночью и отдых днем, должен о многом думать сам с собою, разговаривать с поварами, с пекарями, с устроителями трапезы. Потом, когда наступил назначенный день, видишь, что он более беспокоен, чем тот, кто вступает в бой, как бы не случилось чего непредвиденного, как бы не стали говорить худо, как бы не нажить многих обвинителей. Напротив этот (приглашающий бедных), готовя трапезу по-домашнему и не тревожась о ней за много дней, свободен от всех таких забот и хлопот. И после этого, тот немедленно лишается благодарности, а этот имеет своим должником Бога и питается благими надеждами, находя в своей трапезе пищу для ежедневного ликования. Хлеб иждивается, а благодать не иждивается, но ежедневно радует и веселит более, чем (сколько веселятся люди) обильно напояемые вином. Ничто столько не питает души, как добрая надежда и чаяние благ. Но посмотрим еще, что следует за этим. Там – флейты, цитры и свирели; здесь – ни одной неприличной песни, – а что? – гимны и псалмопения; там воспеваются демоны, здесь – Бог, Владыка всяческих. Смотри, сколько благодарности здесь, и сколько непризнательности и бесчувственности там. Скажи мне: Бог напитал тебя Своими благами, и напитавшись, надобно бы благодарить Его; а ты вводишь демонов? Ведь под свирель распеваются песни демонам. Надлежало бы сказать: благословен Ты, Господи, что напитал меня Твоими благами; а ты, будто какая не знающая чести собака, даже не помнишь (о Боге), а вводишь демонов? Да и собаки, – получают ли что, или не получают, – ласкаются к домашним; а у тебя и этого нет. Собака, и ничего не получая, ласкается к господину; а ты, и получая, лаешь на него. Опять, – собака, и благодетельствуемая чужим, не оставляет от того вражды к нему и не вступает с ним в дружбу; а ты, и терпя от демонов бесчисленные злодеяния, вводишь их на обеды. Поэтому ты вдвое хуже собаки.

Кстати вспомнил я теперь о собаках, применительно к людям, благодарным за получаемое ими добро. Устыдитесь, прошу вас, собак, которые и голодая ласкаются к господам, тогда как ты, слыша, что кому-нибудь послужил демон, тотчас оставляешь Господа, о, бессмысленнейший собаки! Но блудницы, говоришь, возбуждают, когда смотрят на них, удовольствие. Какое удовольствие? Не всяческое ли бесчестие? Дом твой сделался домом непотребства, бешенства и неистовства, – и ты не стыдишься называть это удовольствием? Ведь если позволительно наслаждаться всеми удовольствиями, то величайшим срамом будет и происходящее от них огорчение. Каким образом? Не тяжело ли дом свой сделать непотребным, и наслаждаться удовольствием, подобно свиньям, валяющимся в грязи? Если же это так только по наружности, то опять великое горе, потому что воззрение – не удовольствие, когда за ним не следует дело, но большее пожелание и сильнейший огонь. А хочешь ли знать конец? Те, вставая из-за стола, уподобляются неистовым и беснующимся, обнаруживают дерзость, задорливость, и бывают смешны даже для рабов, так как и домочадцы выходят трезвыми, а они пьяными. Какой срам! Здесь же, напротив, не бывает ничего такого, – здесь обедавшие, заключив трапезу благодарением, возвращаются в свои дома и радостно засыпают, радостно пробуждаются и бывают свободны от всякого стыда и ответственности.

6. Если хочешь видеть и самих званых, то увидишь их такими же внутренне, каковы эти внешне, то есть слепыми, калеками, хромыми. И каковы у этих тела, таковы у тех души – пораженные водянкой и воспалением: такова именно надменность. После роскошного пира бывает уродство: таковы именно пресыщение и пьянство, делающие, людей хромыми и кривыми. А этих увидишь ты таковыми же по душе, каковы те по телу, т. е. светлыми, украшенными: проводя жизнь в благодарении, не ища ничего, кроме довольства, и любомудрствуя, они через это бывают всегда веселы. Посмотрим здесь и там на конец. Там необузданное удовольствие, громкий хохот, пьянство, остроты, срамословие; если сами они стыдятся произносить постыдное, то это делается через блудниц; напротив здесь – человеколюбие, кротость. Того, кто зовет тех, вооружает тщеславие; а кто приглашает этих, тот возбуждается человеколюбием и кротостью; эту трапезу устраивает человеколюбие, а ту – тщеславие и жестокость в связи с несправедливостью и любостыжанием. Та оканчивается, как я сказал, надменностью, исступлением, неистовством, – таково именно порождение тщеславия, – а эта благодарением и славой Божьей. Та больше восхваляется людьми (чем эта); тому и завидуют, а

этого все, даже и не благодетельствованные, почитают как бы общим отцом. И как не обиженные состраждут обиженным и все сообща бывают врагами (обижающих), так и не благодетельствованные сочувствуют благодетельствованным и вместе хвалят и прославляют сделавшего благодеяние. Там много ненависти; а здесь много попечения, много от всех молитв. Это так теперь; тогда же, когда Христос придет, этот станет с великим дерзновением и пред всей вселенной услышит: ты видел Меня алчущим, и напитал, нагим, и одел, – странником, и ввел, и т. д., а тот выслушает противное: «лукавый раб и ленивый» ([Мф. 25:35, 26](#)), и опять: горе нежащимся на постелях своих и спящим на ложах из слоновой кости, пьющим процеженное вино и мажущимся первейшими мазями, как бы думали они стоять, а не бежать ([Амос. 6:4–5](#)). Это сказано нам не просто, но с тем, чтобы вы изменили свои помыслы и не делали ничего бесполезного.

Почему же, скажешь, не делать мне и этого и того? Такой вопрос все то и дело повторяют. Но, скажи мне, что за необходимость, имея возможность все делать с пользой, разделять (свои действия), и одни направлять не только к ненужному, но и к суетному, а другие к полезному? Скажи мне, если бы во время посева одни семена бросил ты на камень, а другие на добрую землю, – было ли бы это для тебя безразлично, и сказал ли бы ты: какой тут вред, что те семена бросили мы по пустому, а эти на добрую землю? Почему же бы все не на добрую? Для чего уменьшать пользу? Когда нужно бывает приобретать деньги, – ты не говоришь этого, но отовсюду приобретаешь; а там – не так. Когда нужно бывает пустить деньги в рост, – ты не говоришь: для чего одни давать бедным, другие богатым, но – все тем? Почему же таким образом не рассчитываешь и здесь, где столько пользы, и позволяешь себе попусту тратиться и суетно растрчивать (свое имущество)? Но и в этом, говоришь, есть польза. Какая, скажи мне? Это увеличит дружбу. Нет ничего холоднее людей, делающихся от этого друзьями, – от трапезы и паразитного пресыщения; нет ничего неприятнее дружбы, получившей такое начало. Не оскорбляй того дивного дела, – той любви ([αγάπη](#)), и не говори, что она есть корень твоей трапезы; иначе ты сказал бы подобное тому, кто утверждал бы, что корень дерева, приносящего золото и драгоценные камни – не таков же, но что это рождается из гнили. Хотя бы твоя дружба отсюда родилась, ничего не было бы холоднее ее. Те трапезы устанавливают дружбу не к людям, а к Богу, и (та дружба) определена постановлениями, как (и трапезы) определены ими. Кто истрачивает иное там, иное здесь, тот хотя бы и много дал, не сделал ничего великого; а кто все истрачивает здесь, тот хотя и немного

дает, все совершает. Вопрос – не в том, чтобы дать много или мало, а в том, чтобы дать не меньше, чем сколько можешь. Припомним пять талантов и два таланта; припомним положившую две лепты; припомним вдовицу во времена Илии. Не сказала та, положившая две лепты: какой вред, если одну лепту удержу у себя и одну дам? Нет, она отдала все свои средства. А ты, живущий в столь великом изобилии, скупее ее. Итак, не будем нерадивы о своем спасении, но позаботимся о милостыне. Ничего нет лучше ее; это покажет время будущее, это же показывает и настоящее. Будем же жить во славу Бога, и творить то, что Ему благоугодно, чтобы удостоиться нам обетованных благ, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[Кол.1:9–10](#). Посему и мы с того дня, как *о сем* услышали, не перестаем молиться о вас и просить, чтобы вы исполнялись познанием воли Его, во всякой премудрости и разумении духовном, чтобы поступали достойно Бога, во всем угождая *Ему*, принося плод во всяком деле благом и возрастая в познании Бога.

Призвание в царство Сына Божья – величайшее благо. – Настоящая жизнь похожа на птичье гнездо. – Землетрясения и разрушение городов. – Опровержение учения о судьбе.

1. «Посему и мы»: чего ради? Ради того, что мы слышали о вашей вере и любви. Имея добрую надежду, мы благонадежны в своих прошениях и на будущее время. Как на арене мы особенно возбуждаем тех, которые близки к победе, так и Павел особенно увещевает их, обнаруживших большие успехи в добродетели. «Как *о сем* услышали, – говорит, – не перестаем молиться о вас». Не один день провели мы в молитве, не два, не три. Этим показывает он и свою любовь, и слегка намекает, что они еще не дошли до конца, – это выражается словами: «Чтобы вы исполнялись». И заметь благоразумие этого блаженного (апостола): нигде не говорит, что они лишены всего, но везде – что им недостает. Это значит выражение: «чтобы вы исполнялись»; и опять: «Во всем угождая,... во всяком деле благом»; и еще: «укрепляясь всякой силою»; и: «во всяком терпении» ([Кол.1:11](#)). Говоря: «во всяком», свидетельствует, что они нечто совершили, хотя и не все. «Чтобы вы исполнялись», говорит, а не (говорит): да примете, – потому что приняли; напоминает о недостающем – «чтобы вы исполнялись». Таким образом и обличение было не тяжелое, и похвала не давала им пасть и сделаться беспечными, будто все исполнено. Но что значит: «чтобы вы исполнялись познанием воли Его»? То, что вы должны быть приведены к Нему через Сына, а не через ангелов. Что должны быть приведены, это вы познали; теперь остается вам еще узнать, для чего послал Он Сына. Ведь если бы спастись надлежало через ангелов, Он не послал бы и не предал бы Сына. «Во всякой премудрости, – говорит, – и разумении духовном». Так как философы обманывали их, то я хочу, говорит, чтобы вы водились мудростью духовной, а не человеческой. Если же для уразумения воли Божьей нужна мудрость духовная, то для уразумения сущности ее (мудрости духовной) нужны непрерывные молитвы. И Павел показываете здесь, что с того времени он молится, и не

окончил молитвы, и не оставил ее, – это и значит выражение: «как о сем услышали». Таким образом он поставляет им на вид великое осуждение, если с того времени, вспомоществуемые молитвами, они не исправились. «И просить», – говорит, то есть, с великой ревностью, – на это указывает слово: «узнали» (ἐγνώτε). Но чтобы «поступали достойно Бога», нужно еще нечто «познать» (ἐπιγνώσκειν), – чем указывается на жизнь и дела, так как он и это всегда делает, всегда с верой соединяет образ жизни. «Во всем угождая». Каким же образом – «во всем угождая»? «Во всем угождая». Как Он вообще открыл Себя вам, говорит, и как такое знание вы приняли, так проявите и жизнь) достойную веры; а наша вера требует особенной жизни, гораздо высшей, чем древняя. Ведь кто знает Бога и удостоился быть рабом Божиим, даже сыном, – от того, смотри, какая требуется добродетель. «укрепляясь всякой силою». Здесь (Павел) говорит об искушениях и гонениях: молимся, «чтобы вы исполнялись, укрепляясь», чтобы, то есть, вы не предали себя нерадению и отчаянию. «По могуществу славы Его». Чтобы вы восприняли, говорит, такое рвение, какое прилично приписать силе славы Его. «Во всяком терпении» ([Кол.1:11](#)). Смысл этих слов такой: мы усиленно молимся, говорит, чтобы вы вели жизнь добродетельную и достойную вашего звания, и стояли твердо, как следует укрепляемые от Бога. Поэтому пока еще не касается догматов, но возвращается в жизни, в которой не видел ничего, заслуживающего обвинения, и, похвалив их, за что надлежало, потом уже переходить к обвинению.

Так поступает он и везде: когда пишет к кому-либо, намереваясь за одно обвинить, а за другое и похвалить, то прежде хвалит и потом уже переходит к обвинениям; прежде располагает к себе слушателя и ограждает обвинение от всякого подозрения, показывая, что он хотел все только хвалить, и что лишь по необходимости входит в эти обвинительные рассуждения. Так поступает он и в первом послании к Коринфянам ([1Кор.5](#)): воздав им множество похвал за то, что они любят его, он потом, начав от блудника, переходить к обвинению. Но и в послании к галатам – уже не так, а напротив; впрочем, кто глубже исследует, тот найдет, что и это обвинение предполагает похвалу. Так как в то время нельзя было сказать ни о каком добром их поступке, а обвинение было велико, все развратились, и имели силу перенести (обвинение), то он начинает обвинением, говоря: «Удивляюсь» ([Гал. 1:6](#)), – что также есть похвала, – а потом хвалить их не за настоящее, а за прошедшее, говоря: «если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне» ([Гал. 4:15](#)).

2. «Принося плод», говорит – это о делах; «укрепляясь» – это об

искушениях. «Во всяком терпении», то есть, в долготерпении друг к другу, а в терпении относительно внешних, так как долготерпение бывает там, где можно бы и отомстить, а терпение там, где месть невозможна. Потому Богу никогда не приписывается терпение, а долготерпение всегда. Так говорит этот блаженный, пиша и в другом месте: «Или пренебрегаешь богатство благодати, кротости и долготерпения Божья» ([Рим. 2:4](#))? «Во всяком». Не то, что теперь только, а после уже нет. «Во всякой, – говорит, – премудрости и разумении духовном», – так как иначе нельзя познать волю Его. Хотя и думали они, что знают волю Божью, но это была мудрость не духовная. «Чтобы поступали, – говорит, – достойно Бога»: это – путь наилучшей жизни, когда кто познал Божье человеколюбие; а познает его тот, кто может видеть преданного Сына, – он будет иметь большее рвение. Впрочем мы не о том только молимся, чтобы вы знали (волю Божью), но чтобы показывали это и самыми делами, так как знающий и не делающий будет наказан. «Чтобы поступали», говорит, то есть, всегда, не однажды, а во всякое время. Как ходить нам необходимо, так и правильно жить; и такую жизнь справедливо называет он хождением, показывая, что эта-то жизнь предложена нам, и что мирская не такова. И велика похвала в словах его: «Чтобы поступали достойно Бога», и: «Во всяком деле благом», т. е., чтобы вы всегда возрастали и никогда не останавливались, и метафорически: «Принося плод во всяком деле благом и возрастая в познании Бога», т. е., чтобы вы столько облеклись в силу Божью, сколько это возможно человеку. «По могуществу Его». Велико утешение. Не сказал: по сил, но – по державе, что больше. «По могуществу, – говорит, – славы Его», так как везде владычествует слава Божья. Уже тем был утешен, что вы, терпя поношение, снова ходите достойно Господа. Это говорит он о Сыне, Который владычествует всюду – и на небе, и на земле, слава Которого всюду царить. Не просто говорит: смогли, но: смогли, как свойственно рабам столь сильного Владыки. «В познании Бога». Вместе касается и условий знания: но знать, как надобно, Бога – это значит заблуждаться. Вы должны, говорит, возрастить в познании Бога. Если незнающий Сына не знает и Отца, то справедливо требуется познание, так как без него нет никакой пользы от жизни. «Во всяком терпении, – говорит, и великодушии с радостью, благодаря Бога». Намереваясь потом убеждать их, он вначале не упомянул, что отложено им в будущем, а только намекнул об этом, говоря: «в надежде на уготованное вам на небесах»; здесь же упоминает о том, что уже было, потому что это служить причиной того. Так поступает он и во многих случаях, потому что сбывшемуся уже больше верят, и сбывшееся больше занимает

слушателя. «С радостью, – говорит, – благодаря Бога». Последовательность мыслей такова: мы не перестаем молиться о вас и благодарить Бога за прежнее.

Видишь ли, как приступает он к слову о Сыне? Ведь если благодарим с великой радостью, то велико и то, о чем говорится. Можно благодарить и по одному страху, можно благодарить и находясь в скорби, как напр., благодарил поверженный в скорбь Иов, почему и сказал: «Господь дал, Господь и взял» ([Иов. 1:21](#)). Пусть никто не говорит, что случившееся с ним не возбуждало в нем скорби и не повергало его в уныние; пусть никто не отнимает великой похвалы у праведника. Если же так, то не по страху, не по боязни пред властью только, а по самому свойству вещей, мы благодарим «призвавшего нас к участию в наследии святых во свете» ([Кол.1:12](#)). О великом деле сказал он. Дарованное, говорит, таково, что оно не только дано, но и сделало нас сильными для принятия (дарованного). Итак слово: «призвавшего» (сделавшего нас способными – τῶν ἰκανώσαντί) имеет здесь важное значение. Пусть бы например кто-нибудь из низкого звания сделался и царем; в его власти вверить начальство кому захочет; однако ж он в состоянии даровать только достоинство, а не самую способность начальствовать (а часто честь делает такого человека смешным); если бы он и достоинство дал ему, и сделал его способным к чести и годным к управлению, в таком случае честь была бы на деле. То же самое говорится и здесь, что Он не только даровал нам честь, но и сделал нас сильными к принятию ее.

3. Действительно, двойная честь – дать, и приготовить способность (для принятия) дара. (Павел) сказал не просто – давшего, но: «призвавшего (ἰκανώσαντί) нас к участию в наследии святых во свете», то есть, поставившего нас со святыми. При том сказал не просто – поставившего, но и – позволившего наслаждаться теми же благами так, как частью («к участию») называется то, что получает каждый. Ведь можно жить в том же городе, не пользуясь теми же выгодами; но иметь ту же часть, не пользуясь теми же выгодами, нельзя. Можно принадлежать к тому же наследию, и не иметь той же части, – например, все мы принадлежим к наследию, но не ту же все имеем часть. Впрочем здесь говорит он не об этом, а о части с наследием. Для чего же называет это наследием? С целью показать, что добрыми своими делами никто не приобретает царства, но как наследие зависит больше от счастья, так и здесь: никто не обнаруживает такой жизни, чтобы быть достойным царства, – все есть дар Божий. Потому-то говорит (евангелист): «Когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать»

([Лк. 17:10](#)). «К участию в наследии святых во свете», то есть, в знати. Мне кажется, что это говорит он и о настоящем, и о будущем. Потом показывает, чего мы удостоены. Не то только удивительно, что мы удостоены царства, но – должно еще прибавить, что удостоены будучи таковыми; а это не все равно, как и говорит (апостол) в послании к римлянам: «Ибо едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть» ([Рим. 5:7](#)). «Избавившего нас, – говорит, – от власти тьмы». Все зависит от Него – и это дать, и то, потому что ни у кого из нас нет доброго дела. «От власти тьмы», – говорит, то есть, от заблуждения и от власти дьявола. Не сказал просто: от тьмы, но от власти, так как (дьявол) над нами имеет великую силу и господствует. Тяжко быть и просто под дьяволом, а (под дьяволом) со властью – и того тяжелее. «И введшего, – говорит, – в Царство возлюбленного Сына Своего» ([Кол. 1:13](#)).

Итак, (Господь) явил Свое человеколюбие не в освобождении только нас от тьмы. Великое конечно дело и освободиться от тьмы; но быть введенным в Царство еще больше. Смотри же, как многосложен дар: Он освободил нас, лежащих на дне, и не только освободил, но и перевел в царство. «Избавившего нас». Не сказал – изверг, но – избавил (ἐρρύσαστο, исторг), показывая с одной стороны несчастное состояние наше и плен тех, с другой – беспрепятственность силы Божьей. «И введшего», – говорит, как бы кто воина перевел с места на место. И не сказал – перевел, или – переместил, так как всем этим выразалось бы переложение, а не переходение, но – переставил, – так что это было и нашим и Его делом. «В Царство возлюбленного Сына Своего». Не просто сказал: в Царство Небесное, но сообщил слову большую важность, назвав (Царство Небесное) Царством Сына, потому что нет похвалы больше этой, как и в другом месте он и говорит: «если терпим, то с Ним и царствовать будем» ([2 Тим. 2:12](#)). Того же удостоил нас, говорит, чего и Сына, и к этому еще прибавил – возлюбленного. Омраченных врагов вдруг переставил туда, где Сын, облек одинаковой с Ним честью. Не удовлетворился и этим одним, но, чтобы показать великость дара, не счел достаточным сказать – царство, а прибавил еще – Сына; и этого не довольно, – присоединил – возлюбленного; даже и этим не ограничился, но показал (божественное) достоинство Его естества. Что именно говорит? «Который есть образ Бога невидимого» ([Кол. 1:15](#)). Впрочем, не вдруг пришел к этому, но привнес благодеяние к нам; чтобы ты, слыша, что все есть дело Отца, не подумал, будто Сын исключается, он все дает и Сыну, дает и Отцу: Сын переставил, а Отец подал причину. Что именно говорит? «Избавившего нас от власти

тьмы»; а это – то же, что: «В Котором мы имеем искупление Кровью Его и прощение грехов» ([Кол. 1:14](#)), – потому что, если бы не были оставлены нам грехи, то не были бы мы и переставлены. Вот здесь опять – «в Котором». И не сказал: освобождение (λύτρωσις), а «искупление» (ἀπολότρωσις), чтобы уже больше не падать и не делаться мертвыми. «Который есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари» ([Кол. 1:15](#)). Здесь мы встречаемся с возражением еретиков, а потому сегодняшнюю беседу надобно перенести на завтра, чтобы предложить ее освеженному вашему слуху. Если же сверх того надлежит сказать нечто, так это то, что большее дело есть дело Сына. Каким образом? Таким, что одно было невозможно, т. е. пребывающим во грехах даровать царство, а другое было легче, т. е. уготовить путь дару. Что ты говоришь? Он сам отпустил тебе грехи, – следовательно сам и привел тебя. Здесь уже наперед заложен корень учения.

4. Но прежде, чем скажем об этом, необходимо окончить слово. Что же это такое? То, что, пользуясь таким благодеянием, мы всегда должны о нем помнить, должны непрестанно представлять себе дар Божий и размышлять, от чего мы избавились и что получили, чтобы таким образом быть благодарными и усиливать любовь (к Богу). Что ты говоришь, человек? Призываешься в царство, в царство Сына Божья, и всецело предаешься зевоте, почесываешься и засыпаешь? Да если бы надлежало ежедневно подвергаться тысяче смертей, не следовало ли бы вытерпеть все? Для получения влиятельного места ты все делаешь; а имея приобщиться царству Единородного, неужели не устремишься на тысячу мечей, не бросишься в огонь? И не это еще страшно, а то, что, и имея отойти, плачешь и, будучи привязан к телу, любовно возвращаешься среди здешних предметов. Что же это? Разве и смерть считаешь страшным делом? Причина тут – роскошь и праздность, потому что кто проводит жизнь скорбную, тот охотно вооружился бы крыльями, чтобы улететь отсюда. Мы теперь в таком же состоянии, в каком птенцы, ослабевающие оттого, что хотят всегда оставаться в гнезде. Чем доле будем здесь пребывать, тем слабее сделаемся.

Действительно, настоящая жизнь – гнездо, слепленное из соломинок и грязи. Хотя бы ты указал мне на большие здания, хотя бы даже на царские палаты, блистающие изобильно золотом и камнями, я буду думать, что они ничем не отличаются от гнезда ласточки: когда наступит зима, все упадут сами собою. А зимою я называю тот день, который будет зима не для всех, – потому что то время и Бог называет ночью и вместе днем, – ночью для грешников, а днем для праведников. В таком же смысле и я тот

день называю зимою. Если в продолжение лета мы не будем хорошо вскормлены, так чтобы по наступлении зимы могли летать, то матери не возьмут нас, но оставят умереть от голода, или, когда упадет гнездо – погибнуть. Тогда Бог, все воссозидая и поставляя в новый порядок, разорит всяческая, как гнездо, только с большей легкостью (чем разоряются гнезда). Тогда неоперенные и не могущие встретить Господа в воздухе, но так скупо вскормленные, что не получили легких крыльев, потерпят все то, что естественно терпеть находящимся в таком состоянии. Итак, когда гнездо ласточки падает, птенцы ее тотчас погибают; но мы не погибнем, а будем вечно под наказанием.

Тогдашнее время будет зима, но только жесточе зимы: тогда польются не потоки воды, а реки огня; будет не тьма от облаков, а тьма нерассеваемая и непроникаемая светом, так что нельзя будет видеть ни неба, ни воздуха, но придется чувствовать тесноту больше, чем чувствовали бы ее закопанные в землю. Мы часто говорим об этом, только иных не убеждаем. И не удивительно, что мы – люди слабые, когда говорим об этом, испытываем такое неверие, если то же испытывали и пророки, беседовавшие не о таких только предметах, а о войне и плене. И Седекия обличаем был Иеремией, но не устыдился. Потому пророки говорили: «Горе тем,... которые говорят: «пусть Он поспешит и ускорит дело Свое, чтобы мы видели, и пусть приблизится и придет в исполнение совет Святого Израилева, чтобы мы узнали!» ([Ис. 5:18–19](#)). Не будем удивляться этому: и жившее во времена ковчега не верили, а поверили, когда уже не было пользы в вере; и содомляне не ожидали, а поверили и они, когда это ни к чему уже им не служило. Но что я говорю о будущем? Кто ожидал того, что произошло ныне в разных местах? Кто ожидал этих землетрясений, разрушения городов? А это было вероятнее того ковчега. Из чего видно? Из того, что те не имели в виду другого примера и не слышали Писаний; а у нас бывало их множество и в ваши времена, и прежде. Откуда же неверие в такие явления? От расслабления души: пили да ели, и потому не верили. Ведь чего кто хочет, о том и думает, того и ожидает; противоречащие этому считаются болтунами.

5. Да не приключится и с нами того же: а теперь будет уже не потоп и не смертельное наказание; теперь начало (лишь) казней есть смерть не верящих тому, что будет суд. А кто, скажешь, пришел оттуда и возвестил об этом? Если такие слова говоришь в шутку, – и то уже нехорошо; в подобных вещах шутить не следует; не над шуточными, а над опасными предметами шутим мы. Если же ты в самом деле таков и не думаешь, что будет что-либо после этой жизни, то почему называешь себя

христианином? А с нехристианами я не говорю. Для чего принимаешь ты купель? Для чегоходишь в церковь? Разве мы обещаем тебе (правительственные) места? Вся наша надежда в будущем. Так для чего приступаешь, если не веришь Писаниям, если не веруешь в Христа? А будучи таким, ты, – не скажу, не-христианин, – ты хуже язычников. Почему? Потому, что признавая Христа Богом, не веруешь в Бога. То нечестие по крайней мере последовательно: кто не думает, что Христос есть Бог, тот по необходимости не верует в Него; а это нечестие даже лишено последовательности, – признает Его Богом и не почитает достоверным того, что Он сказал. Это слова пьянства, роскоши, неги: «Станем есть и пить, ибо завтра умрем!» ([1 Кор. 15:32](#)). Не завтра, но и тогда, как говорите это, вы уже умерли. Скажи мне, неужели мы ничем не отличаемся от свиней и ослов? Если нет ни суда, ни воздаяния, ни судилища, то для чего почтены мы таким даром – словом, и все имеем в подчинении? Для чего мы начальствуем, а нам подчиняются? Смотри, как дьявол теснит нас со всех сторон с целью внушить нам не признавать дара Божья. Он смешивает рабов с господами; как продавец невольников и неблагодарный слуга, старается благородного человека привести в одинаковое ничтожество с собою – оскорбителем. По-видимому он отвергает суд; а этим отвергается бытие Бога. Дьявол всегда таков – все предлагает с хитростью, а не прямо, чтобы мы не остерегались. Если нет суда, то Бог, судя по-человечески, несправедлив; а если Бог несправедлив, то Он и не Бог, когда же Он не Бог, – все сразу рушится: нет ни добродетели, ни порока. Но явно ничего такого не говорит он. Видишь ли помысел сатанинского духа, как из людей хочет он сделать бессловесных, или лучше – зверей, а еще лучше – демонов. Итак, не будем верить ему.

Есть суд, жалкий ты и несчастный человек! Знаю, откуда приходишь ты к этим речам. Много у тебя грехов, много сделано тобою обид, открыто говорить ты не смеешь, думаешь, что вслед за твоими речами пойдет и природа вещей. До времени я не буду, говоришь, огорчать душу ожиданием геенны. Хотя бы и была геенна, я постараюсь убеждать себя, что ее нет; а между тем здесь погуляю. Для чего прилагаешь согрешения к согрешениям? Если, согрешив, будешь верить, что есть геенна, то отойдешь, очистившись от грехов только наказанием; а когда приложишь и это нечестие, – подвергнешься крайнему мучению и за самое нечестие и за этот помысел. В последнем случае кратковременно льстившее тебе холодное утешение будет для тебя причиной непрерывного мучения. Пусть так согрешил ты сам: зачем же располагаешь ко греху других, говоря, что нет геенны? Зачем обманываешь простецов? Зачем расслабляешь руки

народа? По твоему, все навыворот: люди старательные не будут еще более старательными, а беззаботными, злые не отстанут от зла. Ведь если станем развращать других, – грехи наши не будут прощены нам. Не видишь ли, как дьявол вознамерился низвергнуть Адама? Было ли прощено ему? Это послужило поводом к большему наказанию. За то и он так устраивает свои сети, чтобы мы несли наказание не за собственные только, но и за чужие грехи. Не станем же думать, что, вводя других в одинаковую с нами погибель, мы сделаем судилище, в отношении к нам, более кротким; напротив, от этого будет оно строже. Зачем нам толкать себя и губить? Все это – дело сатанинское. Согрешил ты, человек? Имеешь человеколюбивого Владыку: моли Его, проси, плачь, стенай, устрашай других и уговаривай, чтобы они не впади в те же грехи. Если в доме кто-нибудь из грубых слуг говорит своему сыну: дитя! я оскорбил господина, старайся же угождать ему, чтобы и с тобою не случилось того же, – то, скажи мне, не приготовит ли он себе сколько-нибудь прощения, не преломит ли гнева господина и не преклонит ли его? Но пусть он, оставив эти слова, скажет, например, следующие: господин мой не воздаст всякому по достоянию, у него просто все перемешано – и добро и зло, в этом доме не дожидаться благодарности что, по твоему мнению, господин подумает о нем? Не подвергнет ли его за его проступки еще большему наказанию? И справедливо: там душевное потрясение послужит к извинению, хотя и слабому, а здесь ничего. Итак, подражай, если не иному кому, то по крайней мере богачу в геенне, который говорит: «отче, пошли... Лазаря к сродникам моим, чтобы и они не пришли в это место» ([Лк. 16:27–28](#)), не подвергнутся тому же, – сам же он пойти не мог. Воздержимся от тех сатанинских слов.

6. А что, скажешь, если спрашивают нас язычники, – разве не захочешь помочь им? Но ввергнув в недоумение христианина под видом попечения о язычнике, ты хочешь подтвердить сатанинское учение; не убедившись в нем сам, посредством собеседования с одного душой, ты хочешь привести других в свидетели. Если же нужно разговаривать с язычником, то не с этого следует начинать разговор, а вот с чего: Христос – Бог ли и Сын ли Божий, и исповедуемые ими демоны – боги ли? Как скоро это рассмотрится, – все прочее само собою вытечет; а прежде, чем изложено будет начало, напрасно стали бы мы разговаривать о конце; прежде, чем узнаны элементы, излишне и безумно было бы приступать к концу. Не верит язычник суду, – и находится в таком же состоянии, как ты, потому что и он знает многих, которые философствовали об этом: хотя они говорили это о человеке, отрешившем свое тело от души, однако ж допускали судилище; и ясность этого дела представлялась столь сильной,

что почти никого не было, кто не знал бы о том, даже и поэты, и все соглашались как относительно судилища, так и относительно суда. Значит и язычник не неверит своим, и иудей не сомневается в этом, и вообще ни один человек. Зачем же мы обманываем себя? Вот ты говоришь мне: что скажешь Богу, сотворившему отдельно сердце каждого из нас, знающему все, что есть в уме, живущему и действующему, и проникающему более всякого обоюдоострого меча? Скажи мне по правде: не сознаешься ли ты сам в себе, что грессишь? Есть ли (на свете) человек, который не порицал бы себя за леность? Каким же образом произошла сама собою такая великая мудрость, что грешник обвиняет сам себя? Ведь это – дело великой мудрости. Ты обвиняешь себя; а тот, кто дал тебе такой ум, – оставил все на произвол? Итак, вот что будет всеобщим правилом и определением: никто из людей, живущих добродетельно, хотя бы то был язычник или еретик, не неверит этому слову суда; никто из людей, вращающихся в величайшем зле, кроме немногих, не принимает слова о воскресении. Это говорит и Псалмопевец: «Суды Твои далеки для него». Почему? Потому что «Во всякое время пути его гибельны» ([Пс. 9:26](#)). «Станем есть, – говорит, – и пить, ибо завтра умрем!» ([1 Кор. 15:32](#)). Видишь ли, что говорит это свойственно людям низким? Эти слова, отвергающие воскресение, происходят от пищи и питья. Не переносит душа, не переносит суда совести, и поступает так же, как человекоубийца: сперва поставляет себя в такие обстоятельства, чтобы не поймали, а потом убивает; находясь пред судом совести, не скоро переходит к преступлению, – и знает, и притворяется, что не знает, чтобы не мучиться совестью и страхом, и не ослабить себя для убийства. Так-то и согрешающие знают, что грешить – худо, и ежедневно колеблются в злых своих поступках, не желая знать, что они злы, хотя совесть и укоряет их в этом. Но не станем на них останавливаться. Будет, непременно будет суд и воскресение, и не оставит Бог втуне столь великих дел. Потому, умоляю, будем удаляться от зла и держаться добродетели, чтобы нам принять истинное слово во Христе Иисусе Господ нашем.

При том, что легче: принять ли слово о воскресении, или слово о судьбе? Последнее полно неправды, полно бессмыслия, полно жестокости, полно бесчеловечия; а первое есть слово правды, воздающее по достоинству. И однако ж не принимают его. А причина – леность. Но последнее не принимается никем, в ком есть рассудок; и между язычниками тот лишь принимал судьбу, кто целью жизни почитал удовольствие, а любителями добродетели судьба была изгоняема, как нечто несмысленное. Если же язычники так (думали о судьбе), то тем

более (должны были они склоняться) к слову о воскресении. Но смотри, как дьявол устроил две противоположности: чтобы мы нерадели о добродетели, он ввел необходимость; а чтобы усердно служили демонам, внушил два противных понятия и обоими достигал того и другого. Итак, какое оправдание сможет принести тот, кто не верит столь дивной вещи, а верит тем басням? Не питайся даже и тем утешением, что ты получишь прощение, но обратимся и подвигнемся для добродетели, и проживем истинно Богу во Христе (Которому с Отцом и Св. Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Кол.1:15–18. Который есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари; ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – все Им и для Него создано; и Он есть прежде всего, и все Им стоит. И Он есть глава тела Церкви.

О достоинстве Сына Божья и о том, что Он не создан. – Павел Самосатский и его последователи.

1. Сегодня я должен отдать вам долг, который принял на себя вчера, чтобы предложить его, когда оживится ваше внимание. Рассуждая о достоинстве Сына, Павел, как мы сказали, говорит следующее: «Который есть образ Бога невидимого». Чьим образом, ты думаешь, он называет Его? Если Божьим – хорошо, потому что Он – Бог и Сын Божий. Образ Божий означает неизменяемость, – поэтому и Он неизменяем. Если же ты скажешь, что (называет образом) человеческим, то я отступлюсь от тебя, как от безумного. Но почему нигде не назван ни образом, ни сыном какой-нибудь ангел, а человек (называется) тем и другим? Отчего это? Оттого, что там, при высокой природе (ангелов), это для многих послужило бы поводом к нечестию (т. е. к обоготворению твари), а здесь ничтожество и уничиженность (нашей природы) совершенно ручаются за безопасность, и даже тому, кто желал бы, не позволяют подозревать чего-нибудь подобного и из-за этого употребляют более скромные выражения. Потому-то там, где было глубокое уничижение, Писание смело указывает на почесть; а где – высшая природа, там нет. Но он говорит: образ невидимого.

Итак, если Он невидим, то и образ Его также невидим, потому что в противном случае не был бы образом. Образ, поскольку он образ, и у нас должен быть неизменным как со стороны свойств, так и сходства. Но у нас этого никак не может быть потому, что здесь – искусство человеческое, которое часто не удается, даже никогда не удается, если тщательно исследуешь; а где Бог, там никогда нет ошибки, там не бывает никакой неудачи. Если же (Сын) – творение, то таким образом Он есть образ Создателя? И конь, не может быть образом человека. Если образ не представляет неизменности невидимого, так что препятствует и ангелам быть образом? Ведь и они невидимы, – хотя и не для себя самих, – и душа невидима; но, из-за того только, что она невидима, разве она – образ? Если и образ, то не такой, как Он. «Рожденный прежде всякой твари».

2. Что же, говорит, значит Он создан? Почему это так, скажи мне? Потому, что он назвал Его перворожденным. Но он не сказал: первосозданный, а – перворожденный. Затем, если ты называешь Его сотворенным потому, что (апостол) назвал Его перворожденным, то что ты скажешь, когда услышишь, что Он называется братом? Действительно Писание называет Его также братом, уподобившимся по всему нам. Ужели вследствие этого мы будем отвергать даже и то, что Он – Творец, и утверждать, что Он не имеет никакого преимущества пред нами ни по достоинству, ни по чему-нибудь другому? И кто, имея ум, может говорит это? Слово – перворожденный – не показывает достоинства и чести, а выражает только время. Но если Он не имеет никакого преимущества пред нами, то в этом смысле Он – перворожденный по отношению ко всему, а в таком случае Бог Слово будет подобосущен и камням, и деревьям, и прочему. «Рожденный прежде, – говорит, – всякой твари». Но скажешь: Он назван перворожденным, значит – создан. Да, если бы так, если бы не приписывались Ему и другие подобные свойства, как-то: «первенец из мертвых, дабы иметь Ему во всем первенство» ([Кол. 1:18](#)). Скажи мне, что показывают (слова): «первенец из мертвых»? Конечно не то, что Он первый воскрес; (апостол) не сказал просто, что (Он первый из) мертвых, но что Он перворожденный из мертвых, и не сказал также, что Он первый умер, но что Он воскрес, как перворожденный из мертвых, так что (апостол теми словами) показывает только то, что (Христос) был начатком воскресения. Стало быть не иное что-нибудь (говорит он) и в настоящем месте. Затем он приступает наконец к самому догмату. Так как Он древле приводим был ангелами, а ныне (приходить) сам, то, чтобы не подумали, будто Он моложе (ангелов), (апостол) показывает, во-первых, что (ангелы) не имели никакой силы, в противном случае не Он извел бы нас от тьмы, а потом утверждает, что Он был раньше их, и в доказательство того, что Он раньше их, приводит то, что они от Него созданы. «Ибо Им, – говорит, – создано все».

Что скажут здесь последователи Павла Самосатского? Все через Него произошло: вот ведь сказано, что «ибо Им создано все». И еще (апостол) сказал: «Что на небесах и что на земле». То, в чем можно было усомниться, он поставил наперед, а затем присоединяет: «видимое и невидимое»; под невидимым разумея душу, а под видимым – всех людей. То, чему все верили, он опускает, а то, в чем сомневались, он ставит на вид. Затем говорит: «престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли». Слово: «ли» обнимает все; но ко властям он не мог сопричислить и Духа, а через высшее мог обозначить и низшее. «Все, – говорит, – Им и для

Него создано». Таким образом «Им» значит то же, что и «для Него», потому что сказавши: «Им» (ἐν αὐτῷ), он прибавил: «и для Него» (δι αὐτόν). А что значит: «на Нем» (εἰς αὐτόν)? Это значит: на Нем утверждается (εἰς αὐτόν χρέματαί) сущность всего. Он не только привел это из небытия в бытие, но и теперь содержит это, так что если бы что-нибудь изъято было из Его промысла, разрушилось бы и погубило. Но (апостол) не сказал: содержит, – это было бы несколько поглубже, – он употребил выражение более тонкое: на Нем утверждается, потому что достаточно только опереться на Него, а Он уж поддержит и крепко сдержит. Таким образом и название: «первенец» употребляется в том же значении, как – составляющий опору. Но это показывает не то, будто Он подобосущен тварям, а то, что все существует Им и через Него. Так и в другом месте, говоря: «положил основание» ([1 Кор. 3:10](#)), говорит не о сущности, а о действии. Чтобы ты не подумал, что Он служебное орудие, (апостол) говорит, что Он это содержит, а это не мене значит, чем самое творение, для нас даже и более, так как первое соединено с искусством, а последнее нет: содержимое Им не разрушается. «И Он есть прежде всего», – говорит. Это свойственно Богу. Где же теперь Павел Самосатский? «И все Им стоит», т. е. все на Нем утверждено. Он постоянно вращается около этой (мысли), чтобы настойчивостью в словах, как бы частыми ударами, исторгнуть с корнем тлетворное учение. В самом деле, если даже и теперь, после того как столь много говорил об этом, и по прошествии столь долгого времени явился Павел Самосатский, то не тем ли легче было ему явиться, если б об этом не было говорено? «И все, – говорит, – Им стоит». Каким образом могло состояться в том, чего нет? значит и то, что производится через ангелов, принадлежите Ему. «И Он есть глава тела Церкви». Сказав о достоинстве, он говорит потом о человеколюбии. «И Он, – говорит, – есть глава тела Церкви». Не сказал: полноты (πληρώματος), выражая этим то же самое, но желая показать большую близость Его к нам, так как тот, кто до такой степени высок и выше всех, присоединился к низшим. Он везде первый: первый в горних, первый в Церкви, как ее глава, первый и в воскресении; это и означают (слова): «дабы иметь Ему во всем первенство».

3. Таким образом Он первый и по бытию, и это-то особенно старается показать Павел. А как скоро будет доказано, что Он был прежде всех ангелов, то понятно будет и то, что творимое ангелами Он сам творил, как повелитель. И что удивительно, так это то, что (апостол) постарался представить Его первым в ряду последних существ, хотя в другом месте первым он назвал Адама, как и на самом деле было. Но он принимает

Церковь вместо всего человеческого рода; в Церкви же Он – первый, а в ряду людей, как творения, Он первый по плоти. Вот почему здесь (апостол) представляет Его перворожденным. Что значит здесь – перворожденный? Прежде всех созданный, или прежде всех воскресший, равно как и там: «прежде всего» сущий? Здесь он предоставляет Его начатком, сказав: «Он – начаток, первенец из мертвых, дабы иметь Ему во всем первенство», – выражая мысль, что и прочие таковы же, как и Он; а там Он не начаток творения, там Он – «образ Бога невидимого», и в этом смысле там и сказано: «Первенец,... чтобы в Нем обитала всякая полнота, и чтобы посредством Его примирить с Собою все, умиротворив через Него, Кровью креста Его, и земное и небесное» ([Кол. 1:18–20](#)). Все, что принадлежит Отцу, он приписывает и Сыну, и особенно заботится об этом потому, что Он был мертв и соединился с нами. А начатком он назвал Его как бы в смысл (начатка) какого-нибудь плода. Он не сказал: воскресение, а – начаток, показывая, что Он освятил нас всех и как бы принес жертву. «Полнота» – он сказал о Божестве, подобно тому, как говорит Иоанн: «и от полноты Его все мы приняли» ([Иоан. 1:16](#)), т. е. был ли то Сын, или Слово, но там вселилось не действие какое-нибудь, а сущность. И он не находит тому никакой другой причины, кроме воли Божьей: это и означают (слова): «и чтобы посредством Его примирить с Собою все». Чтобы ты не подумал, что Он принял на Себя должность раба, (апостол) прибавляет: «с Собою»; и в другом месте говорит, что (Христос) примиряет Богу, как в послании к Коринфянам сказал, и сказал верно: «и чтобы посредством Его примирить», потому что (люди) уже были примирены, а требовалось только окончательное умиротворение, так чтобы они против Него уже не враждовали. Каким образом это делается, он показывает вслед затем, не только возвещая о примирении, но и объясняя самый способ примирения: «Умиротворив Кровью креста Его». Одно здесь указывает на вражду, именно – «примирить», а другое на войну, именно – «умиротворив». «Кровью, – говорит, – креста Его, через Него, и земное и небесное». Великое дело – примирение, еще более – (примирение) через Него, а еще более – (примирение) кровью Его, и не просто кровью, но, что еще больше, крестом, так что здесь пять вещей, достойных удивления: Он примирил (нас) с Богом, сам Собою, смертью, крестом. О, как вне (с другой стороны) соединил все это! Чтобы ты не подумал, будто это все одно и то же. и крест сам по себе не значит ничего, он говорит: «через Него». На каком основании он считает это важным? На том, что (Сын Божий) совершил все это не так, что только сказал несколько слов, а так, что предал Себя самого для примирения. Но что значит: «небесное»?

Что касается до земного, то это понятно, потому что здесь все было наполнено враждой и разделилось на множество (частей); каждый из нас был в несогласии сам с собою и со многими другими. Но как Он умиротворил «небесное»? Ужели и там был раздор и несогласие? Как же мы говорим в молитве: «да будет воля Твоя и на земле, как на небе» ([Мф. 6:10](#))? Что на это сказать? Земля была отделена от неба, ангелы враждовали против людей, видя оскорбляемым своего Владыку. «Дабы, – говорит, – все небесное и земное соединить под главой Христом» ([Еф. 1:10](#)). Как? Небесное вот так: Он переселил туда человека, возвел туда того, кто был врагом, кого там не любили. Он не только водворил мир на земле, но и возвел его (человека) к ним (ангелам), – человека, который был неприятелем и врагом. Это – глубокий мир. Ангелы опять являются на земле, потому что человек явился на небе. А мне кажется, что Павел для того и был восхищен (на небе), чтобы он увидел, что Сын взят туда. И ведь на земле (водворен) сугубый мир: по отношению к небесным (обитателям) и по отношению друг к другу, а на небесах – только один. Если уж об одном кающемся грешнике радуются ангелы, то гораздо более о таком большом их числе. И все это устроила сила Божья. Что же вы, скажут, слишком полагаетесь на ангелов? Они не только не способны привести вас (к Богу), но даже были некогда враждебны вам, и если бы сам Бог не примирил вас с ними, то вы не имели бы мира. Итак, зачем вы прибегаете к ним? Хочешь ли знать, какова была у ангелов вражда к нам, и какое они всегда питали к нам отвращение? Они были посылаемы для наказания к израильтянам, к Давиду, к содомлянам, в юдоль плача. Но теперь не так; напротив, они весьма радостно воспевали на земле; Бог низвел их к людям, а людей возвел туда.

4. При этом обрати внимание на вещь необычайную: (Господь) сначала их низвел к нам, а потом человека возвел к ним; земля стала небом, потому что небо имело принять к себе земных (обитателей). Потому мы с благодарностью взываем: «слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» ([Лк. 2:14](#)). Вот, говорит, и люди наконец стали угодными (Богу). Что значит: «благоволение»? Примирение. Теперь небо уже не заграждено от нас непроходимой преградой. Прежде ангелы были распределены по числу народов, а теперь уже не по числу народов, а по числу верных. Откуда это видно? Выслушай слова Христовы: «смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного» ([Мф. 18:10](#)). Каждый верующий имеет ангела, так как и с самого начала каждый благочестивый человек имел ангела, как говорит Иаков: «Ангел,

избавляющий меня от всякого зла, да благословит отроков сих» ([Быт. 48:16](#)).

Итак, если у нас есть ангелы, то будем вести себя осмотрительно, как бы с нами были наставники, потому что с нами есть и демон. Поэтому будем молиться и взывать, прося себе ангела мирна; мы и везде просим мира, потому что с ним ничто не может сравниться, – мира и в церквях, и в молитвах, как частных, так и общественных, и в приветствиях; предстоятель церкви подает его нам и раз, и два, и три, и много раз, произнося: «Мир вам». Почему так? Потому что мир есть источник всех благ: он приносит с собою радость. Поэтому-то и Христос заповедал апостолам, входя в дома, тотчас говорит о нем, как о символ всех благ: «Входя в дом..., говорите: Мир дому сему» ([Мф. 10:12](#)), так как без него ничто не имеет цены. И опять Он говорит ученикам: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам» ([Иоан. 14:27](#)), потому что им обуславливается и самая любовь. И предстоятель церкви не просто говорит: мир вам, но – «мир всем». Да и какая польза нам с одним иметь мир, а с другим ссориться и враждовать? Какая прибыль? И тело не может быть тогда здоровым, когда некоторые части его находятся в согласии, а другие действуют несогласно, но лишь тогда, когда во всем порядок, согласие, мир; не будь мира во всем, тогда все выйдет из своих границ, все извратится. Подобным образом и в уме нашем, если мысли не находятся все в спокойном состоянии, мира не будет. Мир – это столь великое благо, что те, которые водворяют и поддерживают его, называются сынами Божиими. И справедливо: сам Сын Божий пришел на землю умиротворить земная и небесная. Если же миротворцы – сыны Божьи, то возмутители – сыны дьявола. Что ты говоришь? Ты и в самом деле производишь раздоры и междоусобия? Неужели, скажешь, есть где-нибудь такой несчастный? Есть и много таких, которые радуются злу и с большей жестокостью терзют тело Христово, чем воины, пронзившие его копьем, чем иудеи, пронзившие его гвоздями. То зло меньше, чем это; те члены, будучи растерзаны, снова соединились, а эти, будучи отторгнуты, если здесь не соединятся между собой, то никогда не будут соединены, а останутся вне целого (церкви).

Когда ты хочешь завести ссору с братом, вспомни, что ты восстаешь против членов Христовых и укроти свой гнев. Что тебе до того, если это человек нетерпимый и низкий; что тебе, если это – презренный? «Нет, – говорит, – воли Отца... Моего чтобы погиб один из малых сих» ([Мф. 18:14](#)); и опять: «Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного». Для него Бог сделался даже рабом и подвергся закланию; а ты считаешь его за ничто? Через это ты восстаешь против Бога, возвышая

голос наперекор Ему. Предстоятель церкви, как только входит, сейчас же говорит: «Мир всем»; когда начинает беседу (говорит): «Мир всем»; когда благословляет (говорит): «Мир всем»; когда повелевает принести друг другу целование (говорит): «Мир всем»; когда совершится жертва: «Мир всем», и во время совершения также: «Благодать вам и мир» ([Кол. 1:3](#)). Как же не безрассудно, если мы, столько раз слыша (напоминание об обязанности) иметь мир между собою, враждуем друг против друга, если, и сами принимая, и другим преподавая, восстаем против того, кто подает нам мир? Ты говоришь: «И духу твоему», а выйдешь (из церкви) и начинаешь обносить его клеветой? Увы, то, что особенно дорого в церкви, стало одним внешним обрядом, а не настоящей истиной! Увы, все символы этого воинства (церкви) ограничиваются словами! Поэтому вы даже и не знаете, для чего говорится: «Мир всем».

Но послушайте далее, что говорит Христос: «В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете; а входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится» ([Мф. 10:11–13](#)). Мы потому и не знаем, что считаем эти слова одним образным выражением и не вникаем в смысл их. Ведь не я подаю мир, а Христос благоволил говорить через нас. Хотя бы во всякое другое время мы чужды были благодати, но теперь не чужды ее для вас. Если благодать Божья, по устройению (Промысла), действовала для пользы израильтян через осла и через волшебницу, то несомненно, что она не откажется действовать и в нас, и соизволить на это для нас.

5. Итак, никто пусть не говорит обо мне того, что я не совершен, ничего не значу и ничего не стою; и всякий пусть слушает меня со вниманием. Я тоже ведь принадлежу к числу тех (через которых действует благодать Божья). Бог обыкновенно присутствует постоянно в таких людях, для пользы многих. Знайте, что Он благоволил говорить с Каином ради Авеля, с дьяволом ради Иова, с фараоном ради Иосифа, с Навуходносором ради Даниила, с Валтасаром ради него же. И волхвам было откровение, и Каифа пророчествовал ради достоинства священного сана, несмотря на то, что был убийцей Христа и недостойным. Говорят, что и Аарон из-за этого же не был поражен проказой. В самом деле, скажи мне, почему только она одна (сестра Ааронова) понесла наказание, тогда как они оба противоречили (Моисею)? Не удивляйся; если между светскими властями бывает так, что хотя бы в бесчисленных преступлениях обвиняли кого-нибудь, но он не прежде приводится в

судилище, как по снятии с него власти, чтобы вместе с ним не нанести оскорбления и ей, то тем более в духовной власти, какова бы она ни была, благодать Божья всегда действует; в противном же случае все бы погибло. Но когда человек сложит ее с себя, тогда подвергнется тягчайшему наказанию или по отшествию (из этой жизни), или даже еще здесь непосредственно вслед затем. Не думайте, что я это от себя говорю. Божья благодать действует и через недостойного, не для нас, а для вас.

Послушайте же, что говорит Христос: «И если дом будет достоин, то мир ваш придет на него» ([Мф. 10:13](#)). Как же он делается достойным? Если примут вас, говорит Он. Если же не примут вас, и не послушают слова вашего, «Истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому» ([Мф. 10:15](#)). Итак, какая польза от того, что вы принимаете нас и не слушаете слов наших? Что прибыли, что вы почитаете нас и не внимаете тому, что мы говорим вам? Вот для нас честь, вот для нас удивительное уважение, благотворное для вас и для нас, – если вы слушаетесь нас. Послушайте и Павловых слов: «Я не знал, братия, что он первосвященник» ([Деян. 23:5](#)). Послушайте и Христовых слов: «Все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте» ([Мф. 23:3](#)).

Ты не меня презираешь, а священство. Если ты видишь меня лишенным его, презирай: тогда и я не стану проявлять власть. Но доколь мы восседаем на этом престол, доколь мы имеем председательство, дотоль имеем достоинство и силу, хотя сами и недостойны. Коли седалище Моисея было столь почтенно, что из-за него слушали восседавших на нем ([Мф. 23:2–3](#)), то тем более престол Христов. Его унаследовали мы. Мы вещаем вам с того самого (престола), с которого и Христос учредил в нас служение примирения. Посланники, каковы бы они ни были, пользуются великой честью из-за своего посольского достоинства. Посмотри в самом деле: они приходят одни во внутренность варварской земли, среди стольких врагов; и так как закон о посольств имеет великую силу, то их все почитают, все смотрят на них с уважением, все отпускают их с безопасностью. И мы имеем значение посланников и пришли от Бога: таково епископское достоинство. Мы пришли к вам в качестве посланников, прося прекращения войны и объявляя условия, общая дать вам не города, или столько-то мер хлеба, или пленников, или золото, но Царство Небесное, жизнь вечную, сожитительство со Христом и другие блага, которых ни мы не в состоянии высказать, ни вы выслушать, доколь находимся в этом теле и в настоящей жизни.

Итак, мы исполняем должность посланников, и желаем пользоваться

честью не для нас самих, – нет, мы знаем, как она ничтожна, – а для вас, чтобы вы охотно слушались слов наших, чтобы вы получали пользу, чтобы вы без рассеянности и лености внимали словам нашим. Не видите ли, как много внимания все обращают на посланников? Мы Божьи посланники у людей; если это для вас тягостно, то ведь не мы (тягостны), а самое епископство, не тот или другой (человек), а епископ. Пусть всякий не меня слушает, а сана моего. Будем же все делать так, как угодно Богу, чтобы жить во славу Божью и удостоиться благ, какие обещаны любящим Его, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

[Кол.1:21–22](#). И вас, бывших некогда отчужденными и врагами, по расположению к злым делам, ныне примирил в теле Плоти Его, смертью Его, чтобы представить вас святыми и непорочными и неповинными пред Собою.

Похвала Моисею. – Почему Христос позже его пришел в мир.

1. Здесь (апостол) показывает, что (Христос) примирил (людей), тогда как они недостойны были примирения, – выражение: были под властью тьмы – указывает на бедственное положение, в котором они находились. Но чтобы ты, услышав о темной власти, не вообразил себе какой-нибудь необходимости, он прибавляет: «И вас, бывших некогда отчужденными». Хотя здесь, по-видимому, он говорит то же самое, но (на самом деле) не то: не одно и то же – избавить от зла человека, который по необходимости потерпел зло, и (человека), который добровольно подвергся ему; первый достоин сожаления, а последний – отвращения. Однако же Он, по словам (апостола), освободил нас, отступивших от Него не по неволе, не по принуждению, но добровольно, и примирил нас, несмотря на наше недостойнство. И так как (апостол) выше упомянул о небесном, то он теперь показывает, что вся вражда имеет начало отсюда, а не оттуда: они (обитатели неба) давно желали (примирения), и Бог тоже, а вы не хотели. Он делает совершенно ясным, что если бы люди до последних времен оставались врагами, то ангелы ничего не могли бы сделать: они не могли и убедить (людей) и, убедивши, освободить от дьявола. Ведь не было бы никакой пользы убедить их, не связавши властителя (дьявола), равно не было бы никакой пользы связать (властителя), когда бы содержимые (под его властью) не захотели избавиться. Надлежало сделать то и другое; (ангелы) ни того, ни другого не могли сделать, а Христос то и другое исполнил. И ведь убедить (людей) было делом более удивительным, чем разрушить смерть: последнее всецело зависло от Него, и Он один был в нем Господином; а в первом не Он один действовал, но и мы принимали участие, мы же удобнее совершаем то, что от нас самих зависит.

Итак то, что было важнее, (апостол) полагает после; и он не просто сказал: враждующих, но – «отчужденными», что означает сильную вражду, и даже не только отчужденных, но и не ожидавших воссоединения. «И врагами, по расположению», – говорит он, показывая тем, что отчуждение их было не только в намерении, а что? – «к злым делам», т. е. вы и были

врагами, и действовали, как враги. «Ныне примирил в теле Плоти Его, смертью Его, *чтобы* представить вас святыми и непорочными и неповинными пред Собою». Здесь он представляет и образ примирения, – что (Христос примирил нас) «в теле», будучи не просто язвен, или биен, или предан, но и претерпевши самую поносную смерть. Он снова упоминает о кресте, и снова указывает на другое благодеяние; не только (говорит): избавил, но намекает и здесь на то, о чем сказал выше – что сделал нас способными (к получению избавления). «Смертью Его, – говорит, – *чтобы* представить вас святыми и непорочными и неповинными пред Собою». Он не только освободил нас от грехов, но и поставил в числе прославленных. Он претерпел столько не для освобождения только от зла, но и для того, чтобы возвести нас к первоначальному состоянию, подобно тому, как если бы кто, освободив осужденного от наказания, возвел его еще в почетное состояние. И Он поставил нас в числе несогрешивших ни в чем, или лучше, в числе не только несогрешивших, а и совершивших величайшие подвиги, и что еще больше, даровал святость пред Собою. Слово же «неповинными» выражает более, чем непорочность, так как название «неповинный» прилагается к нам тогда, когда мы своими делами не доводим себя даже до осуждения или упрека. Но так как, сказав, что Он совершил это Своей смертью, (апостол) все приписал Ему, то, чтобы не сказал кто-нибудь, будто с нашей стороны ничего не требуется, он для этого прибавил: «Если только пребываете тверды и непоколебимы в вере и не отпадаете от надежды благовествования» ([Кол. 1:23](#)).

Этими словами он предохраняет их от беспечности. И не просто сказал: «пребываете», потому что есть пребывание шаткое и колеблющееся, и есть стояние и пребывание твердое. «Если только пребываете, – говорит, – тверды и непоколебимы». О, какой он употребил оборот речи! Не только не колеблющиеся, говорит, но и непоколебимы. И смотри: он пока ничего не требует тяжелого, ничего трудного, а лишь веры и надежды, – как бы так говорит: если вы пребудете в вере, то надежда на получение будущих благ несомненна. Здесь возможно (не усомниться); но в добродетели невозможно хотя бы несколько не поколебаться; таким образом это нетрудно. «От надежды благовествования, – говорит, – которое вы слышали, которое возвещено всей твари поднебесной» ([Кол. 1:23](#)). Но что такое упование благовествования, как не Христос? Он есть мир наш, и Он все это сделал; а потому, кто приписывает это другим, тот уклонился (от истины), и если Он не верует во Христа, то все потерял. «Слышали», – говорит. Он опять призывает во свидетели их, а потом всю вселенную. Он не говорит: (благовествования) проповедуемого, но –

«возвещено», в которое уже уверовали. Так он сделал и в начале, желая свидетельством многих. утвердить и их. «Которого я, Павел, сделался служителем» ([Кол. 1:23](#)). И это он делает для удостоверения. «Я, – говорит, – Павел, сделался служителем»: а он имел большую важность, так как был всюду прославляем, и был учителем вселенной. «Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь» ([Кол. 1:24](#)).

2. Какая здесь связь? Как будто незаметна, но в самом деле большая. И «служителем», говорит, вместо того, чтобы сказать: я ничто не ввожу сам от себя, и возвещаю учение другого; я так верю, что и страдаю из-за Него же, и не только страдаю, а и радуюсь в страданиях, взирая на то, чего ожидаем в будущем; и страдаю не за себя, а за вас. «И восполняю, – говорит, – недостаток в плоти моей скорбей Христовых». Мне кажется, он сказал великое; но это не по дерзости, – нет! – а по сильной любви ко Христу. Он не хочет, чтобы эти скорби присваивались ему, а Христу; и сказал таким образом потому, что желал привлечь их (слушателей) ко Христу. «И все что я страдаю, – говорит, – ради Него страдаю». Поэтому не мне воздавайте благодарность, а Ему: Он терпит это. Это подобно тому, как если бы кто, будучи к кому-нибудь послан, попросил другого, сказав: прошу тебя, поди вместо меня к такому-то, и последний после того сказал бы: я делаю это вот для кого. Так он не стыдится и эти страдания приписывать Ему, потому что (Христос) не только умер за нас, но и после смерти готов страдать ради нас. (Апостол) желал и постарался доказать, что (Христос) и теперь собственным Своим телом подвергает Себя опасности ради Церкви. К этому направлена его речь, т. е., что вы не нами бываете приводимы, а Им, хотя делаем это мы, – мы приняли на себя не свое дело, а Его. Это все равно, как если бы какой-нибудь отряд находился в битве под защитой военачальника; а потом, в отсутствии последнего, второстепенный военачальник стал бы принимать на себя направленные против него удары до окончания сражения. А что (апостол) действительно за Него (Христа) это делал, об этом послушай, как он сам говорит: «За Тело Его», желая этим сказать, что я не вам угождаю, а Христу, потому что терплю за Него то, что должно было терпеть Ему. Посмотри, как много он высказывает, обнаруживая сильную любовь. Как во втором послании к Коринфянам он писал: «Давшего нам служение примирения» ([2 Кор. 5:18](#)), и еще: «От имени Христова просим: примиритесь с Богом» ([2 Кор. 5:20](#)), – так и здесь, чтобы более привлечь их, говорит то же: «Ради Него страдаю», т. е., хотя Тот, кто должен вам, и удалился, но я отдаю Его долг. Вот и «недостаток» он говорит с целью показать, что, по его мнению, Христос

еще не все претерпел. За вас, говорит, Он и по смерти страдает, если требует нужда. То же он представляет иначе и в послании к Римлянам, говоря: «Который... и молится за нас» ([Рим. 8:32, 34](#)), показывая, что Он не удовольствовался только смертью, а и после того Делает за нас бесконечно многое. Таким образом он говорит это не для собственного превозношения, но желая показать, что Христос и доселе заботится о них, а для удостоверения в своих словах прибавляет: «за Тело Его». Что это действительно так, что здесь нет никакой несообразности, видно из того самого, что это делается «За Тело Его». Видишь, какая связь между нами и Им?

Итак, зачем же вы вводите тут еще посредство ангелов? «Которого я, – говорит, – сделался служителем». Зачем еще вводите тут других – ангелов? «Я» есмь «служителем». Затем показывает, что сам он ничего не сделал, хотя и служитель. «Которой сделался я, – говорит, – служителем по домостроительству Божью, вверенному мне для вас, чтобы исполнить слово Божье» ([Кол. 1:25](#)). «По домостроительству». Этим он или то сказал: так Он желал, чтобы, по отшествии Его, мы сделались преемниками служения в деле домостроительства, чтобы вы не остались покинутыми, – сам же Он страдал, сам и посланником был, – или выразил такую мысль: мне, жесточайшему из всех гонителю, для того и попустил (Бог) преследовать (Христа), чтобы сделаться достойным вероятия при проповедании, – или он упомянул о домостроительстве в том смысле, что требовал не дел, или подвигов, или заслуг, а веры и крещения. Ведь иначе вы не приняли бы Его учения. «Для вас, – говорит, – чтобы исполнить слово Божье». Слово «исполнить» он употребляет по отношению к язычникам, показывая, что они доселе еще колеблются: то, что язычники могли воспринять столь высокие догматы, было делом не Павла, а домостроительства Божья: я, говорит сам не имел бы силы. Указавши же на более важное, т. е., что страдания его – Христовы (страдания). он представляет затем более понятное, т. е., что и «исполнить слово Божье для вас» – также дело Божье. Здесь он, хотя неясно, показывает, что и в том обнаружилось домостроительство, что вы теперь признаны способными слушать слово (Божье), и это не от небрежения, а с той целью, чтобы вы сделались способными и к принятию его. Бог не вдруг все делает, но, по великому человеколюбию Своему, приспособляется к нам; и вот причина, по которой Христос пришел ныне, а не в древнее время. Так и в Евангелии (Бог) показывает, что Он для того посылал прежде рабов, чтобы (иудеи) не подвиглись на убийство Сына. Если они не устыдились Сына, когда Он пришел после рабов, то тем более, если бы пришел прежде.

Если уж они не послушались меньших приказаний, то как слушались бы больших? Итак, что же говорит он? Разве иудеи и язычники до сих пор не находятся еще в худшем состоянии чем были прежде? Это наконец верх беспечности! После такого долгого времени, после стольких наставлений все еще оставаться несовершенными – это крайнее нерадение!

3. Итак, когда язычники будут спрашивать, почему только теперь пришел Христос, мы не позволим говорить им это, а сами спросим: а разве Он не исполнил Своего дела? Как в том случае, если бы Он и с самого начала пришел и не совершил Своего дела, недостаточно было бы, для оправдания Его, указать на время Его пришествия, так и теперь, когда Он совершил Свое дело, нам несправедливо было бы требовать отчета во времени Его пришествия. И у врача, который исцелил болезнь и возвратил больному здоровье, никто не станет требовать отчета касательно лечения; и у полководца, который одержал победу, никто не станет выпытывать, почему он сделал это в такое-то время и в таком-то месте. Спрашивать об этом можно было бы тогда, когда бы он не сделал этого; а если сделал, то нужно принимать. Скажи мне, что более достойно веры: твои ли выдумки и рассуждения, или выполнение самого дела? Ты мне вот что скажи: победил ли Он, или нет? Одержал ли верх, или нет? Привел ли к окончанию то, что говорил, или нет? Вот в чем должен состоять отчет. Скажи мне, ты конечно исповедуешь, что есть Бог, хотя и не признаешь Христа? Я спрашиваю тебя: ведь Бог безначален? Ты конечно подтвердишь это. Скажи же мне: почему Он не сотворил людей за тысячи лет прежде? Тогда бы они больше времени уже прожили; а если бытие составляет благо, то тем большее благо – существовать дольше. Но теперь разве они понесли какой-нибудь ущерб за то время, когда их не было? Нет, ущерба не понесли; почему, – это знает Тот, Кто сотворил их. Опять спрашиваю тебя: почему Он не сотворил всех вдруг, а сделал так, что душа одного, который сотворен первым, существует уже столько лет, между тем как на долю другой, которая еще не произошла на свет, достается жить меньше? Зачем Он устроил так, что тот является на свет первым, а этот – последним? Подобные вещи действительно стоят того, чтобы исследовать их, но – не из праздного любопытства; последнее само по себе еще не составляет и исследования. Но я тебе покажу настоящую причину того, о чем начал говорить (т. е. почему Христос явился поздно).

Согласись, что человеческая природа имеет свои возрасты, – что в первые времена наш род находился в состоянии младенчества, в следующие затем времена – в положении юности, а в те времена, которые приближаются к старости, в положении старца; наконец, когда, по

ослаблении телесных членов и но прекращении борьбы, душа окрепла, – мы достигли и до любомудрия. Ты скажешь: напротив, мы учим детей с малых лет. Правда, учим, но только неважным предметам, а разве тому, чтобы только правильно говорить, развивая в них дар слова; да и то уже тогда, когда они начнут подрастать. Посмотри, и Бог поступал точно таким же образом с иудеями; точь-в-точь как к детям, Он приставил к иудеям учителя грамоты, Моисея, который возводил их, так же как мы детей, к постепенному изучению письменных знаков, изображая их на доске. «Закон, имея тень будущих благ, а не самый образ вещей» ([Евр. 10:1](#)). И как мы покупаем детям гостинцы и даем им денег, требуя от них только одного, чтобы они тотчас же шли в училище, так и Бог в то время посылал (иудеям) изобилие и довольство, желая получить от них, за такое внимание к ним, одно, чтобы только слушали Моисея. Для этого-то Он поручил их наставнику, чтобы они не пренебрегали им, а смотрели бы на него, как на нежного отца. И смотри, они и боялись только его одного, – не спрашивали: где Бог? А – где Моисей? Он наводил на них страх одним своим присутствием. Когда же они поступали худо, смотри, как он их наказывал. Бог хотел отвергнуть их, но Моисей не допустил; вернее же сказать, тут все было делом Божьим. Он изрекал угрозы так же, как отец; а Моисей, как учитель, умолял Его и говорил: предоставь мне, с этих пор я беру их на свои руки. Таким образом пустыня была настоящим училищем. И как дети, проведши несколько времени в занятиях, стараются уйти, так и они в то время постоянно стремились в Египет, плакали, говорили: мы пропали, мы прожились, мы погибли. Моисей разбил и скрижаль, на которой написал было им как бы названия (вещей). Он поступил так же точно, как и учитель, который, взяв доску и увидев на ней худое письмо, бросает и доску, желая показать этим сильный гнев; и хоть и разобьет ее, отец не будет гневаться, потому что тот старался и писал, а они не смотрели на него, звали только по сторонам и шалили. И как дети, во время занятий своих, бьют друг друга, так и он, в то время, повелевал одним бить и убивать других. И опять, он наказывал их, как (учитель), который давал уроки и, спросив, находил их неприготовленными. (Какие это уроки) представлю пример: были такие письмена, которые указывали на силу Божью, явленную в Египте. Да, говорит, но эти письмена объявляли о казнях (египетских), о том, что Бог наказывает врагов, и заключали в себе урок, весьма поучительный (для иудеев). Чем иным было наказание врагов для вас, как не благодеянием? Да и другими способами Он вам благодетельствовал. Это все равно, как если бы кто-нибудь стал бы уверять, что он знает буквы, а когда стали бы спрашивать его в разбивку, он

не в состоянии был отвечать и за то был наказан: так и они говорили, что знают силу Божью, но когда требовалось показать это знание в различных случаях, они не находились отвечать и за то были наказываемы. Ты видишь воду? Должен вспомнить при этом о воде египетской: кто превратил воду в кровь, тот может сделать и это. Все равно как мы часто говорим детям: когда увидишь в книге букву «а», помни, что это тот самый знак, какой и у тебя на дощечке. Видишь голод? Вспомни, что он истребил (в Египте) все, что ни уродилось. Видишь войны? Вспомни о потопе. Видишь, что землю населяют сильные народы? Но они не сильнее египтян, и тот, кто изъел тебя из среды их, не гораздо ли легче может спасти тебя, когда ты не в их руках?

Но они не умели отвечать вперемежку на все вопросы, относящиеся до их азбуки, и за то были наказываемы. Они только и знали, что ели, пили и буйствовали. Испытавши вред от удовольствий, они не должны бы были искать их в манне. Они делали то же самое, как если бы сын свободных родителей, когда стали посылать его в – училище, захотел жить вместе с рабами и служить у них; как если бы, получая все необходимое для содержания, приличного человеку свободному, занимая место за столом своего отца, он нашел для себя приятным беспорядочный и шумный стол рабов. Так и они все стремились в Египет, хотя говорили Моисею: ей, Господи, «все, что глаголешь... сделаем и будем послушны» ([Исх. 24:7](#)). И как бывает с сильно распущенными детьми, что отец хотел бы иногда убить их, а учитель постоянно упрасивает его за них, так и в то время происходило то же самое.

4. Но почему об этом рассказано нам? Потому, что и мы ничем не отличаемся от детей. Хочешь ли еще слышать учение их, чтобы видеть, как много в нем детского? «Око за око, – говорит, – и зуб за зуб» ([Лев. 24:20](#)). И это естественно. Нигде склонность к мщению не бывает так сильна, как в душе ребенка. Так как мстительность есть страсть самая безрассудная, а этому возрасту особенно свойственна нерассудительность и недостаток обдуманности, то понятно, почему гнев имеет неограниченную власть над детьми. И владычество гнева до такой степени сильно, что часто бросаются на землю и потом, вскочив, бьют себе от злости колена, или опрокидывают скамейки, и уже только после этого начинает утихать в них мучительная страсть и остывать их бешенство. В этом роде Бог действовал, когда позволил им исторгать око за око и зуб за зуб, или когда поражал египтян и амаликитян за обиды, наносимые ими (иудеям). Бог дает позволение поступать таким образом, как отец, который, когда какой-нибудь (малютка) скажет: отец, такой-то меня прибил, – отвечает: он злой

человек, мы не будем его любить. В таком же смысле и Бог говорит: буду врагом врагов твоих, и возненавижу ненавидящих тебя. И опять, когда молился Валаам, им оказано было такое же снисхождение, как детям. Подобно тому, как бывает с детьми, что, когда они увидят что-нибудь такое, что само по себе вовсе нестрашно, – напр. шерсть, или что-нибудь подобное, – вдруг начинают пугаться, а мы, чтобы эта вещь не наводила на них страха, подносим ее к ним и даем в руки, или заставляем кормилицу показать ее, – так поступил и Бог. Так как прорицатель был для них страшен, Он превратил их страх в смелость. И как детям, отучаемым от груди, в утешение дается рожок, так и иудеям Бог не отказывал ни в чем, и посылал им полное довольство. Но дитя и после того все еще просит груди: и они также все искали Египта и египетского мяса.

Таким образом, тот не погрешит, кто назовет Моисея их учителем, воспитателем и руководителем. А это был человек весьма мудрый; ведь не одно и то же – руководить людьми, уже способными рассуждать зрело, и управлять неразумными детьми. Если угодно, можно сказать и еще что-нибудь. Как воспитатель говорит ребенку: когда пойдешь ты для естественной нужды, то будь осторожней, оберегай свое платье, пока будешь сидеть, – так поступал и Моисей. И как в детях, – у которых еще нет возницы, – господствуют все страсти: тщеславие, своенравие, безрассудство, гнев, зависть, – так и над иудеями господствовали все эти (страсти): они плевали на Моисея, они его били. И как дитя поднимает на кого-нибудь камень, и все мы кричим: не бросай, – так и они поднимали камни на своего отца, хотя впрочем он и избегал их. И как дитя, если видит на отце какие-нибудь украшения, просит их себе, потому что они ему нравятся, – так поступили и сообщники Дафана и Авирона, восставшие против священства. Они были завистливы, малодушны больше, чем всякий другой, и во всех отношениях (были люди) с недостатками.

Итак, скажи мне, неужели надлежало Христу явиться в то время? Давать заповеди, имеющие такой глубокий смысл в такое время, когда они находились под властью неистовой страсти, – когда, по своему сладострастию, это были настоящие кони, – когда они были рабами корыстолюбия и чревоугодия? Он напрасно стал бы расточать уроки любомудрия, и рассуждать с людьми безумными. Они не поняли бы ни того, ни другого. Как тот, кто начал бы учить чтению прежде, чем азбуке, никогда не научил бы даже и азбуке, – так было бы и тогда. Но теперь не то: теперь, по благодати Божьей, всюду насаждена великая кротость и великая добродетель. Будем же благодарны за все и не станем предаваться праздному любопытству. Не нам знать время, а Тому, Кто сотворил время и

создал века. Предоставим же все Ему. Воздавать славу Богу значит не требовать у Него отчета в Его делах. Так воздал славу Богу и Авраам, «и будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное» ([Рим. 4:21](#)). Он даже и о будущем не спрашивал; а мы ищем причины тому, что уже прошло. Посмотри, какое тут неразумие, какая неблагодарность! Но оставим это наконец, – потому что от этого не будет никакой пользы, а даже еще большой вред; будем питать в душе признательность к нашему Владыке и воссылать славу Богу, чтобы, вознося благодарение за все, удостоиться Его человеколюбия, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[Кол.1:26–28](#). Тайну, сокрытую от веков и родов, ныне же открытую святым Его, Которым благоволил Бог показать, какое богатство славы в тайне сей для язычников, которая есть Христос в вас, упование славы, Которого мы проповедуем, вразумляя всякого человека и научая всякой премудрости, чтобы представить всякого человека совершенным во Христе Иисусе.

Тайна воплощения и ее следствия. – Против отвергающих воскресение.

1. Сказав о том, что мы получили, и показав из величия дарованных нам (благ) человеколюбие и славу Божью, (Павел) присовокупляет еще другое дополнение, – что прежде нас никто не знал этой (тайны). То же он делает и в послании к ефесянам, когда говорит: ни ангелы, ни начала, ни иная каким-либо созданная сила, но один Сын Божий знает ([Рим. 8:38–39](#)). Потому и не сказал просто «скрытую» (κεκρυμμένον), но: «тайну» (ἀποκεκρυμμένον), как потому, что, хотя она и ныне совершилась, однако она древняя, так и потому, что Бог издавна восхотел этого и так предначертал. Но почему, – об этом еще не говорит. «Сокрытую от веков, – говорит, – и родов». И справедливо назвал тайной то, чего никто не знал, кроме Бога. Где же «тайна»? Во Христе, как говорит в послании к ефесянам, или, как некогда сказал пророк: «от века и до века Ты – Бог» ([Пс. 89:3](#)). «Ныне же открытую, – говорит, – святым Его». Итак, все это есть дело домостроительства Божья. «Ныне же, – говорит, – открытую». Не сказал: совершилась, но: «Открытую святым Его». Если явилась одним только святым, то, значит, еще и ныне скрывается. Пусть же они (еретики) не прельщают вас: не знают, почему (апостол) сказал (только тем) «Которым благоволил». Смотри, как он везде предупреждает их вопросы. «Которым, – говорит, – благоволил Бог показать»; а воля Его не неразумна. Он сказал это для того, чтобы они более покорялись благодати и не превозносились своими добрыми делами.

«Какое богатство славы в тайне сей для язычников». Глубокомысленно сказал и усилил речь, приискивая от преизбытка чувства пояснения к пояснениям. Самая эта неопределенная речь: «Богатство славы в тайне сей для язычников» тоже содержит в себе пояснение, – потому что слава более всего является в язычниках, как и говорит в другом месте: «А для язычников – из милости, чтобы славил Бога» ([Рим. 15:9](#)). И в других

является великая слава тайны; но в них гораздо более. Людей более бесчувственных, чем камни, вдруг возвести к достоинству ангелов, единственно посредством безыскусственных слов и одной веры, без всякого труда, – это действительно слава и богатство тайны, подобно тому, как если бы кто-нибудь пса, издыхающего от голода и паршей, гнусного и отвратительного, уже не могущего двигаться и заброшенного, вдруг сделал человеком и показал на царском престоле. Смотри: они поклонялись камням и земле, – считая их лучшими неба и солнца, думая, что весь мир служит им, были пленниками и узниками дьявола, и вдруг наступили на главу его, и стали повелевать им и бичевать его. Слуги и рабы демонов сделали телом Владыки ангелов и архангелов. Не знавшие даже, что есть Бог, вдруг стали сопредстольниками Бога. Хочешь видеть бесчисленные ступени, которые они перешагнули? Нужно было им, во-первых, узнать, что камни не боги; во-вторых, что они не только не боги, но и ниже людей; в-третьих, ниже бессловесных; в-четвертых, ниже растений; в-пятых, что они (язычники) смешали совершенно противоположные предметы, что не только камни, но ни земля, ни животные, ни растения, ни человек, ни небо, ни то, что выше неба (не есть Бог); опять, – что ни камням, ни животным, ни растениям, ни стихиям, ни горнему, ни дольному, ни человеку, ни демонам, ни ангелам, ни архангелам, ни другой какой-либо из тех высших сил не должна поклоняться человеческая природа. Как бы черпая из некоей глубины, им надлежало познать, что Владыка всего – Он есть Бог, что Ему одному должно служить, что дивное устройство жизни есть благо, что настоящая смерть не есть смерть, а настоящая жизнь – не жизнь, что тело восстает, делается нетленным, восходить на небеса, сподобляется бессмертия, водворяется с ангелами, преселяется. Человека, стоявшего так низко, после того, как он перешагнул все эти (ступени, Христос) посадил на небесах, на троне; того, который был ниже камней, поставил выше ангелов, архангелов, престолов, господств. Действительно, хорошо сказал: «какое богатство славы в тайне сей»? Дело подобно тому, как если бы кто-нибудь глупого вдруг сделал философом. А лучше сказать, что ни говори, ничего не объяснишь, потому что и Павловы слова неопределенны. «какое, – говорит, – богатство славы в тайне сей для язычников, которая есть Христос в вас»? Еще надлежало познать, что Тот, кто выше всех, кто господствует над ангелами и имеет власть над всеми прочими силами, нисшел долу, сделался Человеком, претерпел бесчисленные мучения, воскрес и вознесся.

2. Все это было следствием тайны, и Павел торжественно возвещает это, когда говорит: «которая есть Христос в вас». Если же Он в вас, то для

чего вы ищите себе учителей из ангелов? «В тайне сей». Есть и другая тайна; но это, по преимуществу, тайна, которой никто не знал, которая досточудна, которой никто не ожидал, и она была сокрыта. «Которая есть Христос в вас, – говорит, – упование славы, Которого мы проповедуем», приняв Его свыше. «Которого (проповедуем) мы», а не ангелы, «вразумляя и научая», а не повелевая и не принуждая: ведь и то, что люди приводятся к Богу не насильственно, есть дело человеколюбия Божья. Так как «научая» – слово великое, то он прибавил: и «вразумляя», что более свойственно отцу, чем учителю. «Которого, – говорит, – мы проповедуем, вразумляя всякого человека и научая» всякого человека во «всякой премудрости», то есть, со всякой премудростью и разумом, или – все говоря в премудрости. Поэтому, здесь нужна вся премудрость, так как познать это не всякий может. «Чтобы представить всякого человека совершенным во Христе Иисусе». Что ты говоришь – «всякого человека»? Да, говорит, мы об этом заботимся. Что же, если бы это не исполнилось? Все-таки блаженный Павел старался сделать совершенным И так, это – совершенство, а то – несовершенно. Следовательно, кто имеет не всю мудрость, тот несовершенно. «Совершенным во Христе Иисусе»: не о законе, и не об ангелах, потому что это несовершенно. «Во Христе», то есть, в познании Христа. Кто знает, что сделал Христос, тот постиг более ангелов. «Во Христе Иисусе; для чего я и тружусь и подвизаюсь» ([Кол. 1:28–29](#)). Не просто стараюсь, говорит, не как случилось; но «тружусь и подвизаюсь» с великим тщанием, то есть, с великим бодрствованием. Если я так бодрствую для вашего блага, то сами вы должны (бодрствовать) гораздо более. Затем, чтобы показать, что это дело Божье, говорит: «Силою Его, действующею во мне могущественно» ([Кол. 1:29](#)). Показывает, что это – дело Божье. Дающий мне силы для этого, очевидно, этого желает. Потому и в начале сказал: «Волею Божьей» ([Кол. 1:1](#)).

Итак (апостол) сказал так не только по смирению, но и по истине. «И подвизаюсь». Этим словом он показал, что против него воюют многие. Затем (выражает) великую любовь. «Желаю, чтобы вы знали, какой подвиг имею я ради вас и ради тех, которые в Лаодикии» ([Кол. 2:1](#)). Чтобы не показалось, что причиной такого желания их слабость, он присовокупил и других, и еще не упрекает (их). «Кто не видел лица моего в плоти». Здесь ясно показывает, что они постоянно видели его духом, и свидетельствует им великую любовь свою. Потому и прибавил: «Дабы утешились сердца их, соединенные в любви для всякого богатства совершенного разумения, для познания тайны Бога и Отца и Христа, в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения» ([Кол. 2–3](#)). Вот уже он спешит и

заботится перейти к учению, и не обвиняя, и не освобождая их от обвинения. «Подвиг, – говорит, – имею». С какой целью? Чтобы соединиться. Это значит: чтобы они твердо стояли в вере. Но он не говорит так, устраняя все, клонящееся к обвинению. Это для того, чтобы они соединились по любви, а не по необходимости, или насилию. Он, как я сказал, неутомимо и постоянно поучал их. Потому и говорит: «подвизаюсь», потому что я хочу, чтобы (это сделалось) по любви и добровольно. Я хочу не того только, чтобы было собрание, не уста только, но «дабы утешились сердца их, соединенные в любви для всякого богатства совершенного разумения», то есть, чтобы они ни в чем не сомневались, чтобы во всем были убеждены. Он говорит о том убеждении, которое происходит от веры. Бывает убеждение и вследствие умозаключений; но оно не имеет никакой цены. Я знаю, говорит, что вы веруете; но хочу, чтобы вы были убеждены не в одном богатстве, но «для всякого богатства», чтобы вы были убеждены и во всем и твердо. Смотри, какое благоразумие у блаженного Павла. Он не сказал им: вы худо делаете, что не имеете убеждения, – не обвинил их; но: вы не знаете, как забочусь я о том, чтобы вы были убеждены разумно, а не безотчетно. Так как сказал о вере, то и прибавляет: не думайте, что я сказал просто и необдуманно; нет, – разумно, с любовью. «Для познания тайны Бога и Отца и Христа». Следовательно, привлечете (к Отцу) через Сына есть тайна Божья. «И Христа, в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения». Если же они в Нем, то Он премудро пришел ныне (на землю). За что же обвиняют нас некоторые неразумные? Смотри, как он говорит людям малосведущим: «в Котором сокрыты все сокровища»: Он все знает. «Ведения». Не думайте же, что вы уже имеете все: «ведения» и от ангелов, не только от вас. Значит, у Него должно всего просить; Он дает премудрость и знание. Итак, словом: «сокровища» показывает множество, словом: «все» – что Он (все) знает, а словом «ведения» – что Он один знает. «Это говорю я для того, чтобы кто-нибудь не прельстил вас вкрадчивыми словами» ([Кол. 2:4](#)).

3. Видишь, говорит, я это сказал для того, чтобы вы не искали (знания) у людей. «Прельстил, – говорит, – вкрадчивыми словами». Что же, если (кто-нибудь) говорит убедительно? «Ибо хотя я и отсутствую телом, но духом нахожусь с вами» ([Кол. 2:5](#)). Последовательность требовала бы сказать: хотя я и отстою плотью, тем не менее знаю обманщиков; но теперь он оканчивает похвалой. «Радуюсь и видя ваше благоустройство и твердость веры вашей во Христа» ([Кол. 2:5](#)). Чинем он называет благоустройство. «И твердость веры вашей во Христа». Это величайшая

похвала. И не сказал: веру, но «твердость», как будто говорит воинам, стройно и твердо стоящим. Кто тверд, того не поколеблют ни обольщения, ни искушения. Вы, говорит, не только не пали; но у вас никто не расстроил и чина. Он поставил себя между ними, чтобы они боялись его, как бы он при них находился, потому что через это сохраняется чин (благоустройство). Сплоченность – от твердости. Твердость же происходит тогда, когда ты, собрав много (вещей), склеишь их плотно и неразрывно; тогда происходит твердость, как, напр., в стене. То же делает любовь. Когда она плотно совокупит и соединит людей, живущих отдельно, она делает их твердыми. То же делает и мера, когда она не позволяет господствовать в нас размышлению, потому что как размышление разделяет и колеблет, так вера укрепляет и утверждает. Так как Бог даровал нам блага, превышающие человеческое разумение, то Он по справедливости требует веры, потому что не может быть твердым тот, кто ищет объяснений.

Все наши важнейшие (догматы) чужды умствований и доступны только вере. Бог нигде и везде: что непонятнее этого для разума? И в том, и в другом содержится много необъяснимого. Он не заключается в месте, и в Нем нет места. Он не произошел (ни от кого), ни сам Себя не сотворил, и не начинал своего бытия. Какой разум принял бы это, если бы не было веры? И не показалось ли бы это смешным? А не иметь конца, – разве это не труднее всякой загадки? Он безначален, нерожден, неопишуем и беспределен, – и это также непостижимо.

Не можем ли мы, по крайней мере, объяснить умом бестелесность Его? Посмотрим. Бог бестелесен. Что такое – бестелесен? Одно голое слово; ум ничего не извлекает из него, и ничего себе не представляет. Если бы он представил себе что-нибудь такое, то перешел бы к вещественному, к тому, из чего образуется тело. Значит, когда уста говорят о бестелесном, ум не понимает, о чем они говорят, или понимает только то, что бестелесное – не тело. Да что я говорю о Боге? Что такое бестелесность нашей души, имеющей начало, заключенной (в теле), описуемой? Скажи, покажи! Но ты не можешь. Она воздух? Но воздух – тело, хотя и нетвердое; из многих явлений видно, что он есть жидкое тело. Она огонь? Но огонь – тело; а действие души бестелесно. Почему? Потому, что она всюду проникает. Если же она – не тело, то бестелесное в (определенном) месте; поэтому и описуема; описуемое же имеет фигуру; фигура же состоит из линий; линии же – принадлежность тел. Опять, что значит бесформенный? Не имеющий ни формы, ни вида, ни образа. Видишь, как путается мысль!

Еще: природе (Божьей) несвойственно зло; но добрым каждый бывает только по своей воле; следовательно, зло свойственно ей. Но этого сказать нельзя, да не будет! Еще: по воле (Бог) имеет бытие, или по неволе? Но и этого нельзя сказать. Еще: ограничивает (Он) вселенную, или нет? Если не ограничивает, то сам ограничивается ею; если же ограничивает, то Он беспределен по природе. Еще: ограничивает ли Он сам себя? Если ограничивает, то, значит, Он и безначален не в отношении к самому Себе, а в отношении к нам; следовательно безначален не по природе. Везде приходим к противоречивым заключениям. Видишь, какой мрак и как везде нужна вера! Одна она тверда. Но, если хотите, перейдем к меньшим предметам.

Существо (Божье) действует. Что же такое в нем деятельность? Движение какое-нибудь? В таком случае оно не изменяемо, потому что движущееся изменяется, из состояния неподвижности переходит в состояние движения. Однако же (существо Божье) движется и никогда не бывает в неподвижном состоянии. Какое же это движение, скажи мне? У нас есть семь различных движений: вниз, вверх, внутрь, наружу, вправо, влево и вокруг. Кроме этого бывает: увеличение, уменьшение, рождение, разрушение, изменение. Но то движение несходно ни с одним из этих движений, а совершается подобно движению ума? Вовсе не так, – да не будет, – потому что ум движется иногда глупо. Действие (Божье) есть желание? Но Он хочет, чтобы все люди были добродетельны и спаслись: почему же это не исполняется? значит, желание – не то, что действие? В таком случае для действия недостаточно одного желания. А как же говорит Писание: «Творит все, что хочет» ([Пс. 113:11](#))? Как и прокаженный говорит Христу: «Если хочешь, можешь меня очистить» ([Мф. 8:2](#))? Скажу и другое, если хотите. Каким образом сущее произошло из несущего? Каким образом оно обращается в ничто? Что выше неба? И опять: что выше того высшего? И что выше этого? И что за тем? И так до бесконечности. Что ниже земли? Море. А ниже его что? И ниже этого опять что? А вправо, влево, – разве не такая же неизвестность?

4. Но это – невидимое. Хотите, скажу о предметах видимых, о том, что было? Скажи мне, как Иона был во чреве зверя и не погиб? Разве это согласно с разумом? Не напрасно ли (старание) объяснить это? Как (кит) пощадил праведника? Как не задушил его жар? Как не сгноил? Если трудно быть только в глубине моря, то гораздо труднее находиться во внутренностях (кита) и в таком жару. Как Иона дышал там? Как доставало вдыхаемого воздуха для двух живых существ? Как (кит) изверг пророка невредимым? Как говорил (Иона)? Как он сознавал себя и молился? Разве

вероятно все это? Если будем исследовать разумом, невероятно; если же верой, то весьма вероятно. Скажу нечто более этого. Зерно в недрах земли гниет и восстает. Смотри, (тут два) противоположных чуда, и одно другого удивительнее. Удивительно и то, что зерно не истлевает, и то удивительно, что гниющее восстает.

Где неверующие воскресению и говорящие: как эта кость соединится с этой? и вводящие тому подобные басни? Скажи мне: как Илия вознесся на огненной колеснице ([4 Цар. 2:11](#))? Огню свойственно жечь, а не возносить. Как (Илия) живет (на небе) столько времени? В каком находится месте? Для чего это случилось? Куда переселен Енох? Вкушает ли такую же пищу, как мы? Что мешает быть ему здесь? Но он не вкушает нашей пищи? Зачем он взят отсюда? Смотри, как Бог постепенно наставляет нас. Он переселил Еноха; это не очень важно: то же показал нам в вознесении Илии. Заключил Ноя в ковчеге; но и это не очень важно: тому же научил нас, заключив пророка в ките. Так и ветхозаветные события имели нужду в предтечах и прообразах. Как в лестнице первая ступень ведет ко второй, а нельзя с нее ступить на четвертую, и эта (имеете отношение) к той, чтобы та служила путем к этой, и прежде первой нельзя ступить на вторую, – так и здесь.

Замечай знаки знаков, и увидишь это в лестнице, которую видел Иаков. Вверху, говорится, утверждался Господь, а внизу восходили и нисходили ангелы. Это предвозвещало, что Отец имеет Сына. Надлежало верить этому. Откуда показать тебе знаки этого? Как ты хочешь: сверху ли вниз, или снизу вверх? Нужно было показать, что (Отец) родит бесстрастно; и вот сначала родила неплодная. А лучше начнем сверху. Надлежало веровать, что (Сын рождается) от Отца. Что же? Было и это (предвозвещено), хотя неясно, как бы в образе и тени, однако же было; а с течением времени становится несколько яснее. Жена (Ева) из одного человека, и он остается целым. Кроме того, надлежало быть какому-нибудь знамению рождения от Девы. Рождает неплодная, и не однажды, но дважды, трижды и многократно. Итак, неплодная была прообразом рождения от Девы и побуждает наш разум к вере. (Рождение от неплодной) было знамением и того что Бог (Отец) один может рождать. Если человек, совершеннейшее существо, рождается и без него (бесстрастно), то тем более он рождается из существа, которое совершеннее (человека). Есть и другое рождение, которое есть образ истины, наше (рождение) от Духа. Неплодная была образом и этого рождения, потому что оно не из кровей. А это (рождение от Духа) есть образ высшего рождения (Сына от Отца). То рождение показало

бесстрашие, а это – что может родиться от одного (Бога Отца). Христос есть Владыка, выше всех; надлежало верить этому. Это показано в (образе) земли при (сотворении) человека: «Сотворим, – сказано, – человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над... всеми бессловесными» ([Быт. 1:26](#)). Так (Бог) научил нас не словами, но делами. Рай показал различие в природе и превосходство человека пред всеми (тварями). Христу надлежало воскреснуть, – смотри же, сколько прообразов этого: Енох, Илия, Иона, отроки в печи, потоп во дни Ноя, семена, растения, рождение, как наше, так как (сомнение) о воскресении все могло подвергнуть опасности, то воскресение имело много прообразов, – гораздо более, чем все прочее. Что все происходит не без провидения, об этом можно заключать из того, как у нас бывает: у нас ничто не остается без надзора; и для стада и для всего другого нужно, чтобы кто-нибудь управлял. А что неслучайно все произошло, показывает геенна, показал потоп при Ное, огонь, потопление египтян, (чудеса), совершившиеся в пустыне. Нужно было многое, что служило бы предзнаменованием крещения; и (предзнаменования) были: то, что совершено в воде, и многое другое, что было в ветхом завете, что было в купели, очищение больного, самый потоп, крещение Иоанна. Надлежало верить, что Бог предаст (на смерть) Сына своего: наперед сделал это человек. Кто же это? Патриарх Авраам. Таким образом, мы найдем прообразы всего этого, если захотим, если поищем в Писании. Но не будем утомлять себя; ограничимся этим; будем иметь твердую веру, и постараемся об исправление своей жизни, чтобы, благодаря Богу о всем, удостоиться благ, обещанных любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[Кол.2:6–7](#). Посему, как вы приняли Христа Иисуса Господа, так и ходите в Нем, будучи укоренены и утверждены в Нем и укреплены в вере, как вы научены, преуспевая в ней с благодарением.

Суеверные наблюдения дней. – Об уничтоженном рукописании.

1. Опять предваряет их собственным свидетельством, говоря: «Посему, как вы приняли». Мы, говорит, не вводим ничего чуждого; поэтому и вы не должны вводить. «Ходите в Нем», потому что Он есть путь, приводящий к Отцу. Такой путь не в ангелах, – этот не ведет туда. «Укоренены», то есть, утверждены; не увлекаясь то на тот, то на другой путь, но «укоренены»; а укорененное никогда не передвигается. Видишь, какие точные выражения употребляет (Павел)! «И утверждены», говорит, то есть, возносясь к Нему умом. «И укреплены» в Нем, то есть, держась на Нем, как устроенные на основании. Показывает, что они пали, это видно из слова: «научены». Вера, действительно, есть здание, требующее крепкого основания и прочного построения. Оно колеблется, если кто построит его не на крепком основании; а если и на крепком построит, но не утвердит, не будет стоять. «Как вы научены». Словом «как» опять показывает, что он ничего не говорит нового. «Преуспевая, – говорит, – в ней с благодарением». Так поступают благомыслящие люди: я не говорю просто «благодаря», но с великим избытком, более, чем научены, если можно, и с великим соревнованием. «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас» ([Кол. 2:8](#)). Видишь, как он показал татя, чуждого и тихо входящего! Он представил его уже входящим. И хорошо сказал: «увлек» (συλαγωγων, обкрадет). Как иной, подкапывая снизу насыпь, не дает себя заметить, а насыпь ослабляет, так и он поступает. Итак, берегитесь: он всегда так делает, – не дает даже заметить себя «философией». Но так как философствовать кажется делом похвальным, то прибавил: «и пустым обольщением». Лесть (обман) бывает и добрая; такой были прельщены многие, и ее не должны называть лестью; о ней говорит Иеремия: «Ты влек меня, Господи, – и я увлечен» ([Иер. 20:7](#)). Этого не должно называть лестью. Так, когда Иаков прельстил отца, – это не была лесть, а (Божье) устройство. «Философией, – говорит, – и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» ([Кол. 2:8](#)).

Теперь начинается обличение в наблюдении дней, называя стихиями мира солнце и луну, подобно тому, как сказал в послании к галатам: «Для

чего возвращаетесь опять к немощным и бедным вещественным началам» ([Гал. 4:9](#))? И не сказал: в наблюдении дней, но: всего настоящего «мира», – чтобы показать ничтожество его. Действительно, если мир – ничто, то еще более ничтожны стихии его. Итак, показав сначала, сколь великие получили они благодеяния, какими великими благами насладились, потом начинает обвинение, чтобы дать ему больше силы и тронуть слушателей. Так всегда делают и пророки. Они показывают сначала благодеяния (Божьи), и тем увеличивают силу обвинения, как говорит Исайя: «Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня» ([Ис. 1:2](#)); и опять: «Народ Мой! что сделал Я тебе и чем отягощал тебя?» ([Мих. 6:3](#)); и Давид говорит: «из среды грома Я услышал тебя», и еще: «открой уста твои, и Я наполню их» ([Пс. 80:8, 11](#)). И везде найдешь это. Итак, что бы ни говорили они (обольщающие), не должно верить; ныне и без (напоминания) о благодеяниях должно избегать стихийных мудрований). «А не по Христу», – говорит. Если бы даже и так было, что вы могли бы служить пополам и тому и другому, – и этого не должно бы быть; ныне же этого не позволяет вам то, что «по Христу», – оно удерживает вас от них (суеверий). Поколебав сначала эллинские суеверия, затем разрушает иудейские. У эллинов и иудеев было много суеверий, у первых они происходили от философии, а у последних от закона. (Павел) прежде обращается к тем, которые подлежат большему осуждению. Как же «не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно, и вы имеете полноту в Нем, Который есть глава всякого начальства и власти» ([Кол. 2:9–10](#)).

2. Смотри, как, обличая их, он опровергает сказанное (заблуждение): сначала предложил решение, а потом возражение. Такое решение устраняет подозрение, и слушатель скорее соглашается, когда говорящий не о том заботится, чтобы опровергнуть возражение. В последнем случае, слушатель старается о том, чтобы не быть побежденным; а тут – не бывает этого. «Ибо в Нем обитает», то есть, так как Бог живет в Нем. Но чтобы ты не подумал, будто Бог заключен в Нем, как в теле, говорит: «Вся полнота Божества телесно, и вы имеете полноту в Нем». Некоторые говорят, что (апостол) называет здесь церковь исполненной божества Его, как в другом месте говорит: «Полнота Наполняющего все во всем» ([Еф. 1:23](#)), а слово «телесно» значит здесь: как в голове тело. Почему же в таком случае не прибавил он: яже есть церковь? Другие думают, что он говорит здесь об Отце, что полнота Божества живет в Нем. Но это несправедливо: во-первых, потому, что слово «жить» не в собственном смысле говорится о Боге; во-вторых, потому, что полнота не есть то, то принимается:

«Господня земля и что наполняет ее» ([Пс. 23:1](#)), и апостол говорит: «Пока войдет полное число язычников» ([Рим. 11:25](#)); здесь исполнением называется целое. Потом, что значит слово «телесно»? Как в главе. Для чего же опять говорит то же: «И вы имеете полноту в Нем»? Что значат эти слова? То, что вы имеете столько же, сколько и Он; как жило в Нем, так и в вас живет.

Павел постоянно старается приблизить нас ко Христу, например, когда говорит: «Воскресив Его из мертвых и посадив» нас ([Еф. 1:20](#)), и «Если терпим, то с Ним и царствовать будем» ([2 Тим. 2:12](#)), и «Как с Ним не дарует нам и всего?» ([Рим. 8:32](#)), и называет (нас) «сонаследниками» ([Рим. 8:17](#)). Затем (говорит) о достоинстве: «Который есть глава всякого начальства и власти» ([Кол. 2:10](#)). Ужели Тот, Кто выше всего, причина всего, не единосущен (Отцу)? Потом он прекрасно присовокупил здесь о благодетелии, даже лучше, чем в послании к римлянам: там он говорит: «обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве» ([Рим. 2:29](#)); а здесь – во Христе. «В Нем вы и обрезаны обрезанием нерукотворным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым» ([Кол. 2:11](#)). Смотри, как он приближается к делу. «Совлечением», – говорит, не сказал «снятии». «Греховного тела», – говорит о прежней жизни. Это он постоянно и различно выражает, как и выше сказал: «Избавившего нас от власти тьмы» ([Кол. 1:13](#)), «И бывших некогда отчужденными... примирил,... чтобы представить нас святыми и непорочными» ([Кол. 1:21–22](#)). Теперь, говорит, обрезание не от ножа, но от самого Христа; не рука, как там (в ветхом завете), совершает это обрезание, но дух; обрезывается не часть, но весь человек. тело и это, тело и то; но то обрезывается плотью, а это духовно, – не так, как иудеи (обрезывали), – потому что вы совлеклись не плоти, но грехов. Когда и где? В крещении. Что (Павел) называет обрезанием, то называет и гробом. Смотри, как он опять переходить к оправданию. «Греховного, – говорит, – тела плоти», т. е., грехов, сделанных во плоти; говорит более, чем об обрезании, так как (иудеи) не отвергли того, что обрезано, но потеряли и повредили. «Быв погребены с Ним, – говорит, – в крещении, в Нем вы и совоскресли верой в силу Бога, Который воскресил Его из мертвых» ([Кол. 2:12](#)). Но (крещение) есть не гроб только: смотри, в самом деле, что говорит: «в Нем вы и совоскресли верой в силу Бога, Который воскресил Его из мертвых». Хорошо сказал, – потому что все от веры. Вы поверили, что Бог может воскресить, – и через это воскресли. Затем (присовокупляет) достоверное: «Воскресил, – говорит, – Его из мертвых». Уже показывает воскресение. «И вас, которые были мертвы во грехах и в необрезании плоти вашей,

оживил вместе с Ним» ([Кол. 2:13](#)). Вы были повинны смерти. Но если вы и умирали, то не напрасно, – смерть была полезна вам. Смотри, как он опять показывает, чего они были достойны, в словах, которые присовокупляет: «Против нас все грехи, истребив учением бывшее о нас рукописание, которое было против нас, и Он взял его от среды и пригвоздил ко кресту; отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою» ([Кол. 2:13–15](#)). «Против нас, – говорит, – все грехи». Какие? Те, которые произвели смерть. И что же? Позволил им остаться? Нет; истребил их; не только даровал, но совсем истребил, чтобы они никогда не показывались. «Учением», – говорит. Какими учениями? Верой. Следовательно, (для спасения) достаточна вера, (Павел) присоединил не дела к делам, но дела к вере. Что же затем? К отпущению опять присоединяет истребление (грехов). «И Он, – говорит, – взял его от среды»; но не сохранил его, а разорвал, «и пригвоздил ко кресту; отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою». Никогда он не говорил так сильно!

3. Видишь, как он заботился об уничтожении рукописания? Так как все мы были под грехом и наказанием, то Он, претерпев наказание, освободил нас и от греха, и от наказания. Наказание же Он претерпел на кресте. К нему-то и пригвоздил (рукописание), а потом, как имеющий власть, и совсем разорвал его. Какое рукописание? (Павел) говорит о том рукописании, которое (израильтяне) дали Моисею, говоря: «Все, что сказал Господь, сделаем [и будем послушны]» ([Исх. 24:3](#)). Если же не об этом, так о том, что мы обязаны повиноваться Богу. Если же и не об этом, то о том рукописании, которое держал дьявол, которое изрек Бог Адаму в словах: «Ибо в день, в который ты вкусишь от дерева, смертью умрешь» ([Быт. 2:17](#)). Это рукописание было у дьявола. И Христос не отдал его нам; но сам разорвал его, как свойственно прощающему с радостью. «Отняв силы у начальств и властей». (Апостол) говорит это о силах дьявольских, или потому, что они были облечены человеческой природой, или потому, что (Христос) держал их как рукоятку меча, и, сделавшись человеком, обнажил их. Это и значит: «Подверг их позору». И хорошо это сказано, потому что дьявол никогда так не бесчинствовал. Он наделся овладеть Им (Христом), а лишился и тех, кого имел; в то время, когда тело (Христа) пригвождалось, мертвые воскресали. Тогда дьявол потерпел поражение, получив смертельный удар от мертвого тела. Как борец, считающий своего противника пораженным, сам получает от него смертельную рану, так и Он показал, что умереть с спокойным духом значит посрамить дьявола.

Если бы мог, дьявол сделал бы все, чтобы уверить людей в том, что

(Христос) не умирал. Но, так как доказательством воскресения служило все последовавшее затем время, а для доказательства смерти не было другого времени кроме этого, то Он и умер открыто, в виду всех, но воскрес не открыто, зная, что последующее затем время засвидетельствует истину. Что в виду всего мира, на высоте, на древе был умерщвлен змий, – это достойно удивления. И чего не сделал дьявол, чтобы только (Христос) умер тайно? Послушай, что говорит Пилат: «Возьмите Его вы, и распните; ибо я не нахожу в Нем вины» ([Иоан. 19:6](#)); и потом иудеи говорили Ему: «если Ты Сын Божий, сойди с креста» ([Мф. 27:40](#)). Но Он уже получил смертельный удар; но сошел (со креста), и потому предан был гробу. Он мог тотчас же воскреснуть; но (не сделал этого), чтобы уверены были в смерти Его. И в смерти людей обыкновенных малодушие предосудительно; здесь нет его. Даже и воины «не прибили Ему голеней» ([Иоан. 19:33](#)), как другим, чтобы очевидно было, что Он умер. Известны и те, которые погребли тело Его; поэтому сами же иудеи, вместе с воинами, запечатывают камень. Здесь преимущественно старались о том, чтобы (смерть Его) не была сокрыта. Свидетели – из врагов, из иудеев. Послушай, что они говорят Пилату: «обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну; итак прикажи воинам стеречь гроб» ([Мф. 27:63–64](#)). Это и сделано было; они еще запечатали гроб. Послушай, как они и после говорят это апостолам: «Хотите навести на нас кровь Того Человека» ([Деян. 5:28](#)). Он не попустил, чтобы образ креста Его был посрамлен. Да и ангелы ничего такого не перенесли бы. Он исполняет на кресте все, показывая, что смертью совершено великое дело. Это было похоже на единоборство: смерть поразила Христа; а Христос, пораженный ею, потом умертвил ее. Мертвым телом умерщвлен тот, кто казался бессмертным. Вселенная это видела. И, что удивительно, не поручил этого другому; дано новое рукописание, не такое, какое было прежде.

4. Смотрите, чтобы это рукописание не обвинило нас после того, как мы сказали: отрицаемся сатаны и сочетаемся Тебе, Христе! Но лучше и не называть этого рукописанием, а договором. Рукописание дается в том случае, когда кто-нибудь признает себя должником; а это договор. Он не назначает наказаний; не сказано: если то, или: если не то. Так говорил Моисей, кропя кровью завета, и Бог обещал вечную жизнь. А это все – договор. Там раб с господином, здесь друг с другом; там: «Ибо в день, в который ты вкусишь от него, – говорится, – смертью умрешь» ([Быт. 2:17](#)), – тотчас угроза; а здесь ничего такого нет. Здесь нагота и там нагота; но там (грешник) был обнажен, потому что согрешил; а здесь обнажается, чтобы освободиться (от греха). Тогда он совлекся славы, которую имел; а

ныне совлекается ветхого человека, и, прежде чем выйдет (из купели), совлекает его так же легко, как одежду. Он помазывается как борцы, выступающие на поприще; в то же время и рождается, – и не мало-помалу, как тот первый, но вдруг; у него не голова только помазывается, как у ветхозаветных священников, но гораздо более. У тех, для побуждения к послушанию и добрым делам, помазывались: голова, правое ухо и рука; а у него все, – потому что он приходит не для того только, чтобы поучаться, но чтобы посредством борьбы и подвигов сделаться новой тварью.

Когда он исповедал вечную жизнь, то исповедовал и новую тварь. «[Взяв] персть от земли, создал... человека» ([Быт. 2:7](#)); а ныне уже не персть, но – Святого Духа Он создает, Он образует (человека), как и самого (И. Христа) во чреве Девы. Не сказал «в раю», но «на небе», чтобы ты, когда будет сказано: земля, не подумал, что это происходит на земле. Ты перенесен туда – на небо; там это совершается, среди ангелов; Бог возносит твою душу на небо, пересоздает ее там, ставит тебя подле царского трона. Создается в воде, а получает дух, соответствующей душе. Когда создает (нового человека), не приводит к нему зверей, но демонов и князя их, и говорит: «Наступить на змей и скорпионов» ([Лк. 10:19](#)). Не говорит: «Сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию» ([Быт. 1:26](#)); по что? – «Дал власть быть чадами Божьими, которые ни от крови,... но от Бога, – говорит, – родились» ([Иоан. 1:12–13](#)). Чтобы ты не слушал змия, сейчас же научаешься говорит: «отрицаюсь тебя (сатана)», то есть, что бы ты ни сказал, не послушаю тебя. Но чтобы он не уловил тебя посредством других, говоришь: «и гордыни его, и служения его, и ангелов его». Поставил его (возрожденного) не рай хранить, но жить на небе. Именно, восходя (от купели), он тотчас говорит следующие слова: «Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе» ([Мф. 6:9–10](#)). Пред тобою не дитя, ты видишь не дерево, не источник, но самого Владыку вдруг объемлешь, совокупаешься с телом, соединяешься с телом, находящимся горе, куда не может взойти дьявол. Это не жена, чтобы он мог подойти и обольстить, как слабейшую: «Нет, – говорит, – мужского пола, ни женского» ([Гал. 3:28](#)). Если ты сам не снизойдешь к нему, он не сможет взойти туда, где ты; ты на небе, а небо недоступно дьяволу. Там нет древа познания добра и зла, но только – древо жизни. Уже не от ребра твоего жена, но все мы едино от ребра Христова. Если помазанные людьми не получают никакого вреда от змей, то и тебе не приключится ничего, доколь ты сохранишь помазание, дающее тебе силы схватить и задушить змия, наступать на змей и скорпионов. Но, как велики дары, так велико и наказание:

изгнанному из рая нельзя жить против рая и нельзя возвратиться туда, откуда изгнан. Что же будет? Геенна и червь неумирающий. Но, да не будет, чтобы кто-нибудь из нас подвергся этому наказанию. Будем, живя добродетельно, стараться делать угодное (Богу); будем угождать Богу, чтобы мы могли избежать наказания и сподобиться вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[Кол.2:16–19](#). Итак никто да не осуждает вас за пищу, или питье, или за какой-нибудь праздник, или новомесячие, или субботу: это есть тень будущего, а тело – во Христе. Никто да не обольщает вас самовольным смиренномудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно надмеваясь плотским своим умом и не держась главы, от которой все тело, составами и связями будучи соединяемо и скрепляемо, растет возрастом Божиим.

Об обрядовых постановлениях. – В крещении бывает и рождение и истление. – Суетность богатства и причиняемое им иногда бесчестие. – Гнев императора Феодосия против антиохийцев. – Порицание роскоши.

1. Сказав сначала загадочно: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас по преданию человеческому» ([Кол. 2:8](#)), и еще прежде: «Это говорю я для того, чтобы кто-нибудь не прельстил вас вкрадчивыми словами» ([Кол. 2:4](#)), и тем предрасположив душу их и сделав ее внимательною, упомянув потом о благодеяниях (Божьих) и тем еще более усилив внимание, наконец, (Павел) начинает обличение, и говорит: «Итак никто да не осуждает вас за пищу, или питье, или за какой-нибудь праздник, или новомесячие, или субботу». Видишь, как он разрушает это. Если, говорит, вы достигли такого (величия), то для чего подчиняете себя маловажному? Дале смягчает (обличение), говоря: «Или за какой-нибудь праздник», так как они не все прежнее удержали. «Или новомесячие, или субботу». Не сказал: не сохраняйте еже, но: «Никто да не осуждает вас»; показал, что они преступают и разрешают, но вину сложил на других. Не подчиняйтесь, говорит, тем, которые вас осуждают. нет, впрочем, и этого: он только рассуждает с ними, а не заграждает их уст, не запрещает им рассуждать. Он и не коснулся этого. Не сказал: (в различении) чистого и нечистого, не сказал: (в соблюдении праздника) кущей, или опресноков, или пятидесятницы, но: «За какой-нибудь праздник», – так как они не дерзали сохранять все, а если и сохраняли, то не как праздники. «За какой-нибудь», – говорит, показывая тем, что большая часть уже оставлена. И если они и соблюдали субботу, то не вполне. «Это есть тень будущего», нового, говорит, завета. «Тело – во Христе». Некоторые ставят знаки таким образом: «Тело – во Христе», – истина же была во Христе; а другие так ставят: «тело – во Христе. Никто да не обольщает вас» ($\chi\alpha\tau\alpha\beta\rho\alpha\beta\epsilon\upsilon\epsilon\tau\omega$), т. е. лишит; слово: $\chi\alpha\tau\alpha\beta\rho\alpha\beta\epsilon\upsilon\delta\acute{\eta}\nu\alpha\iota$ употребляется в том случае, когда один

одержит победу, а другой получит награду, – когда победитель бывает обманут. Ты стал выше дьявола и греха: зачем же опять подчиняешься греху? Потому-то и говорил: «Что он должен исполнить весь закон» ([Гал. 5:3](#)), и еще: «Неужели Христос есть слугитель греха?» ([Гал. 2:17](#)). Это сказал в послании к галатам. Возбудив в них словом: «да обольщает» чувство негодования, он затем начинает: «Самовольным, – говорит, – смиренномудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно надмеаясь плотским своим умом». Как – «смиренномудрием»? Как – «надмеаясь»? Показывает, что все это происходит от тщеславия. Что же означают все эти слова?

Некоторые говорили, что мы должны быть приводимы (к Богу) не через Христа, но через ангелов, потому что приведете через Христа больше, чем сколько нужно для нас. Поэтому (Павел) объясняет со всех сторон сказанное о Христе: мы примирены «Кровью креста Его» ([Кол. 1:20](#)), «потому что... пострадал за нас» ([1 Петр. 2:21](#)), «которой возлюбил нас» ([Еф. 2:4](#)). При том, они погрешили еще в том самом, что (апостол) не сказал «приведением», но «Служением, вторгаясь в то, чего не видел». Он (такой учитель) не знал ангелов, и однако же думал, что знает. Поэтому и говорит: «Безрассудно надмеаясь плотским своим умом». Он надмеается не действительным чем-нибудь, а своим мнением, и прикрывается одеждой смирения. (Павел) сказал как бы так: человеческое рассуждение есть дело плотского, а не духовного ума. «И не держась главы, – говорит, – от которой все тело», т. е. откуда (тело) получает бытие и здоровье. Каким же образом ты можешь иметь члены, отрешившись от главы? Как только ты отделился от неё, ты погиб. «От которой все тело». Всякий, говорит, обязан главе не только жизнью, но и самым союзом своим с нею. Вся церковь, пока имеет главу, возрастает; это не есть действие безрассудства и тщеславия, не изобретение человеческого разума. Выражение – «от которой» употреблено о Сыне. «Составами и связями, – говорит, – будучи соединяемо и скрепляемо, растет возрастом Божьим»: (возращение) по Богу, говорит, по наилучшему устройству жизни. «Итак, если вы со Христом умерли». Это он ставит в середине; а что сильнее, то – впереди и позади. «Итак, если вы со Христом умерли для стихий мира, – говорит, – то для чего вы, как живущие в мире, держитесь постановлений» ([Кол.2:20](#))? Здесь нет последовательности. Следовало бы сказать: для чего подчиняетесь стихиям, как будто живые? Но, оставив это, что он говорит? «Не прикасайся», «не вкушай», «не дотрагивайся» (что все истлевает от употребления), по заповедям и учению человеческому?» ([Кол.2:21–22](#)).

2. Вы, говорит, не принадлежите к миру: зачем же покоряетесь

стихиям? Зачем (подчиняетесь) тому, что соблюдает мир? И смотри, как он осмеивает их: «Не прикасайся», «не вкушай», «не дотрагивайся», – как будто он удерживает их от чего-то важного. «Что все истлевет от употребления»; посрамил надменность многих, и прибавил: «По заповедям и учению человеческому». Что говоришь ты? Если говоришь о законе, то с некоторого времени и он – учение человеческое. Павел сказал это или потому, что (иудеи) извратили закон, или намекает на (учение) эллинов. Все, говорит, есть учение человеческое. «Это имеет только вид мудрости в самовольном служении, смиренномудрии и изнурении тела, в некотором небрежении о насыщении плоти» ([Кол. 2:23](#)). «Вид», – говорит, а не силу, следовательно не истину. Потому будем отвращаться того, кто имеет «вид» премудрости. Ведь иной кажется и благочестивым, и скромным, и презирающим тело; а в самом деле он не таков. «В некотором небрежении о насыщении плоти». Бог дал (телу) честь; но они пользовались им не в честь. Таким образом, когда было определение (Божье), он умел назвать честью. Они, говорит, бесчестят плоть, лишая ее (должного), отнимая у ней силу, не позволяя ей действовать без принуждения. Бог даровал честь плоти. «Итак, если вы воскресли со Христом». Доказав прежде, что Он умер, теперь убеждает их, и потому говорит: «Итак, если вы воскресли со Христом, то ищите горнего» ([Кол. 3:1](#)). Там нет соблюдения. «Ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога». О, куда он возвел ум наш! Какой великой мыслью он исполнил их! Не удовольствовался тем, что сказал: «горнего», ни словами: «где Христос»; но прибавил: «сидит одесную Бога», – дал понять, что оттуда не должно смотреть на земное. «О горнем помышляйте, а не о земном» ([Кол. 3:2](#)). «Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге» ([Кол. 3:3](#)). «Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе» ([Кол. 3:4](#)). Жизнь настоящая, говорит, не ваша; ваша жизнь иная некая. Он уже спешит перенести их (от земли), старается показать, что они находятся на небе, что уже умерли, давая из того и другого понять, что не должно искать здешнего (земного). Если вы умерли, то вам не должно искать (здешнего); если вы на небе, то не должны искать (земного). Не является Христос; значит и жизнь ваша еще не наступила, – она в Боге, на небе. Итак, что же? Когда мы будем жить? Когда явится Христос – жизнь ваша, тогда ищите и славы, и жизни, и радости. Это сказано с тою целью, чтобы удержать их от развлечений и праздности.

(Павел) обыкновенно так делает, – доказывая одно, переходит к другому. Так, напр., говоря о тех, которые предваряли трапезу, он вдруг перешел к соблюдению таинств. Ведь обличение бывает сильнее, когда оно

неожиданно. «Сокрыта», – говорит, от вас. «Тогда и вы явитесь с Ним». Стало быть ныне не являетесь. Смотри, как он перенес их в самое небо. Он, как я сказал, всегда старается показать, что они имеют то же, что и Христос. Во всех посланиях своих он говорит об этом, чтобы показать, что они (верующие) имеют во всем общение с Ним. Для этого он говорит и о главе, и о теле, и делает все, служащее к объяснению этого. Итак, если мы явимся тогда, то не будем скорбеть, если теперь не наслаждаемся славой. Если настоящая жизнь – не жизнь, если жизнь сокровенна, то мы должны проводить настоящую жизнь как мертвые. «Тогда, – говорит, – и вы явитесь с Ним во славе». Не без цели сказал: «во славе» – и жемчужина скрыта, пока она в раковине. Итак, оскорбляют ли нас, другое ли что терпим, не будем скорбеть, так как настоящая жизнь – не наша жизнь: мы странники и пришельцы. «Итак, умертвите», – говорит. Кто настолько безрассуден, чтобы для мертвого и погребенного тела покупать рабов, или строить дома, или готовить драгоценные одежды? Никто. Потому и мы не должны поступать так. Мы обыкновенно желаем только одного: не быть обнаженными; и здесь также будем искать только одного. Наш первый человек погребен; не в земле погребен, но в воде; не смерть победила его, но Победителем смерти он погребен; не по закону природы, но по повелению власти, более сильной, чем природа. Что бывает по законам природы, то еще может разрушить кто-нибудь, но того, что происходит по Его повелению, – никто. Ничего нет блаженнее этого погребения. О нем радуются все: и ангелы, и люди, и Владыка ангелов. Для этого погребения не нужно ни одежд, ни гроба, и ничего подобного. Хочешь видеть прообраз? Я тебе покажу купель, в которой один был погребен, а другой восстал. В Красном море египтяне потонули, а израильтяне вышли из него. От одного и того же может произойти погребение одного и рождение другого.

3. Не удивляйся, что в крещении бывает и рождение, и истление. Разве, скажи мне, разложение не противоположно соединению? Это очевидно для всякого. А огонь производит и то, и другое: воск он растопляет и уничтожает, а золотоносную руду сплавляет и делает золотом. Так и здесь (в крещении): огненная сила, расплавив восковую статую, обнаружила вместо нее золотую. В самом деле, до крещения мы были глиняные, после крещения – мы золотые. Откуда это видно? Послушал, что говорит сам (Павел): «Первый человек – из земли, перстный; второй человек... – небесный с неба» ([1 Кор. 15:47](#)). Я сказал, какое расстояние между глиняным и золотым, нахожу, что еще большее различие между небесным и земным; не столько отличается глина от

золота, сколько земное от небесного. Мы были восковые и глиняные и от пламени пожелания мы таяли гораздо более, чем воск от огня, и встретившееся искушение сокрушало нас гораздо более, чем камень – глиняные вещи. Изобразим, если хотите, прежнюю жизнь. Не все ли в ней было земля, и вода, и ветер, и пыль, непостоянно и преходяще? Рассмотрим, если угодно, не прежнее, а настоящее. Не найдем ли, что все существующее – прах и вода?

О чем еще желаешь – сказать тебе? О начальствах и властях? В настоящей жизни ничего, кажется, не домогаются с таким старанием, как этого. Но скорее увидишь пыль, неподвижно стоящую в воздухе, чем постоянство в этом, особенно в наше время. Кому не подчинены (начальники)? Тем, которые любят их, Евнухам, делающим все за деньги, злобе народа, гневу более сильных. Тот, кто вчера стоял на верхних ступенях трона, имел глашатаев, взывавших громким голосом, множество передовых слуг, гордо выступавших на площади, тот сегодня мал, низок и лишен всего этого; все исчезло, как пыль, поднятая ветром, как унесшаяся волна. И как наши ноги поднимают пыль, так властителей производят те, у которых деньги в руках; они во всю жизнь свою делают то же, что ноги наши (поднимая пыль). Поднявшаяся пыль занимает много места в воздухе, а сама невелика; такова и власть. Как пыль ослепляет глаза, так гордыня власти помрачает зрение ума.

Что же? Ты хочешь, чтобы я рассмотрел вожденный предмет – богатство? Пожалуй, – рассмотрим его по частям. В нем есть удовольствия, есть почести, есть власть. Сначала, если хочешь, исследуем удовольствия. Разве они не пыль? Разве они проходят не скорее пыли? Сладость приятна, пока она на языке; а когда наполнен желудок, тогда и на языке нет ее. Зато почести приятны, говоришь ты. Но есть ли что-нибудь неприятнее той чести, которая приобретается посредством денег? Если честь приобретена не усилием воли, не доблестью душевной, то не ты пользуешься честью, а богатство: такая честь делает богача бесчестнее всех. Если бы ты, имея друга, пользовался общим уважением, и все открыто говорили бы, что сам ты ничего не стоишь, что они принуждены уважать тебя из-за друга твоего, скажи мне: могли ли бы они чем-нибудь более бесчестить тебя? Следовательно, богатство, когда его чтут более, чем обладателей его, есть причина бесчестия нашего, свидетельство слабости, а не могущества. Не глупо ли, в самом деле, если нас не считают достойными этой земли и пепла, а таково золото, получать нам почтение из-за него? Подлинно, лучше не пользоваться честью, чем приобретать ее таким способом. Но так но бывает с тем, кто презирает богатство. Если бы

кто-нибудь сказал тебе: я не считаю тебя достойным никакой чести, но уважаю тебя за твоих слуг, – скажи, – какое бесчестье было бы для тебя хуже этого? Если постыдно приобретать честь через рабов, имеющих одинаковую с нами душу и природу, то еще постыднее (приобретать ее) посредством того, что гораздо ничтожнее, – я разумею стены домов, дворы, золотые сосуды, одежды. Это, действительно, смешно и постыдно! Лучше умереть, чем пользоваться такой честью. Скажи мне: если бы ты, гордящийся своим величием, подвергся опасности, и какой-нибудь незначительный и презренный человек захотел бы избавить тебя от неё, – что могло бы быть для тебя хуже этого? Что вы рассказываете друг другу о городе (Антиохии), о том же я хочу сказать вам. Некогда наш город оскорбил императора, и император приказал уничтожить его весь до основания, и мужей, и детей, и жилища. Так цари гневаются! Они пользуются властью, как хотят. Таково-то зло власть! Итак, (город наш) был в крайней опасности. Соседний приморский город отправил к царю ходатаев за нас. А жители нашего города говорили, что это хуже, нежели истребление города. Такая честь хуже бесчестья. Смотри же, где честь имеет свой корень. Нас делают почетными и руки поваров, которых мы обязаны благодарить за это, и свинопасы, доставляющие богатый стол, и ткачи, и поденщики, и делатели металлов, и пирожники, и устроители трапез.

4. Итак, не лучшее ли не пользоваться честью, чем быть обязанным благодарностью за нее таким людям? Но и без этого я постараюсь ясно показать, что приобретение богатства соединено с великим бесчестьем. Оно душу делает гнусной, – а что бесчестнее этого? Скажи мне: если бы к благообразному и красивейшему телу подошло богатство и объявило, что оно сделает его гнусным, вместо здорового – больным, вместо хорошо сложенного – опухшим, и, наполнив все его члены водяной болезнью, вздуло бы лицо, растянуло бы его во все стороны, раздуло бы ноги и сделало бы их тяжелее бревен, вспучило бы живот так, что он был бы больше всякой бочки, и затем объявило бы, что, если кто захочет исцелить его, – оно не позволит, – в этом его воля, – если бы, наконец, дошло до такого своеволия, что подвергало бы наказанию всякого, приближающегося к телу для его исцеления, – скажи мне: какая жестокость могла бы быть больше этой? Если же богатство поступает так с душой, какое же оно добро? Но власть его тяжелее болезни. Если больной не слушается предписаний врачей – это хуже болезни. А богатство именно это производит, отовсюду воспаляя душу и не позволяя врачам приблизиться к ней. Не будем же считать богачей блаженными за их

власть, но пожалеем об них. Если я увижу одержимого водяной болезнью, употребляющего напитки и вредные мяса, какие хочет, и никто не может запретить ему, – я не назову его счастливым за власть его. Власть, равно и почести, не всегда благо, потому что они надмевают душу. Ты, без сомнения, не согласишься, чтобы тело получило с богатством такую болезнь: как же ты нерадишь о душе, которая принимает (с богатством), кроме болезни, и другое наказание? Ее отовсюду жгут горячки и воспаления, и никто не может угасить этот жар; богатство не позволяет этого, считая приобретением то, что в самом деле есть потеря, то есть, ничему не подчиняться и все делать по своему произволу. Ничья душа не наполнена столь многими и столь безрассудными пожеланиями, как (души) желающих обогащаться. Каких сумасбродств они не представляют себе? Всякий согласится, что они измышляют гораздо более, чем те, которые измышляют иппокентавров, химер, зверей с змеями вместо ног, скилл и чудовищ. Если ты захочешь представить себе какое-нибудь из их пожеланий, – увидишь, что это такое страшилище, в сравнении с которым и скилла, и химера, и иппокентавр – ничто; найдешь, что оно совмещает в себе всех зверей.

Кто-нибудь, пожалуй, подумает, что я сам имел большие богатства, когда так верно изображаю жизнь богачей. Рассказывают, что какой-то, – в подтверждение слов своих, я сначала приведу нечто из эллинских песнопений, – рассказывают, что какой-то царь их до того обезумел от роскоши, что приказал сделать из золота платановое дерево выше неба, и сидел под ним в то время, когда воевал с неприятелями, искусными в военном деле. Разве такая прихоть не стоит иппокентавров или скилл? Другой бросал людей внутрь деревянного быка. Разве это не скилла? А некоего из древнейших царей и воинов (богатство) сделало женщиной вместо мужчины, – да что я говорю женщиной? – зверем бессмысленным, и еще хуже того, потому что звери, когда они находятся под деревьями, удерживают свои природные склонности и ничего больше не желают, а тот и природу зверей превзошел. Итак, не крайнее ли безумие – собирать богатства? А всему причиной неумеренность пожеланий. Но, скажете, богачу многие удивляются? Да; за то они и подвергаются такому же смеху, как и он. Не богатство здесь представляется глазам, а безумие. Выросшее из земли платановое дерево не гораздо ли лучше того золотого? Все, согласное с природой, приятнее того, что противно природе. На что хотелось тебе золотого неба, безумец? Видишь, как большое богатство доводит людей до безумия? Как надмевает их? Я думаю, что оно еще не знает моря, и скоро захочет по нем ходить. Разве это не химера? Разве это

не иппокентавр? Есть и ныне такие, которые ничем не уступают, даже более безумствуют. Чем, скажи мне, отличаются по безумию от золотого платана те, которые делают золотые кувшины, горшки и сосуды? Чем отличаются от него те женщины, которые – стыдно, а необходимо сказать! – делают серебряные ночные горшки? Надлежало бы стыдиться вам, делающим это. Христос алчет, а ты так роскошничает, или, лучше сказать, безумствуешь. Какого наказания не заслуживают они? И ты еще спрашиваешь, отчего разбойники, отчего убийцы, отчего бедствия, когда дьявол так овладел вами? И блюда серебряные иметь несвойственно любомудрой душе, – все это роскошь, – а делать из серебра нечистые сосуды – разве не роскошь? Не скажу: роскошь, а безумие, и не безумие, а бешенство, даже хуже бешенства.

5. Я знаю, что многие за это смеются надо мной. Но я не перестану говорить, лишь бы только принести пользу. Подлинно, богатство делает (людей) безумными и бешеными. Если бы у них была такая власть, они пожелали бы, чтобы и земля была золотая, и стены золотые, а пожалуй, чтобы и небо и воздух были из золота. Какое сумасшествие! Какое беззаконие! Какая горячка! Другой, созданный по образу Божью, гибнет от холода, а ты заводишь такие (прихоти)! О, гордость! Может ли безумный сделать больше этого? Извержения свои ты так считаешь, что собираешь их в серебро! Знаю, что вы приходите в ужас от моих слов; но должны ужасаться жены, которые так делают, и мужья, которые потворствуют таким недугам. Это необузданность, свирепость, бесчеловечие, зверство, наглость. Какая скилла, какая химера, какой дракон, или лучше какой демон, какой дьявол стал бы поступать так? Какая польза тебе от Христа? Какая польза от веры, когда иной эллин (язычник) сноснее, даже не эллин, а демон? Если голову не должно украшать золотом и камнями, то может ли ожидать прощения тот, кто употребляет серебро на такие грязные надобности? Разве не довольно того, что другие вещи, – хотя и это несносно, стулья, скамейки – все из серебра? Безумно и это; и везде чрезмерная пышность, везде тщеславие; нигде (нет соответствия) нужде, всюду излишество. Я опасюсь, чтобы женщины, продолжая такое сумасшествие, не сделались похожими на чудовищ. Можно ведь ожидать, что они захотят иметь и волосы золотые. Можете ли вы сказать, что нимало не сочувствуете ничему из сказанного, что оно не трогает вас, не возбуждает пожелания? Если бы не удерживал стыд, вы не отперлись бы. Если вы позволяете себе и поступки более нелепые, то тем более я могу думать, что появляется желание иметь золотые и волосы, и губы, и брови, и все (члены) обмазать растопленным золотом. Если вы этому не верите и

думаете, что я шутя говорю это, то расскажу вам, что я слышал, что даже и теперь есть. У персидского царя золотая борода, искусные слуги вплетают в волосы ее, как в уток, золотые пластинки и он лежит точно чудовище.

Слава тебе, Христе! Каких великих благ исполнил Ты нас! Как все устроил Ты, чтобы сохранилось здоровье (души) нашей! От какой чудовищности, от какого безумия избавил Ты нас! Теперь предупредю, уже не увещаю, но приказываю и объявляю, – кто хочет, пусть слушает, а кто не хочет, пусть не исполняет: если вы будете продолжать такую жизнь, я не потерплю более; я не приму вас; не позволю переступить этот порог. Что мне до того, что больных много? Что же будет, если, уча вас, не воспрепятствую прихотям? Павел запретил и золото, и жемчуг. Эллины смеются над нами; наше учение им кажется баснею. Внушаю это мужам. Ты вошел в училище, изучаешь духовную философию? Прекрати эту пышность. Внушаю это и мужам, и женам. Пусть кто-нибудь поступает иначе; я не стану более терпеть. Двенадцать было учеников; а послушай, что говорит им Христос: «Не хотите ли и вы отойти?» ([Иоан. 6:67](#)). Если мы будем все поблажать, – когда же исправим вас? Когда принесем пользу? Но есть, говоришь, другие ереси; переходят и туда. Это слова пустые. Лучше один, творящий волю Господню, чем тысяча беззаконников. А сам ты, скажи мне, чего бы хотел: иметь ли тысячу слуг беглецов и воров, или одного благоразумного? Итак, я увещаю и приказываю: эти украшения для лиц и эти сосуды сокрушить и раздать бедным и не безумствовать так. Пусть кто хочет уходить (от меня), кто хочет осуждает, – я никому не буду поблажать. Когда я буду судиться пред престолом Христовым, вы будете стоять в стороне; ваша любовь не поможет мне, когда я буду давать отчет. Все портят эти слова: лишь бы, говорят, не отступил, не перешел в другую ересь; он слаб; окажи ему снисхождение. Но до чего же? До какого времени? Один раз, два, три раза; но не всегда же.

Итак, я опять объявляю и свидетельствуюсь словами блаженного Павла, что «Что, когда опять приду, не пощажу» ([2 Кор. 13:2](#)). Когда исправитесь, узнаете тогда, какое приобретение, какая польза (в этом). Да, советую вам, прошу вас, я не отказался бы обнять колена ваши и умолять об этом. Какая изнеженность! Какая роскошь! Какая наглость! Да, это не роскошь, – это именно наглость! Какое безумие! Какое неистовство! Так много нищих стоять около церкви; а церковь, имя столько чад и столько богатых чад, не может помочь ни одному бедному. Один голодает, а другой напивается; один употребляет серебро даже для нечистот своих, а у другого нет и хлеба. Что за неистовство, что за зверство такое! Пусть же мы не будем доведены до искушения наказывать непослушных и делать

это с досадой, но пусть они все это выполнять добровольно и с терпением, чтобы жить нам в славе Божьей, избежать будущего наказания, и сподобиться благ, обещанных любящим Его, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Кол.3:5–7. Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение, за которые гнев Божий грядет на сынов противления, в которых и вы некогда обращались, когда жили между ними.

Все добрые дела без любви ничтожны. – Благодарить Бога нужно всегда. – Волшебные повязки. – Почему прекратились чудеса. – Против суеверий.

1. Знаю, что многие оскорбились предшествовавшей беседой. Но как мне быть? Слышали, что повелел Владыка? Виноват ли я? Что мне делать? Разве вы не видите, как заимодавцы ввергают в оковы несостоятельных должников? Вы слышали, что сегодня Павел возвестил? «Итак, умертвите, – говорит, – земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение». Что хуже этого лихоимания? Оно несноснее того, о чем я говорил, – того бешенства, того сумасбродства в употреблении серебра. «И любостяжание, – говорит, – которое есть идолослужение». Видите, где оканчивается зло? Не огорчайтесь же! Я не хочу иметь врагов по своей воле и безрассудно; но я желаю вам достигнуть такой степени добродетели, чтобы мне слышать об вас, что должно. Не по самомнению, и не по власти (я говорил), но по скорби и печали. Простите мне, простите. Говоря о таких вещах, я не желаю нарушать приличие; но нужда заставляет. Не ради скорби бедных говорю это, но ради вашего спасения, потому что погибнут не напитавшие Христа, погибнут. Важное ли дело, если ты питаешь бедного? Но когда ты так нежишься, так роскошествуешь, – все это прихоти. Не того от тебя требуют, чтобы ты дал много; но чтобы дал по своему состоянию, – кто дает менее, тот забавляется.

«Итак, умертвите, – говорит, – земные члены ваши». Что ты говоришь? Не ты ли сказал: вы погребены, спогребены, обрезаны, мы совлеклись тела греховного плоти? Как же ты опять говорит: «умертвите»? Не шути, ты говоришь так, как бы эти (уды) в нас были? Тут нет противоречия. Если бы кто-нибудь, очистив загрязненную статую, или даже перелив ее и сделав совершенно блестящей, сказал, что ее точит и губит ржавчина, и стал бы советовать снова постараться очистить ее от ржавчины, – он не противоречил бы себе, потому что он советовал бы очистить не от той ржавчины, которую уже счистил, но от той, которая

показалась после. Так (и Павел) говорит не о прежнем умерщвлении, не о прежних блудодеяниях, но о последующих. Но вот, говорят еретики, Павел осуждает творение; прежде сказал: «О горнем помышляйте, а не о земном» ([Кол. 3:2](#)), и опять говорит: «Итак, умертвите земные члены ваши». Но здесь выражением – «земные» указывается на грех, а не осуждается творение. Самые грехи он так называет: «земные», или потому, что они совершаются по земному мудрованию и на земле, или потому, что показывают земляность грешников. «Блуд, нечистоту», – говорит. Он не упомянул о тех делах, которые и назвать непристойно; но указал все словом: «нечистоту, страсть, – говорит, – и злую похоть». Вот он сказал вообще обо всем, потому что все похоть злая – зависть, гнев, уныние. «И любостяжание, – говорит, – которое есть идолослужение, за которые гнев Божий грядет на сынов противления».

Разными способами он удерживал их (от греха): оказанными благодеяниями, будущими бедствиями, от которых мы, будучи такими, избавились, и почему, и – прочим всем, как-то: кто мы были, в каких (обстоятельствах), что мы от них избавились, как, каким способом и почему: этого достаточно, чтобы удержаться от греха. Но это (гнев Божий) сильнее всего. Неприятно это говорит, но вовсе не бесполезно; напротив – полезно. «За которые, – говорит, – гнев Божий грядет на сынов противления». Не сказал: «на вас», но: «на сынов противления, в которых и вы некогда обращались, когда жили между ними». Для возбуждения в них стыда сказал: «когда жили между ними»; но тут же и похвала, – что ныне они не живут (в них), что это можно сказать только о прежнем. «А теперь вы отложите все» ([Кол. 3:8](#)). Он всегда говорит и вообще и в частности; это происходит от расположенности: «гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу». Выразительно говорит: «сквернословие уст ваших», потому что оно грязнит (уста). «Совлекшись ветхого человека с делами его... облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его» ([Кол. 3:9–10](#)). Здесь уместно спросить: почему он, назвав члены, и человека и тело, растленною жизнью, опять то же самое называет добродетельною? И, если грехи и человек – одно и то же, то как говорит он: «с делами его»? Он сказал однажды о ветхом человек и показал, что не это человек, но другое, потому что свобода (в человек) важнее сущности; первая более человек, нежели последняя. Не сущность ввергает в геенну, не она вводит в царство (Божье), но одна свобода. И мы любим, или ненавидим кого-нибудь не за то, что он человек, но за то, что он такой-то человек. Итак, если тело есть сущность, а сущность ни в том, ни в другом случае не

подлежит ответственности, то как он тело называет злом?

2. О чем же он говорит: «с делами»? О свободе с делами. Ветхим же называет его, желая показать его гнусность, безобразие и слабость. «В нового» – как бы так говорит: не ожидайте, чтобы и с этим случилось то же; напротив, чем более он живет, тем более приближается не к старости, а к юности, которая лучше прежней. Чем больше он приобретает звания, тем большего удостаивается, и более цветет, и более имеет силы, не от юности только, но и от образа, к которому приближается. Потому-то наилучшая жизнь называется тварью – по образу Христа; это и значит «по образу Создавшего его», так как и Христос умер не в старости, а Он имел тогда такую красоту, что и выразить нельзя. «Где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» ([Кол. 3:11](#)). Вот третья похвала этого мужа! Он не различает ни по племени, ни по достоинству, ни по предкам. Он не имеет ничего внешнего и не нуждается в нем. Обрезание и необрезание, раб и свободный, эллин, то есть, пришлец, и иудей, то есть, природный, – все это внешнее. Если ты имеешь только это, то и достигнешь того же, чего достигли другие, имеющие это. «Но все, – говорит, – и во всем Христос», – то есть, Христос да будет для вас все, – и достоинство, и род, и во всех вас – Он сам. Или же нечто другое говорит, именно: все вы сделали одним Христом, будучи телом Его. «Итак облекитесь, как избранные Божьи, святые и возлюбленные» ([Кол. 3:12](#)). Показывает легкость добродетели, чтобы они непрестанно имели ее, и пользовались ею, как величайшим украшением. Увещание (соединено) с похвалой, так как от этого оно получает больше силы. Они были святыми, но не были избранными; а ныне и избранные, и святые, и возлюбленные. «В утробы щедрот». Не сказал «в милосердие», но гораздо выразительнее, двумя словами. И не сказал: вы должны иметь расположение (друг к другу), как братья, но: как отцы к детям. Чтобы ты не сказал мне, что он ошибся, для этого он прибавил «в утробы». И не сказал: в щедроты, – чтобы не унижить их, – но: «В утробы щедрот: в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы» ([Кол. 3:12–13](#)).

Опять говорит по частям; от благодати смиренномудрие, а от смиренномудрия долготерпение. «Снисходя, – говорит, – друг другу», то есть, прощая друг другу. И смотри, как он показал ничтожность этого, назвав «жалобу». Затем прибавляет: «как Христос простил вас». Великий пример! (Павел) всегда так делает, убеждает их примером Христа. «Жалобу», – говорит. Выше показал, что это ничтожно; но когда привел

пример, утверждает, что если бы мы имели и важные обвинения, должны прощать. Слова: «как Христос» означают это; и не это одно, но и то, что должно прощать от всего сердца; и даже не это только, но и то, что должно любить (оскорбляющих нас). Христос, представленный в пример, научает всему этому, и еще тому, что (должно прощать обиды), хотя бы они были велики, хотя бы мы ничем наперед не оскорбили обидевших нас, хотя бы мы были люди великие, а обидевшие нас – незначительны, хотя бы они и после прощения намеревались оскорбить нас, и наконец – что должно душу свою полагать за них. Слово «как» требует этого; оно (показывает) еще, что должно стоять (за обидевших нас) не только до смерти, но, если возможно, и после смерти.

«Более же всего *облекитесь* в любовь, которая есть совокупность совершенства» ([Кол. 3:14](#)). Видишь, он говорит это самое. Так как можно простить, но не любить, то он говорит: да, и любить (неприменно должно), и показывает путь, который может привести к прощению. Путь этот – если кто бывает и добр, и кроток, я смиренномудр, и долготерпелив, и нераздражителен. Потому-то он и сказал прежде: «утробы щедрот», и «любовь», и «милость». «Более же всего *облекитесь* в любовь, которая есть совокупность совершенства» Он вот что хочет сказать: те (качества) души бесполезны; все они ослабевают, если не соединены с любовью, – все они только ею укрепляются. Все, чтобы ты ни называл благом, без любви не имеет никакой цены, – скоро исчезает. Это подобно тому, как для корабля бесполезны были бы большие стены, если бы он не имел обшивки, равно как и для дома, если бы не были положены перекладины, или как в теле бесполезны были бы большие кости, если бы они не имели связок. Какие бы ни были у кого добрые дела, без любви все они ничтожны. Не сказал, что она (любовь) есть вершина, но, что гораздо важнее – «союз»; это более необходимо, чем то. Вершина означает пределе совершенства; а связь, подобно корню, есть удержание того, что составляет совершенство. «И да владычествует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны в одном теле, и будьте дружелюбны» ([Кол. 3:15](#)).

3. Мир Божий – это твердый и прочный мир. Если ты имеешь мир от людей, то он скоро разрушится; но если от Бога, то – никогда. Он сказал о любви вообще; а теперь переходит опять к частностям. Есть и неумеренная любовь, как, например, если кто-нибудь по великой любви (к одному) напрасно обвиняет (другого), вступает в борьбу и отвращается. Не сказал: я не хочу этого, но: как Бог примирился с вами, так и вы делайте. Как же Он примирился? Сам восхотел, не получив ничего от нас. Что значит: «Да владычествует в сердцах ваших мир Божий»? Когда борются (в тебе) два

помышления, не останавливаясь на том, которое возбуждает гнев, или имеет целью возмездие; а на том, которое преклоняет к миру. Положим, напр., что кого-нибудь несправедливо обидели. От обиды у него родились два помышления, из которых одно требует мщения, а другое терпения, и борются они между собою. Если бы явился пред ними мир Божий с наградой, – он дал бы ее тому, которое требовало терпения, а другое пристыдил бы. Каким образом? Уверив, что Бог есть мир, что Он примирился с нами. Не без намерения показывает великую борьбу в этом деле. Пусть, говорит, определяет награду не гнев, не соперничество, не человеческий мир, потому что человеческий мир происходит из того, что мы не мстим, из того, что ничего тяжелого не терпим. Не этого, говорит, мира я хочу, но того, который сам Христос оставил нам. В душе, в помыслах Он устроил поприще, и состязание, и борьбу, и раздаятеля наград. Затем опять побуждение: «К которому вы и призваны», – говорит, т. е. ради него вы и призваны были. Напомнил, сколько благ произошло от мира. Ради него (Бог) призвал тебя, призвал так, что, вероятно, ты получишь награду. Для чего Он устроил едино тело? Не для того ли, чтобы владычествовал мир? Не для того ли, чтобы мы имели возможность жить в мире? Для чего все мы – едино тело? И как мы – едино тело? Для мира мы – едино тело, и для того, чтобы было едино тело, мы находимся в мир. Почему же он не сказал: мир Божий да побеждает, но: «да владычествует»? Чтобы сделать его (мир) более достоверным. Он не позволил злему помышлению бороться с миром, но поставил его ниже; а именем награды (без борьбы) возбудил внимание слушателя. Если бы он дал награду доброму помышлению, когда то (злое) боролось со всей наглостью, – это не принесло бы ему никакой пользы. А теперь то (злое) помышление, зная, что оно не получит награды, что бы ни делало, как бы ни усиливалось, как бы ни были стремительны его нападения, – оставит бесполезные труды. Хорошо также прибавил: «и будьте дружелюбны». Быть благодарным и чувствительно благодарным, значит – поступать подобно сорабам: раб чтит господина, как Бога, во всем соглашается с ним, повинуется ему, за все благодарить, хоть бы оскорбил кто, хоть бы ударил. Кто благодарить Бога за понесенную обиду, тот не мстить обидящему; а мстящий не благодарить (Бога). Не будем же поступать по примеру того, который требовал ста динариев, чтобы и нам не услышать: «Раб лукавый» ([Мф. 25:26](#)). Нет ничего хуже такой неблагодарности.

Итак, те неблагодарны, которые мстят. Почему он опять начал говорить о блуде? Сказав: «умертвите земные члены ваши», тотчас прибавляет: «блуд», и это почти везде делает. Потому, что эта страсть более всего

господствует. То же он сделал и в послании к фессалоникийцам, даже – что достойно удивления – когда и Тимофею говорит: «Храни себя чистым» ([1 Тим. 5:22](#)), и еще в другом месте: «старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа» ([Евр. 12:14](#)). «Умертвите..., – говорит, – члены ваши». Вы знаете, каково мертвое: гнусно, отвратительно, гнило. Когда умертвишь, – мертвое уже не будет (жить); тотчас начнет тлеть, как тело. Итак, угаси похоть, – и будет мертва. Показывает, что он делает то же, что и Христос в крещении. Потому-то он и называет членами, как будто представляет какого-нибудь героя, и тем делает речь более выразительной. И хорошо сказал: «земные». Они (члены) здесь находятся, здесь и тлеют, гораздо более, чем эти (телесные) члены. Не столько тело из земли, сколько землян грех. Тело бывает иногда и красиво, а он – никогда. И возжелают эти члены всего, что на земле. Если таков глаз, то он не видит того, что на небе, также и слух, и рука, и все прочие члены. Глаз видит тела, красоту, формы земных вещей, – этим и наслаждается; а слух – нежным пением, цитрой, свирелью, сквернословием. Все это земное. Итак, поставив их (верующих) горе, пред престолом, (Павел) говорит: «умертвите земные члены ваши». Нельзя с этими членами стоять горе; там нет предметов для них. Эта глина (из которой они состоят) хуже той. Та бывает золотом: «Когда же, – сказано, – тленное сие облечется в нетление» ([1 Кор. 15:54](#)); а эту глину нельзя и переплавить. Эти (члены) более на земле, нежели те. Потому-то он и не сказал: «от земли», но: «земные», так как эти могут быть и не от земли. Этим необходимо быть на земле, а тем не необходимо. Если слух не внимает ничему здешнему (земному), но только небесным речам, если глаз не смотрит ни на что здешнее, но только на горнее, – они не на земле; если уста не говорят ни о чем здешнем, – они не на земле; если руки не делают ничего худого, – они принадлежать не к тому, что на земле, но к тому, что на небе.

4. Это говорит и Христос: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя», то есть, если ты смотришь бесстыдно, «вырви его», то есть, худую мысль ([Мф. 5:29](#)). Мне кажется, что слова: блуд, нечистота, страсть, похоть – означают одно и то же, именно блуд, что всеми этими названиями он отвращает нас от (скверного) дела. Это, действительно, страсть; и как тело страдает, безразлично – от лихорадки ли, или от раны, так и это. И не сказал: обуздывайте, но: «умертвите», чтобы они и не могли восстать. «И отложите». Мы отлагаем мертвое; если, напр., на теле есть мозоли, мы срезаем их, как тело мертвое. Если ты обрежешь живое тело, тебе больно; если же мертвое, боли вовсе не чувствуешь. То же должно сказать

и о страстях: они делают бессмертную душу нечистой, страстной.

Мы не раз говорили, почему любостяжание называется идолослужением. Над родом человеческим более всего владычествуют: любостяжание, невоздержание и похоть злая. «За которые гнев Божий грядет на сынов противления» (Кол. 3:6). Называет сынами противления, чтобы лишить их прощения и показать, что, по причине непослушания, они принадлежат к числу таковых. «В которых, – говорит, – и вы некогда обращались» и покорились: показывает, что они еще находятся в числе таковых. Говоря так, он и хвалит их: «А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие» (Кол. 3:8). Не к ним, но к другим обращает речь, чтобы не поразить их. Хулением он называет ругательства, также как яростью называет нечестие. А в другом месте, с целью пристыдить, говорит: «потому что мы члены друг другу» (Еф. 4:25). Он представляет их как бы творцами людей, отвергающими одного и принимающими другого. Там сказал: «члены»; здесь перечисляет все: сердце – ярость, уста – хуление, глаза – блуд, любостяжание, руки и ноги – ложь, самую мысль и ветхий ум. У него один царский образ – образ Христа. Показывая, что члены, велики ли они или малы, имеют один царский образ, он, мне кажется, имеет в виду преимущественно (христиан) из язычников. Как земля делается золотом, лишившись прежнего вида своего – вида песка, как шерсть, какая бы она ни была, принимает другую форму, потеряв прежнюю, так и верующий. «Снисходя, – говорит, – друг другу», – показал, в чем справедливость: прими ты его, и он тебя (примет), что и в послании к галатам говорит: «Носите бремена друг друга» (Гал. 6:2). «И будьте, – говорит, – дружелюбны». Этого он везде требует больше всего, так как это – верх добрых дел.

5. Итак, будем благодарить (Бога) во всех случаях: в этом и состоит благодарение. Благодарить в счастье нетрудно, здесь самая природа вещей побуждает к тому; достойно удивления то, если мы благодарим, находясь в крайних обстоятельствах. Если мы за то благодарим, за что другие злословят, от чего приходят в отчаяние, – смотри, какое здесь любомудрие: во-первых, ты возвеселил Бога; во-вторых, посрамил дьявола; в-третьих, показал, что случившееся (с тобою) ничто. В то самое время, когда ты благодаришь, и Бог отъемлет печаль, и дьявол отступает. Если ты приходишь в отчаяние, то дьявол, – как достигший того, чего хотел, становится возле тебя; а Бог, как оскорбленный хулой, оставляет тебя и увеличивает твоё бедствие. Если же ты благодаришь, то дьявол, как не получивший никакого успеха, отступает; а Бог, как приявший честь, в воздаяние награждает тебя большей честью. И не может быть, чтобы

человек, благодарящий в несчастье, страдал. Душа его радуется, делая благое, имя чистую совесть, – она услаждается своими похвалами, а (душе) веселящейся нельзя быть печальной. Там (в отчаянии), вместе с бедствием, еще наказывает совесть; а здесь она венчает и провозглашает нет ничего святее того языка, который в несчастьях благодарит Бога, он, поистине, ничем не отличается от языка мучеников и получает такой же венец, как и тот. Ведь и у него стоит палач, принуждающий отречься от Бога богохульством, стоит дьявол, терзающий мучительными мыслями, помрачающий (душу) скорбью.

Итак, кто перенес скорбь и благодарил Бога, тот получил венец мученический. Если, наприм., болит дитя, а (мать) благодарит Бога, это – венец ей. Не хуже ли всякой пытки скорбь ее? Однако же она не заставила ее сказать жестокое слово. Умирает дитя, (мать) опять благодарить (Бога). Она сделалась дочерью Авраама. Хотя она не заклала (дитяти) своей рукой, но радовалась над закланной жертвой; а это все равно; она не скорбела, когда брали у ней дар (Божий). Заболело другое (дитя)? Она не сделала волшебных повязок, и это вменено ей в мученичество, потому что мыслью она принесла сына в жертву. Что за дело до того, что эти (повязки) не приносят никакой пользы, что это – дело обмана и насмешки? Есть и такие, которые верят, что он полезны. Но она лучше согласилась видеть свое дитя мертвым, чем предаться идолослужению. И, как эта (мать) есть мученица, с собою ли она, с дитятею ли поступила так, с мужем, или с кем бы то ни было из наиболее любимых, так другая есть идолослужительница, потому что она, очевидно, и жертву принесла бы, если бы только могла принести, а лучше сказать, она уже сделала то, что составляет жертву. Ведь эти повязки, сколько бы ни мудрствовали употребляющие их, утверждая, что мы призываем Бога, а больше ничего не делаем, и тому подобное, что (повязывающая) старуха – христианка и верная, все же представляют собою идолослужение. Ты верная? Перекрестись; скажи: вот единственное мое оружие, вот мое лекарство, другого не знаю. Скажи мне: если бы врач, придя (к больному), вместо того, чтобы употребить медицинские средства, начал напевать, – назвали ли бы мы его врачом? нет, потому что мы не видели бы врачебных пособий. Так и здесь (в употреблении повязок) ничего нет христианского. Другие еще вешают (на шею) названия рек и множество подобного позволяют себе. Вот я объявляю и предупреждаю всех вас: не буду более щадить, если о ком-нибудь узнаю, что он делал повязку, или заклинание, или другое что, относящееся к этому искусству. Что же, скажешь, умереть дитяти? Когда оно станет жить от этих средств, тогда оно умерло; а когда

умрет без них, тогда ожило. Если бы ты увидела, что (сын твой) пошел к блудницам, ты скорее пожелала бы, чтобы он был погребен; ты сказала бы: какая польза, что он живет? А видя, что он находится в опасности лишиться спасения, ты хочешь, чтобы он жил? Разве ты не слышала, что сказал Христос: «Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» ([Мф. 10:39](#)). Веришь ты сказанному, или оно тебе кажется баснею? Скажи мне: если бы кто-нибудь сказал тебе сведи меня в капище, я буду жив: согласилась ли бы ты? Нет, говоришь. Почему же? Потому что он заставляет служить идолам. Но здесь, скажешь, нет идолослужения, а просто – заклинание. Это сатанинская мысль, это дьявольская хитрость – скрывать заблуждение и в мед подавать яд. Когда дьявол увидел, что тем способом не убедил тебя, он пошел этим путем – повязками и бабьими баснями. И вот, крест пренебрегают, (суеверные) надписи предпочитают ему. Христа изгоняют и вводят пьяную сумасбродную старуху. Таинство наше попрано; а дьявольское заблуждение торжествует. Так почему же, говоришь, Бог не обличит? Он часто обличал (мнимую) помощь от этих средств; но ты не поверил. Наконец, Он оставил тебя при твоём заблуждении: «предал их, – сказано, – Бог превратному уму» ([Рим. 1:28](#)). Этим средствам не поверил бы и рассудительный эллин. Говорят, что в Афинах один демагог пользовался ими; но какой-то философ, учитель его, встретившись с ним, укорял его, бранил, язвил и осмеял. А мы, несчастные, верим этим (предрассудкам)!

Отчего же, скажешь, нет ныне таких, которые бы воскрешали мертвых и совершали исцеления? Отчего? – не скажу пока. А отчего нет ныне таких, которые бы презирали настоящую жизнь? Отчего мы служим Богу из-за награды? Когда природа человеческая была слабее, когда вера только насаждалась, тогда много было и таких людей; ныне же (Бог) не хочет, чтобы мы зависели от этих знамений, но чтобы готовы были к смерти. Почему же ты дорожишь настоящей жизнью? Почему не смотришь на будущее? Для настоящей жизни ты решаешься на идолослужение, а для будущей и поскорбеть не хочешь? Потому-то и нет ныне таких людей, что мы презираем будущую жизнь и ничего для ней не делаем, а для настоящей на все решаемся. А что сказать о других смешных (суевериях) – о золе, саже, соли? И опять – эта старуха тут. Подлинно, смех и стыд! От глазу, говорит, погибло дитя.

6. Доколь же будут продолжаться эти сатанинские (да)? Как не смеяться эллинам? Как не издеваться, когда мы говорим им: велика сила крестная? Поверят ли они нам, когда видят, что мы ожидаем помощи от того, над чем они смеются? Для этого Бог дал врачей и лекарства. Но что

же, если они не помогают, а дитя отходит? Куда отходит, скажи мне, бедный ты и несчастный? К демонам что ли отходит? К тирану какому-нибудь отходит? Не на небо ли отходит? Не к Владыке ли своему? О чем же ты скорбишь? О чем плачешь? О чем сокрушаешься? Зачем ты любишь дитя больше Владыки своего? Не Он ли даровал тебе дитя? Зачем же ты столь неблагодарен, что дар любишь более, чем Даровавшего? Но я слаб, говоришь, и не переношу страха Божьего. Но если в телесных болезнях большей (болью) подавляется меньшая, то тем более и душе; от страха, если бы он был в ней, рассеялся бы страх и от печали печаль. Дитя было красиво? Но каково бы оно ни было, оно не красивее Исаака; тот был к тому же единокровный. Твое родилось в старости? И тот также. Прекрасно было дитя? Но каково бы оно ни было, оно не прекраснее Моисея, который даже в варварском взгляд возбудил любовь к себе, будучи в таком возрасте, когда красота еще не раскрывается. Однако же родители бросили в реку своего возлюбленного (сына). Ты и лежащее дитя видишь, и гробу предаешь, и ходишь к памятнику; а они не знали, чьей пищей он сделается – рыб ли, собак ли, или какого-нибудь из зверей, живущих в море, и это совершили, ничего еще не зная ни о царстве (Божьем), ни о воскресении. Дитя твоё не единокровное; но оно умерло после смерти многих (других детей)? Все же это не было так ужасно и горестно, как бедствие Иова. Не падала храмина (твоя), не во время пиршества (детей это было), пред тем не получал ты известий о своих потерях. Твое любимое было (дитя)? Не более же, чем Иосиф, пожранный зверем; однако же отец перенес горе и в этом случае и в бывшем затем. Он плакал, но не поступил нечестиво; сетовал, но не предался отчаянию; был столько тверд, что говорил: «Иосифа нет, и Симеона нет, и Вениамина взять хотите, – все это на меня!» ([Быт. 42:36](#)). Видишь, как сильный голод заставил его пожертвовать детьми! А на тебя страх Божий столько не действует, сколько голод. Плачь – я не запрещаю; но не богохульствуй – ни словом, ни делом. Каков бы ни был сын твой, все же нельзя сравнить его с Авелем; но Адам ничего такого не сказал, несмотря на то, что несчастье его было весьма велико, – что, в самом деле, ужаснее братоубийства?

Кстати, я вспомнил о других братоубийцах; напр. Авессалом убил первенца Амнона ([2 Цар. 13:28–29](#)). Царь Давид любил отрока, сидел во вретнице и пепле (во время его болезни); однако не позвал ни гадалелей, ни заклинателей, – а они были тогда, как показывает Саул, – но молился Богу. Так и ты делай; что сделал праведник, то делай и ты; те же слова говори, когда умрет дитя (твое): «Я пойду к нему, а оно не возвратится ко мне» ([2 Цар. 12:23](#)). Вот что свойственно любомудрию и нужной любви! Как ты ни

любил бы свое дитя, ты не столько любишь, сколько он тогда, несмотря на то, что (отрок его) был плод беззакония. Блаженный Давид весьма любил мать его; а взаимная любовь родителей переходит, как вам известно, на детей. Он так любил отрока, что, хотя и худо о нем говорили, все же хотел, чтобы он остался жив. Однако же он благодарил Бога. Как, думаешь ты, страдала Ревекка, когда брат угрожал смертью Иакову? Однако же она не опечалила мужа, а велела (Иакову) бежать. Когда постигнет тебя какое-нибудь горе, думай о больших бедствиях и получишь достаточное утешение. Подумай: что, если бы пришлось умереть на войне? Что, если бы в огне? Если будем думать о несчастьях больших, чем те, которые мы терпим, то получим достаточное утешение. Будем размышлять или о тех более тяжких бедствиях, которые другие терпили во все времена, или о тех, которые мы сами терпели когда-нибудь прежде. Такое и Павел дает наставление, когда говорит: «Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха» ([Евр. 12:4](#)); и в другом месте: «Вас постигло искушение не иное, как человеческое» ([1 Кор. 10:13](#)).

Итак, находясь в беде, будем размышлять о больших бедствиях, а найдем такие, – и тогда будем благодарны. Но более всего будем усердно благодарить Бога за все. Таким образом и несчастья прекратятся, и жить мы будем в славе Божьей, и получим обещанные блага, которых да удостоимся все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

Кол.3:16–17. Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякой премудростью; научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу. И все, что вы делаете, словом или делом, все *делайте* во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца.

Каким способом можно проявлять благодарность к Богу. – Следует читать Священное Писание.

1. Убедив (коLOSSян) быть благодарными, (Павел) показывает им и способ к этому. Какой же именно? Тот, о котором мы уже беседовали с вами. Какими словами (показывает)? «Слово Христово да вселяется в вас обильно». Или лучше – не этот только (способ), но и другой. Я сказал, что надобно представлять себе тех, которые претерпели более ужасные страдания, тех, которые перенесли более тяжелые, чем наши, бедствия, и благодать, что не случилось того же с нами; а что говорит сам он? «Слово Христово да вселяется в вас обильно», то есть, (да вселяются) учение, догматы, убеждения, по силе которых, говорит, настоящая жизнь и ее блага – ничто. Если бы мы видели это, то никакой неприятности не поддались бы. «Да вселяется, – говорит, – в вас» – не просто, но – «обильно», с великим изобилием. Послушайте все вы, люди мирские и пекущиеся о жене и детях, как и вам внушает (апостол) больше читать Писание, – и не просто, как случится, а с великим старанием. Ведь подобно тому, как богатый деньгами может перенести убыток и неудачу, так и имеющий достаточные познания в любомудрии легко перенесет не только бедность, но и все несчастья. И последний еще легче, чем первый, потому что там, когда оказывается убыток, богатый необходимо становится беднее и это делается известным для других, и если он терпит это часто, то уже нелегко ему бывает переносить свои потери; а здесь не так: когда нам случается переносить, чего бы мы и не хотели, мы не теряем здравого рассудка, но сохраняем его постоянно. И заметь мудрость этого блаженного. Не сказал: «Слово Христово» да будет в нас, просто, – но что? «Да вселяется», и – «обильно, со всякой премудростью; научайте и вразумляйте друг друга».

Премудростью называет добродетель. И справедливо, потому что действительно и смиренномудрие, и милостыня, и все подобное есть мудрость. Следовательно, противное этому будет глупость, так как от глупости происходит жестокость. Отсюда часто всякий грех называется

безумием. «Сказал, – говорит, – безумец в сердце своем: «нет Бога» ([Пс. 13:1](#)); и опять: «Смердят, гноятся раны мои от безумия моего» ([Пс. 37:6](#)). Что, скажи мне, несмысленнее того человека, который возлагает на себя дорогие одежды, а братьев своих, не имеющих одеяния, презирает; кормит собак, а на образ Божий в алчущем ближнем смотрит с презрением; совершенно убежден в ничтожестве земных вещей, а привязан к ним, будто к нетленным? Но как нет ничего, несмысленнее такого (человека), так нет ничего мудрее подвижника добродетели. Посмотри, говорит, как он мудр: уделяет из своего имущества, является милосердным, человеколюбивым; он уразумел общность естества, уразумел значение денег, то есть, что они ничего не стоят, что более должно беречь свои тела, чем деньги. Потому кто презирает почести, тот и любомудр он не знает дела человеческие, а в знании-то дел Божеских, а не человеческих и состоит любомудрие. Итак, зная, какие дела – Божьи и какие – человеческие, он от одних воздерживается, а другие совершает. Знает он это и за все благодарит Бога; настоящую жизнь он вменяет ни во что, и потому, как не радуется в счастье, так не скорбит и в несчастье.

И не ожидай другого учителя; есть у тебя слово Божье, – никто не научит тебя так, как оно. Ведь другой учитель часто многое скрывает то из тщеславия, то из зависти. Послушайте, прошу вас, все привязанные к этой жизни, приобретайте книги – врачество души. Если не хотите ничего другого, приобретите по крайней мере Новый Завет, Деяния апостолов, Евангелие – постоянных наших наставников. Постигнет ли тебя скорбь, принай к ним, как к сосуду, наполненному целебным веществом. Случается ли утрата, смерть, потеря ближних – оттуда почерпай утешение в своем несчастье. Или лучше – не принай только к ним, но принимай их всецело и храни в своем ум. От незнания Писания – всякое зло. Мы выходим на войну без оружия, – и как нам спастись? Легко спастись с Писаниями, а без них невозможно. Не возлагайте всего на нас: вы, конечно, овцы, но не бессловесные, а разумные. Павел многое внушает и вам. Научаемые не всегда проводят время в приобретении познаний, потому что не всегда учатся; если всегда будешь только учиться, то никогда не выучишься; не с тем приходи сюда, то будто тебе самому всегда нужно только учиться, – иначе никогда не будешь знать, – а с тем, что тебе нужно выучиться и потом учить другого. Скажи мне, не определенное ли время все посвящают наукам и всяким вообще искусствам? все мы назначаем для этого известный срок. А если всегда учишься, – это знак, что ты ничего не знаешь.

2. Укоряя за это иудеев, Бог сказал: «Принятые *Мною* от чрева,

носимые Мною от утробы *матерней*: и до старости вашей» ([Ис. 46:3–4](#)). Если бы не всегда ожидали вы этого, не шло бы все так назад. Если бы оказывалось, что одни уже научились, а другие имеют научиться, то дело у нас простиралось бы вперед: тогда вы приступили бы к другим и помогли бы нам. Скажи мне: те, которые ходят к учителю, но постоянно сидят над азбукой, не доставляют ли больших трудов для учителя? Доколь нам беседовать с вами об (этой) жизни? У апостолов так не бывало: они всегда миновали тех учеников, которые учились у них прежде, поставляя их учителями других желающих учиться. Потому-то они и могли обойти вселенную, что не были привязаны к одному месту.

Подумайте, сколько нужно преподавать учения братьям вашим по деревням и самим учителям их? А вы держите меня, приковали к себе, потому что прежде чем хорошо будет настроена голова, не следует идти к прочим членам. Вы все возлагаете на нас, тогда как только бы вам надлежало учиться у нас, а женам вашим у нас, детям тоже у вас; напротив, вы все оставляете нам. Оттого-то и много труда. «Научайте, – говорит, – и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями». Смотри, как снисходителен Павел. Так как чтение утомительно и может наскучить, – он располагает не к повествованиям, а к псалмам, чтобы ты вместе и увеселял душу пением, и не замечал трудов. «Славословием, – говорит, – и духовными песнями». А ныне ваши дети любят сатанинские песни и пляски, подражая поварам, пекарям и танцовщикам; псалма же никто ни одного не знает, – ныне такое знание кажется неприличным, унижительным и смешным. В этом-то и все зло; на какой земле стоит растение, такой приносит и плод: на песчаной и сланцевой – такой, на доброй и тучной – другой.

Итак, учение есть как бы какой благотворный источник. Научи сына петь те преисполненные любомудрия псалмы, например: сначала о воздержании, или прежде всего о несообщении с нечестивыми, т. е. псалом в самом начал книги [с этой-то целью и пророк начал отсюда, говоря: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых» ([Пс. 1:1](#)); и опять: «не сидел я с людьми лживыми» ([Пс. 25:4](#)); и еще: «Тот, в глазах которого презрен отверженный, но который боящихся Господа славит» ([Пс. 14:4](#))], об обращении с добрыми [это тоже найдешь там, и многое другое], о воздержании чрева, об удержании рук, о нестяжательности, о том, что и деньги, и слава, и все подобное – ничто. Если научишь его этому с детства, то постепенно возведешь его и выше. Псалмы заключают в себе все, а затем гимны – ничего человеческого; когда он будет сведущ в псалмах, тогда узнает и гимны, представляющие собою дело более святое,

так как вышние силы гимнословят, а не псалмословят: «Неприятна, – сказано, – похвала в устах грешника» ([Сир. 15:9](#)); и опять: «Глаза мои на верных земли, чтобы они пребывали при мне» ([Пс. 100:6](#)); и опять: «Не будет жить в доме моем поступающий коварно» ([Пс. 100:7](#)); и опять: «Кто ходит путем непорочности, тот будет служить мне» ([Пс. 100:6](#)). Таким образом, вы должны опасаться, как бы они не завели связей не только с друзьями, но и с слугами: бесчисленное бывает зло для свободных, если приставляем к ним развратных рабов. Если едва спасаются они, пользуясь попечением и любомудрием отца, то что из них будет, когда вверим их беспечности слуг? Слуги будут смотреть на них, как на врагов, в той мысли, что господствование их будет кротче, если они сделают их бестолковыми, глупыми и ничего нестоящими. Итак, станем заботиться об этом более всего другого.

Я возлюбил, – говорит, – возлюбивших закон Твой ([Пс. 118:113](#)): будем же, подражая ему, и мы любить их. А чтобы дети были воздержны, пусть послушают, что говорит пророк: «внутренность моя насыщена позором» ([Пс. 37:8](#))¹; и опять: «Ты истребил всякого любодействующего от Тебя» ([Пс. 72:27](#)). Также, чтобы они не были сластолюбивы, пусть опять послушают: «Убил, – говорит, – тучных их, ...еще пища была в устах их» ([Пс. 77:30–31](#)). Равным образом, что они не должны быть побеждаемы дарами, научатся из следующего: «Когда богатство, – говорит, – умножается, не прилагайте к нему сердца» ([Пс. 61:11](#)); что надобно стоять выше славы, найдут следующее: «Не пойдет за ним слава его» ([Пс. 48:18](#)); что не должно завидовать лукавым: «Не ревнуй злодеям» ([Пс. 36:1](#)); что властвование надобно вменять ни во что: «Видел я нечестивца грозного, расширявшегося, подобно укоренившемуся многоветвистому дереву; но он прошел, и вот нет его» ([Пс. 36:35–36](#)); что настоящее должно почитать ничтожным: «Блажен народ, у которого это есть. Блажен народ, у которого Господь есть Бог» ([Пс. 143:15](#)); что не безнаказанно грешим мы, но будет воздаяние: «Ты воздаешь каждому по делам его» ([Пс. 61:13](#)); почему же не воздает ежедневно? – потому, говорит, что «Бог – судия праведный, [крепкий и долготерпеливый]» ([Пс. 7:12](#)); что смиренномудрие – благо: «Господи! – говорит, – не надмевалось сердце мое» ([Пс. 130:1](#)); что высокомерие – зло: «Оттого, – говорит, – гордость, как ожерелье, обложила их» ([Пс. 72:6](#)); и опять: «Бог гордым противится» ([Иак. 4:6](#)); и опять: «Выкатилась как от жира неправда их» ([Пс. 72:7](#)); что милостыня – благо: «Он расточил, роздал нищим; правда его пребывает во веки» ([Пс. 111:9](#)); что милосердие похвально: «Добрый человек милует и займы дает» ([Пс. 111:5](#)). Найдешь там и много других догматов любомудрия, –

например, что злословить не должно: «Тайно клеветующего на ближнего своего изгоню» ([Пс. 100:5](#)).

Верные знают, каков гимн вышних сил, что говорят херувимы, что говорили ангелы на земле. «Слава Богу на небесах». Потому, после псалмопения, гимны – дело более совершенное. «Псалмами, – говорит, – славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу». (Павел) этим говорит или что Бог даровал им это для благодати, или что песни их были благодатные, или что они должны были вразумлять себя и научать благодатью, или что в них благодатно были эти дары, или же это есть объяснение. От благодати Духа, говорит, «воспевая в сердцах ваших Господу»: не просто, говорит, устами, но со вниманием. Это последнее и значит петь Богу, а то первое – воздуху, так как голос попросту разливается (в воздухе). Не для того, чтобы выказать себя, говорит. Будь ты хоть из торговой площади, – можешь сосредоточиться в себе и петь Богу, не будучи никем слышим. Ведь и Моисей так молился, и был услышан. Что взываешь ко Мне, говорит ему Бог? А он ничего не высказал, но взывал мысленно, с сокрушенным сердцем. Потому и Бог слышал его один. Не мешает и во время пути молиться сердцем и быть гор. «И все, – говорит, – что вы делаете, словом или делом, все *делайте* во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца».

Если мы будем так поступать, то там, где призывается Христос, не найдется ничего мерзкого, ничего нечистого. Ешь ли, пьешь ли, женишься ли, отправляешься ли в путь, – все делай во имя Божье, т. е. призывая Бога на помощь. Берись за дело, прежде всего помолившись Богу. Хочешь ли что произнести? Поставь это наперед. Потому-то и мы в своих письмах впереди поставляем имя Господа. Где имя Господа, там все благополучно. Если имена консулов скрепляют грамоты, то тем более – имя Христово. Или же то понимает Павел, что все говорите и делайте по-божески; не вводите ангелов. Ешь? Благодарю Бога, с решимостью то же делать и после. Спишь? Благодарю Бога, с решимостью то же делать и после. Идешь на площадь? То же делай. (Пусть не будет) ничего мирского, ничего житейского; все совершай во имя Господне, и все у тебя будет благоуспешно. Что ни запечатлеешь именем Божьим, все выйдет счастливо. Если оно изгоняет демонов, устраняет болезни, то тем более облегчает совершение деле. И что значит – «Что вы делаете, словом или делом»? Этим указывает или на допускающего, или на делающего что-либо подобное. Послушай, как Авраам во имя Божье посылал раба. Давид во имя Божье умертвил Голиафа. Дивно и велико имя Его. Потом опять Иаков, посылая детей, говорит: «Бог же Всемогущий да даст вам найти

милость у человека» ([Быт. 43:14](#)). Кто делает это, тот помощником имеет Бога, без Которого не дерзал ничего делать.

Таким образом, чествуемый призыванием (Бог) воздает обратно честь дарованием успеха в делах. Призывай Сына, благодари Отца; призывая Сына, ты призываешь и Отца, а благодаря Отца, благодаришь и Сына. Будем учиться исполнять это не одними словами, но и делами. Этому имени нет ничего равного; оно всегда дивно: «Имя твое, – говорится, – как разлитое миро» ([Песн.1:2](#)). И кто произнес его, тот Вдруг исполнился благоухания. «Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым» ([1 Кор. 12:3](#)). Вот как столь много совершается этим именем! Если слово: «Во имя Отца и сына и Святого Духа» ([Мф.28:19](#)) ты произнес с верой, то ты все совершил. Смотри, сколько ты сделал: ты воссоздал человека, и произвел все прочее, в таинстве крещения. Таким же образом это страшное имя владычествует и над болезнями. Потому, завидуя нам в чести, дьявол ввел неподобающее ангелам. Таковы демонские напевы. Но будет ли то ангел, или архангел, или херувим, – не терпи этого; ведь и эти силы не примут тебя, но отвергнут, когда увидят, что Владыка бесчестится. Я почтил тебя, говорит, и сказал: призывай Меня. А ты бесчестишь Его? Если бы ты пел этот напев с верою, то прогонял бы и болезни, и демонов. А если бы и не прогнал болезни, то не по бессилию, а вследствие того, что (болезнь) полезна. По величию твоему, говорит, и хвала твоя. Этим именем обращена вселенная, разрушено тиранство, попран дьявол, отверзлись небеса. Но что я говорю – небеса? Этим именем возрождены мы, и если не оставляем его, то просияваем. Оно рождает и мучеников, и исповедников. Его должны мы держать, как великий дар, чтобы жить в славе, благоугождать Богу и сподобиться благ, обетованных любящим Его, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

[Кол.3:18–25, 4:1](#). Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе. Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы. Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу. Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали. Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога. И все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человеков, зная, что в воздаяние от Господа получите наследие, ибо вы служите Господу Христу. А кто неправо поступит, тот получит по своей неправде, у *Него* нет лицепрития. Господа, оказывайте рабам должное и справедливое, зная, что и вы имеете Господа на небесах.

О взаимоотношениях мужей, жен, родителей, детей, господ, и слуг. Пример молитвы одного святого мужа. – Узы не помеха проповеди. Восхваление уз Павловых. – Против излишества в женских украшениях.

1. Почему (Павел) повелевает это не везде и не во всех посланиях, но здесь, и в посланиях к ефесянам, к Тимофею и Титу? Потому что в этих городах, вероятно, происходили несогласия, или потому, что иное в них, быть может, было исполняемо хорошо, а в этом они погрешили, – так что надлежало им слышать и об этом. Справедливее же будет сказать, что (апостол) говорит это сколько к ним, столько же и ко всем (христианам). Послание это весьма сходно с посланием к ефесянам. В других местах он не делает того же – или потому, что мужам, уже умиротворенным, которые, как не знавшие высоких догматов, должны были учиться им, писать об этом не следовало, или потому, что получившим утешение в искушениях излишне было слышать об этом. Эти соображения позволяют мне догадываться, что здесь Церковь была уже тверда и что он говорит это при конце (своей жизни).

«Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе», вместо – повинуйтесь для Бога, так как это украшает вас, говорит, а не их. Повиновение же я разумею не (рабское) к господам и не то, которое зависит от природы, но которое бывает для Бога. «Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы». Смотри, как он увещевает соблюдать взаимные отношения. Как там внушает страх и любовь, так и здесь, потому что и любящему можно огорчаться. Итак, слова его значат: не враждуйте; нет ничего огорчительнее той вражды, которой подвергается

жена от мужа; вражда, направляемая против любимых лиц, бывает самая горькая; она показывает, что огорчение велико, когда кто восстает против своего члена. Итак, любить – дело мужей, а уступать – дело жен. Потому, если всякий будет исполнять свой долг, то все будет крепко; видя себя любимой, жена бывает дружелюбна, а встречая повиновение, муж бывает кроток. Смотри, так устроено это и в природе, чтобы муж любил, а жена была послушна. Когда начальствующий любит подначальное, тогда все благоустроено. Любовь не столько требуется от подначального, сколько от начальствующего к подначальному, а от подначального (требуется) послушание. Да и то, что красота – в жене, а пожелание – в муже, показывает не иное что, как устроение для любви. Потому, когда подчиняется жена, – не величайся; и ты жена, когда тебя любит муж, – не надмевайся; ни дружба мужа пусть не возбуждает превозношения в жене, ни подчинение жены пусть не надмевает мужа. Бог подчинил ее тебе для того, чтобы она была более любима; а любить тебя, жена, внушил Он мужу для того, чтобы легче было тебе подчиняться. Не бойся подчинения; подчиняться любящему несколько нетрудно. Не бойся любви; (жена твоя) уступчива пред тобою. Союз не иначе возможен. Ты имеешь власть, необходимую по природе; имей же и союз по любви, (этот же союз) позволяет терпеть слабейшую.

«Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу». Опять полагает – «Господу», полагает законы послушания, усовещивает, смиряет. «Ибо это, – говорит, – благоугодно Господу». Смотри, как хочет, чтобы мы все делали не по одной природе, но сверх того и по воле Божьей, чтобы нам получить награду. «Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали». Вот и здесь опять – подчинение и любовь. Не сказал: любите детей, – потому что это было бы лишнее (слово), к этому влечет сама природа; а исправил то, что надлежало, именно, что любовь здесь бывает сильнее, насколько и послушание больше. Ведь нигде не полагает он примера мужа и жены, – но что? Послушай, что говорит пророк: «Как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его» ([Пс. 102:13](#)); и опять говорит Христос: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею?» ([Мф. 7:9–10](#))? «Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали». Что особенно, знал он, будет чувствительно для отцов, то и полагает и повеление дружелюбно преподает сам, нигде не приводя Бога; этим возбуждает он чувство родителей и смягчает сердце их. Выражение же: «не раздражайте» значит, не делайте их спорщиками. Есть случаи, в

которых вы должны уступать им.

Потом переходит к третьему (предмету) власти: «рабы, – говорит, – во всем повинуйтесь господам вашим по плоти». Здесь, хотя и есть нечто, относящееся к любви, но эта любовь предписывается не природой, как было выше, а обычаем, и требуется с одной стороны властью, с другой делами. Здесь таким образом начало любви уменьшено, а начало послушания усилено, и этим выражается желание, чтобы то, что первые имеют по природе, последние воздавали им из послушания, – так что здесь (Павел) беседует не за господ с одними рабами, но за самих (рабов), чтобы господам сделались они желанными. Впрочем, выражает это не явно; иначе привел бы их в недоумение. «Рабы, – говорит, – во всем повинуйтесь господам вашим по плоти».

2. И смотри, как всегда ставит имена – жены, дети, рабы – в смысл обязанности повиноваться; а чтобы ты не скорбел, прибавляет: «господам вашим по плоти». Лучшее твое, говорит, твоя душа свободна; рабство же временно. Подчини же ему свое тело, чтобы не рабствовать необходимости. «Не в глазах только служи им, как человекоугодники». Сделай, говорит, так, чтобы рабство от закона было рабством от страха Христова. Если бы даже господин и не видел, что ты совершаешь должное и для его чести, – все же ты совершаешь ради недремлющего Ока. «Не в глазах только, – говорит, – служи им, как человекоугодники», так как (работая только пред очами) вы подвергаетесь вреду. Послушай, что говорит пророк: «Бог рассыпал кости человекоугодников» ([Пс. 52:6](#)). Смотри, как он щадит их и упорядочивает. «Но в простоте сердца, – говорит, – боясь Бога», потому что одно иметь в сердце, а другое делать, иным казаться в присутствии господина, и иным в отсутствии, – это не простота, а притворство. Потому не просто сказал: «но в простоте сердца», но – «боясь Бога». Это именно и значит бояться Бога, когда мы не делаем ничего худого, хотя бы никто не видел нас; если же делаем, то боимся не Бога, а людей. Видишь ли, что он упорядочивает их? «И все, что делаете, – говорит, – делайте от души, как для Господа, а не для людей». Этим хочет избавить их не только от притворства, но и от лени. Если они не имеют нужды в надзоре со стороны господ, то через это он делает их вместо рабов свободными. «От души» – значит с благорасположением, не с рабской необходимостью, а свободно и добровольно. И какая награда? «Зная, – говорит, – что в воздаяние от Господа получите наследие, ибо вы служите Господу Христу», следовательно от Него получите и награду. А что Господу работаете, видно из следующего: «А кто неправо поступит, – говорит, – тот получит по своей неправде». Здесь (Павел) подтверждает

сказанное прежде: чтобы слова его не показались лестью, говорит: «тот получит по своей неправде», то есть, получит наказание, потому что у Бога нет лицепрятия. Что, если ты и раб? Не стыдись.

Однако ж это следовало сказать господам, как и в послании к ефесянам; но здесь под именем господ, мне кажется, разумеются язычники. Что, если он – язычник, а ты христианин? Испытываются не лица, а дела, – так что и в этом случае должно работать с благорасположением и от души. «Господа, оказывайте рабам должное и справедливое». А что такое правда, что – уравнение? Доставлять им все в изобилии и не допускать, чтобы они в чем-либо нуждались, но вознаграждать их за труды, так как, если я сказал, что они от Бога получают награду, то из этого не следует, чтобы ты лишал их mzды. И в другом месте сказал: «умеряя строгость» (Еф. 6:9), – желая сделать более кроткими, так как те были совершенны. То есть: «Какой мерой мерите, *так* и вам будут мерить» (Мф. 7:2). Да и слова: «нет лицепрятия» – к ним же относятся, приложены же они к тем, чтобы они приняли это, так как когда касающееся одного мы говорим другому, тогда исправляем не столько его, сколько виновного. «И вы» с ними, говорит. Здесь рабство делает он общим. «Зная, – говорит, – что и вы имеете Господа на небесах. Будьте постоянны в молитве, бодрствуя в ней с благодарением» (Кол. 4:1–2).

Так как пребывание в молитвах часто бывает причиной нерадения, то и говорит – «бодрствуя», то есть трезвясь, а не вертясь туда и сюда. Дьявол знает, хорошо знает, какое великое благо – молитва, и потому тяжело налегает (на молящегося). Знает и Павел, насколько беспечны многие молящиеся, и потому говорит: «Будьте постоянны в молитве», как в деле трудном, «бодрствуя в ней с благодарением». Это, говорит, пусть будет вашим делом – в молитвах благодарить и за явное и за неявное, и за те блага, которые (Бог) совершил для вас по вашему желанию, и за те, которые дарованы вам против желания, и за царство, и за геенну, и за скорбь, и за облегчение ее. Так обыкновенно молятся святые и благодарят за общие благодеяния.

3. Знаю я одного святого мужа, который молился так, что прежде этого слова ничего не говорил, но прямо взывал: «благодарим за все Твои благодеяния, оказанные нам недостойным с первого дня нашей жизни до настоящего, – благодарим за все, что знаем и чего не знаем, за все явное и неявное, обнаруживающееся делом и словом, совершившееся по воле и против нашей воли, за все с нами недостойными бывшее, за скорбь и ослабление скорби, за геенну, за мучение, за царство небесное. Молим Тебя сохранить нашу душу святой, чистой, совестливой и вполне

достойной Твоего человеколюбия. Возлюбивший нас до того, что предал за нас Единородного Твоего, удостой нас быть достойными любви Твоей. Даруй нам в слове Твоем мудрость, и в страхе Твоем, Единородный Христе, вдохни в нас исходящую от Тебя силу. Давший за нас Единородного и пославший Духа Твоего Святого во отпущение наших грехов, прости нас и не осуди, если в чем согрешили мы волей или неволей. Помяни всех, призывающих имя Твое в истине. Помяни всех, хотящих и не хотящих нам добра, потому что все мы люди». Потом, присоединив молитву верных и вознесши моление, как бы некое возглавие и общий голос всех, он замолкал.

В самом деле, Бог творит для нас много благ вопреки нашей воле, а много и еще больше совершает их помимо нашего сознания. Когда мы молим Его о чем-нибудь, а Он делает противное тому, – тогда, очевидно, Он делает блага помимо нашего сознания. «Молитесь также и о нас». Смотри, каково смиренномудрие: себя полагает после их. «Чтобы Бог отверз нам дверь для слова, возвещать тайну Христову» ([Кол. 4:3](#)). (Молитву) называет входом и основанием дерзновения. О, такой подвижник не сказал: да избавлюсь от уз, но, находясь в узах, просил других, и просил о деле великом, чтобы получить дерзновение! Здесь две великие вещи: качество лица, и качество дела. О, какое достоинство! «Тайну, – говорит, – Христову», показывая, что для него нет ничего желательнее проповеди о ней. «за которую я и в узах, дабы я открыл ее, как должно мне возвещать. С великим, говорит, дерзновением и ничего не умалчивая. Видишь ли, узы проявляют его, а не скрывают. С великим, говорит, дерзновением. Скажи мне: ты связан и просишь других? Да, говорит; но узы дают мне большее дерзновение, и я требую только Божьей помощи, – потому что слышал слово Христово: «когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать» ([Мф. 10:19](#)). И смотри, как иносказательно говорит: «Чтобы Бог отверз нам дверь для слова». Смотри, как он чужд надменности, как смиренно провещевает в узах, чтобы, то есть, смягчить сердца их. И сказал так не для себя, – так смиренномудренно выразился, чтобы внушить дерзновение нам; он просит себе того, что уже имел. Называя в этом послании (ветхий завет) тенью, он этим самым показывает, почему Христос пришел не тогда: «тело – во Христе» ([Кол. 2:17](#)), говорит он, так что к тени надлежало привыкнуть. вместе с этим он обнаруживает и величайшее доказательство любви своей к ним. Чтобы вы, говорит, слышали о моих узах. Опять поставляет на вид узы, которые я очень люблю, которые возбуждают мое сердце и всегда приводят к желанию видеть Павла связанным и в узах

пишущим, проповедующим, крещающим, оглашающим. Ему связанному доносилось о всех Церквях, и он связанный назидал тысячи (христиан). Тогда скорее был он отрешен (от уз). Слушай, что он говорит: «И большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большей смелостью, безбоязненно проповедовать слово Божье» ([Флп. 1:14](#)). Он же опять свидетельствует об этом, говоря: «Когда я немощен, тогда силен» ([2 Кор. 12:10](#)). Потому и сказал: «Но для слова Божья нет уз» ([2 Тим. 2:9](#)).

Он был в узах с злодеями, с заключенными, с человекоубийцами, был связан учитель вселенной, всходивший на третье небо, слышавший глаголы неизреченные. Но тогда бег его был тем быстрее. Связанный тогда был разрешен, а несвязанный – связан; тот, что хотел, делал, а этот и ему не помешал и собственного намерения не исполнил. Что ты делаешь, безумный? Разве это плотской гонец? Разве на нашем поприщ подвизается он? Он обитает на небе. Бегущего на небе не может связать и удержать земное. Разве не видишь этого солнца? Наложил уз на его лучи и остановил его бег. Но ты не можешь. Так (не сможешь удержать) и Павла, и еще менее, чем солнце, – потому что он охраняется большим промыслом, чем последнее, – ведь и свет он приносить нам не такой (вещественный), но истинный. Где теперь те, которые ничего не хотели потерпеть ради Христа, – но что я говорю, потерпеть? – не хотели даже и жертвовать деньгами? Взял некогда и Павел и ввергал в темницу; но как скоро сделался рабом Христовым, стал хвалиться уже не действием, а страданием. И таково чудо проповеди, что она была возбуждаема и возрастала не от (деятельности) злодействующих, а от (страдания) терпящих. Где виданы такие подвиги? Злострадающий побеждает, а злодействующий испытывает поражение. Первый выходит славнее последнего и проповедует посредством уз. Не стыжусь, а напротив хвалюсь, говорит, проповедуя Распятого. Подумай только: вся вселенная оставляет несвязанных и приходит к узникам, отвращается от вяжущих и чтит заключенных в оковы, ненавидит распинателей и поклоняется Распятому.

4. Не то только дивно, что проповедниками были рыбаки, люди простые, но и то, что встретились и другие препятствия, препятствия по природе, и однако ж дело шло успешно. Простота не только не мешала, но она-то особенно и делала проповедь заметной. Послушай, что говорит Лука: «И приметив, что они люди некнижные и простые» ([Деян. 4:13](#)). И узы также не только не мешали, но еще делали (апостолов) более дерзновенными. Не столько дерзали ученики, когда Павел был свободен, как тогда, когда он находился в узах: «И говорили, – говорит, – слово Божье

с дерзновением» ([Деян. 4:31](#)). где возражатели, говорящие, что эта проповедь была не Божественная? Разве простота оказалась недостаточной для обличения их? Разве в этом состоянии они не должны были испугаться? Ведь вы знаете, что простой народ водится двумя чувствованиями: тщеславием и робостью. Простота не позволяла им стыдиться; опасности же, конечно, должны были внушить им робость. Но они, говорят, творили чудеса. Так вы верите, что они творили чудеса. А если не творили? Вот чудо больше тех, какие творили, – что без чудес приводимы были (люди ко Христу).

Связан был и Сократ элинами. Что же? Не тотчас ли ученики его ушли в Мегару? Конечно, – потому что не принимали учения о бессмертии. Но смотри, как здесь. Связан был Навел, и ученики его стали тем дерзновеннее. Так и следовало, – потому что они видели, что это не препятствует проповеди, – языка связать нельзя, а язык особенно и ускоряет ее. Как не помешаешь ты бежать гонцу, если не свяжешь ему ног, так не помешаешь и бегу благовестника, если не свяжешь ему языка; и как тот быстрее бежит и мчится, когда подвяжешь ему бедра, так и этот больше проповедует и с большим дерзновением, когда на нем узы. Боится узник, если смотрит только на узы; а кто презирает смерть, того как связать? Они сделали то же, как если бы например связали тень Павла и заградили ей уста. Это была борьба с тенью. Имя на себе узы, как воздаяние за мужество, (Павел) и для своих стал вожденнее, и для врагов почтеннее. Венец украшает главу и делает ее славнее, а не посрамляет. Узами своими они нехотя увенчали его. Скажи мне: железо может ли утратить того, кому не страшны были алмазные врата смерти?

Поревнуем этим узам, возлюбленные. Все вы, жены, украшающиеся золотыми ожерельями, возжелайте уз Павловых. Не столько сияют эти украшения на ваших шеях, сколько блистает красота железных уз на его душе. И кто желает последних, пусть возненавидит первые, потому что какое общение малодушия с мужеством, телесного украшения с любомудрием? Эти узы уважаются ангелами, а на те смотрят они, как на детские игрушки. Эти узы обыкновенно влекут от земли на небо, а те – с неба низводят на землю. Поистине, эти узы не то, что те: эти – украшение, а те – узы; те вместе с телом сокращают и душу, а эти вместе с телом украшают и душу. Хочешь ли узнать, что эти – действительно украшение? Скажи мне, кто больше привлекал зрителей, – ты или Павел? Но что я говорю – ты? Сама царица, вся покрытая золотом, не может привлечь к себе более зрителей. Если бы случилось в одно и то же время войти в церковь и Павлу в узах, и царице, – все направили бы свои глаза от

последней на первого. Да так и следовало бы, потому что видеть мужа, стоящего выше человеческой природы, не имеющего ничего человеческого, но являющегося ангелом на земле, – любопытнее, чем видеть наряженную женщину. Последнюю можно видеть и в театрах, и в торжественных собраниях, и в банях, и в других местах, а человека заключенного в узы, почитающего их величайшим украшением и не страшщегося уз, – такого человека видеть – значит быть на зрелищ не земном, но достойном неба. Душа, которой тело увешано драгоценностями, наблюдает, кто смотрит на них, кто не смотрит, пополняется надменностью, обнаруживает беспокойство и волнуется множеством других чувств; напротив, отягощенный узами не надмевается, душа его покойна, свободна от всякой заботливости, весела и смотрит на небо, как окрыленная. Если бы кто отдал мне на волю видеть Павла сходящим с неба и изрекающим слово, или выходящим из темницы, то я предпочел бы исхождение его из темницы, потому что, когда он был в темнице, – с неба к нему нисходили. Узы Павла – это союз проповеди; его кандалы – это основание. Пожелаем и мы этих уз.

5. Но как это возможно, скажешь? Если сокрушим и переломаем (те украшения). От этих уз нет никакой пользы, а скорее – вред. Они сделают нас узниками там; а узы Павловы разрешать нас там от уз. Душа, связанная этими узами здесь, будет связана по рукам и ногам нетленными узами там; а связанная узами Павла будет иметь их на себе тогда, как украшение. Разреши же и себя от уз, и бедного от голода. Что ты вяжешь цепи грехов? Как, скажешь? Так, что ты накопишь золото, а другой погибает; ты для приобретения суетной славы бережешь массу золота, а другому и есть нечего. Этим разве не грехи вяжешь ты? Облекайся во Христа, а не в золото. Где мамона, там нет Христа, а где Христос, там нет мамоны. Ужели ты не хочешь облечься в Царя всяческих? Если бы кто дал тебе порфиру и диадему, – не принял ли бы ты этого вместо всякого золота? Я даю тебе не царское украшение, а предлагаю облечься в самого Царя. Но как облечься во Христа, скажешь? Послушай, что говорит Павел: «Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись» ([Гал. 3:27](#)); Послушай и увещания апостольского: «Попечения о плоти, – говорит, – не превращайте в похоти» ([Рим. 13:14](#)). Итак, облекается во Христа тот, кто не угождает плоти до похотения. Если облечешься во Христа, то и демоны будут бояться тебя; а если в золото, то и люди станут смеяться над тобою; если облечешься во Христа, то и люди будут уважать тебя.

Хочешь ли казаться прекрасной и благопристойной? Довольствуйся тем образом, какой дал тебе Творец. Что привешиваешь золото, как бы

поправляя образ Божий? Хочешь ли казаться благопристойной? Облекись в милосердие, облекись в человеколюбие, облекись в целомудрие, в смирение. Все это дороже золота; все это и красивую делает еще благопристойнее, и некрасивую благообразной. Кто взглянет на лицо, выражающее доброту, тот произнесет свое мнение от любви, а злое (лицо), хотя бы оно было и красиво, никто не может назвать прекрасным: возмущенное сердце правильного мнения не произносит. Украшена была та египтянка, украшен был и Иосиф; но кто красивее? Но говорю о том времени, когда первая была в царском дворце, а последний – в темнице. Этот был наг, но облекался одеждой целомудрия; а та была одета, но оказалась постыднее обнаженной, потому что не имела целомудрия. Когда ты, женщина, слишком украшаешься, тогда бываешь постыднее обнаженной, потому что снимаешь с себя благоприличие. Была нага и Ева; но она стала постыднее, когда оделась, потому что, будучи нагой, украшалась славой Божьей, а облекшись в одежду греха, сделалась постыдной. Так и ты, надев на себя принадлежности щегольства, являешься более постыдной, потому что роскошная одежда не в состоянии обнаружить благообразие; напротив, одетая в нее может быть срамнее обнаженной. Спрашиваю: если бы ты надела когда-нибудь принадлежности флейтщицы или танцовщицы, – не стыдно ли было бы тебе? Хотя эти одежды и золотые, но оттого-то тебе и стыдно, что золотые, так как сценическая роскошь приличествует трагикам, комикам, мимикам, танцовщикам и гладиаторам; а жене верной дана от Бога иная одежда, – сам единородный Сын Божий. «Все вы, – говорит, – во Христа крестившиеся, во Христа облеклись». Скажи мне: если бы кто дал тебе царскую одежду, а ты взяла бы и сверх ее надела рубище илота, – не понесла ли бы за это, кроме срама, и наказание? Ты облеклась во Владыку неба и ангелов, и еще вращаешься около земли? Это сказано мною с целью – показать, что щегольство и само по себе великое зло, хотя бы из него не происходило ничего другого и хотя бы можно было позволять его себе безопасно. Но оно располагает к тщеславию и надменности, а потом из прикрас рождается и многое другое, – явные подозрения, неблагоприятные издержки, порицания, поводы к лихоимству. Для чего ты украшаешься, скажи мне? Чтобы нравиться мужу Так делай это дома. А здесь выходит противное. Если хочешь нравиться своему мужу, – другим не нравясь; а когда нравишься другим, – не можешь нравиться своему.

Итак, выходя на площадь, или вступая в церковь, ты должна была отложить всякое украшение. При том, не тем нравясь мужу, чем нравятся и блудницы, но особенно тем, чем нравятся жены честные. Чем, скажи мне,

отличается жена от блудницы? Тем, что эта смотрит только на одно, – как бы красотой тела привлечь любимого; а та и управляет домом, и обращается с детьми, и (заведывает) всем другим. Имеешь ты дочурку: смотри, как бы не позаимствовала она от тебя чего вредного: дети любят подделываться под нравы воспитателей и подражать нравам матерей. Будь для твоей дочери примером целомудрия; украшайся этим украшением, а тем, смотри, пренебрегай. Это ведь и есть действительное украшение, а то – безобразие. Довольно сказанного. Бог, создавший красоту и давший нам украшение души, да украсит нас и облечет Своей славой, чтобы все мы Сияли добрыми делами и, живя во славу Его, воссылали славу Отцу и Сыну и Святому Духу.

[Кол.4:5–6](#). Со внешними обходитесь благоразумно, пользуясь временем. Слово ваше *да будет* всегда с благодатью, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому.

Скромность ап. Павла. – Как нужно поступать с врагами. – Завистник восстает против Бога и церкви.

1. То, что Христос говорил ученикам, внушает теперь и Павел. Что же говорил Христос? «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» ([Мф. 10:16](#)), т. е. бывайте осторожны, не подавая им никакого повода уловить вас. Ведь для того и прибавлено: «Со внешними», чтобы мы знали, что по отношению к своим членам нам не столько нужно осторожности, как по отношению к чужим. Где братья, там бывает больше и снисходительности и любви. Но и здесь нужна осторожность, а тем более между чужими, потому что жить между неприятелями и врагами не то, что между друзьями. Так как (своими словами апостол) устранил, то посмотри, как он потом снова ободряет. «Пользуясь, – говорит, – временем», т. е. настоящее время непродолжительно. Это он сказал, не того желая, чтобы они были переменчивы и лицемерны, – такие качества свойственны не мудрости, а безумно, – но что? Вы не давайте, говорит он, улавливать себя в таких делах, которые не наносят вреда. Это он говорит и в послании к римлянам: «Итак отдавайте всякому должное: кому *подать*, *подать*; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, *честь*» ([Рим. 13:7](#)). Пусть, говорит, только из-за проповеди будет у тебя борьба с ними; ни от какой другой причины она не должна происходить, – потому что если у нас будет с ними вражда и из-за чего-нибудь еще другого, например, если не станем платить податей, если не будем воздавать приличных почестей, если не будем смиренны, то и нам не будет награды, и они сами (враги наши) сделаются хуже, и их обвинения против нас будут казаться справедливыми.

Не видишь ли ты, как был уступчив Павел, когда что несколько не вредило проповеди? Послушай его слов, сказанных Агриппе: «почитаю себя счастливым, что сегодня могу защищаться перед тобою во всем, в чем обвиняют меня Иудеи, тем более, что ты знаешь все обычаи и спорные мнения Иудеев. Посему прошу тебя выслушать меня великодушно» ([Деян. 26:2–3](#)). А если бы он считал необходимым говорить начальнику оскорбительные слова, то испортил бы все дело. Послушай также, с какой

умеренностью отвечают иудеям те, которые были с блаженным Петром: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» ([Деян. 5:29](#)). Хотя люди, решившиеся положить свою душу, могли бы и говорить дерзости и делать все, что угодно, но ведь они решились жертвовать жизнью не по тщеславию (это именно было бы тщеславием!), а для того, чтобы проповедовать и чтобы о всем говорит смело, тщеславие же показывает недостаток скромности. «Слово ваше да будет всегда с благодатью, приправлено солью», т. е. ваша любезность пусть не доходит до того, чтобы она употреблялась без разбора: можно говорить любезно, но нужно делать это с должным приличием. «Дабы вы знали, как отвечать каждому».

Итак, не со всеми должно говорить одинаковым образом, т. е., с эллинами и с братьями; нет, – это было бы большим безрассудством. «О мне все скажет вам Тихик, возлюбленный брат и верный слугитель и сотрудник в Господе» ([Кол. 4:7](#)). О, каково благоразумие Павлово! Он помещает в своих посланиях не все, а что необходимо, в чем настоящая нужда. Это потому, во-первых, что не хотел слишком распространять (послания); во-вторых, с целью предоставить больше чести лицу, отходившему (с посланием), чтобы ему было что рассказать; в-третьих, показывая, как сам он к нему расположен, потому что в противном случае не поручил бы ему этого. Наконец, было что-нибудь и такое, чего нельзя было объявлять письменно. «Возлюбленный брат», – говорит он. Если возлюбленный, то он знал все, и (Павел) ничего не скрывал от него. «И верный слугитель и сотрудник в Господе». Если он верен, то ни в чем не солжет; если сотрудник, то участвовал в искушениях. Таким образом, (апостол) изобразил все то, что делало его достойным доверия. «Которого я для того послал к вам» ([Кол. 4:8](#)). Здесь (апостол) показывает сильную любовь, так как по этому побуждению он и послал его и это было причиной его отправления в путь. То же говорил он, когда писал и к фессалоникийцам: «И потому, не терпя более, мы восхотели остаться в Афинах одни, и послали Тимофея, брата нашего» ([1 Сол. 3:1–2](#)). Того ж самого и по той же причине он посылает и к ефесянам ([Еф. 6:22](#)). «Чтобы он узнал, – говорит он, – о ваших *обстоятельствах* и утешил сердца ваши» ([Кол. 4:8](#)). Смотри, что он говорит: не говорит: чтобы узнать вам о моих делах, но – чтобы мне узнать о ваших; и вообще он нигде не выставляет на вид то, что касается собственно его. Он указывает также и на то, что они находятся в искушениях, говоря: «С Онисимом, верным и возлюбленным братом нашим, который от вас. Они расскажут вам о всем здешнем» ([Кол. 4:9](#)). Это тот Онисим, о котором он говорил в послании к Филимону: «Я хотел при себе удержать его, дабы он вместо тебя послужил

мне в узах за благовествование; но без твоего согласия ничего не хотел сделать» ([Флм. 1:13–14](#)). Он присовокупляет нечто и в похвалу городу, чтобы они не только не стыдились, но и ставили себе это в честь: «который от вас», – говорит он. «Они расскажут вам о всем здешнем. Приветствует вас Аристарх, заключенный вместе со мною» ([Кол. 4:9–10](#)).

2. Нет ничего выше такой похвалы. Это тот человек, который был вместе с ним уведен из Иерусалима. (Апостол) сказал более, чем пророки: те называли себя странниками и пришельцами, а он (называет себя) даже пленником, потому что его, как пленника, водили и волочили, и всякий мог наносить ему оскорбления. А лучше сказать – ему было даже хуже (чем пленникам), потому что, когда враги захватят, то прилагают затем большое попечение, заботясь как о своей собственности; а его, как врага и неприятеля, все гнали и преследовали – побоями, мучениями, оскорблениями, клеветами. А для них (его учеников) это служило утешением; когда и учитель находится в подобных же обстоятельствах, то для учеников получается более утешения. «И Марк, племянник Варнавы» ([Кол. 4:10](#)). Он хвалит и этого (Марка) за его родство, так как Варнава был великий муж. «(О котором вы получили приказания: если придет к вам, примите его)» ([Кол. 4:10](#)). Что же? Ужели без этого они и не приняли бы его? Конечно (приняли бы); но (апостол) выражает желание, чтобы они сделали это с большим усердием, и тем показывает, что этот человек был великий муж. Но откуда они приняли заповеди, он не говорит. «Также Иисус, прозываемый Иустом» ([Кол. 4:11](#)). Может быть, это был коринфянин. Высказавши приличное каждому в отдельности одобрение, (апостол) наконец воздает общую всем хвалу: «оба из обрезанных. Они – единственные сотрудники для Царствия Божья, бывшие мне отрадою» ([Кол. 4:11](#)). Смотри, как он выставляет это на вид и ободряет их, чтобы, сказавши – «заключенный вместе со мною», не ослабить духа в слушателях: «сотрудники для Царствия Божья», – говорит он; таким образом участвующие (с ним) в искушениях участвуют и в царстве (Божьем). «Бывшие мне отрадою». Отсюда видно, что это были великие люди, как скоро они служили утешением для Павла.

Но обратим внимание на благоразумие Павла. «Со внешними, – говорит он, – обходитесь благоразумно, пользуясь временем», т. е. время это – не ваше, а их; поэтому вы не ищите владычества, а искупайте время. И он не сказал просто: покупайте, но – искупайте время, давая понять, что таким поведением вы иначе приобретаете его себе. Ведь крайне безрассудно выдумывать различные предлоги к ссорам и вражде. Кроме того, что вы без нужды и без пользы подвергаете себя опасностям, от этого

происходит и другой вред, – что эллины не присоединяются к нам. Когда ты находишься между братьями, то справедливо не имеешь опасений; но между чужими не так должно быть. Видишь, как он повсюду эллинов называет чужими. Поэтому и в послании к Тимофею он говорил: «Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних» ([1 Тим. 3:7](#)); и опять: «Со внешними, – говорит, – обходитесь благоразумно». Они – внешние потому, что, хотя живут в одном и том же с нами мире, но находятся вне царствия и отеческого дома. Называя их внешними, (апостол) через это выражает вместе и ободрение для своих, как высказал он это выше: «Жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге» ([Кол. 3:3](#)). Тогда, говорит, вы ищите славы, почестей, и всего другого, а теперь не ищите, но все им предоставляйте. Затем, чтобы ты не подумал, будто он говорит о деньгах, он прибавляет: «слово ваше да будет всегда с благодатью, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому». Пусть, говорит, в нем не будет притворства, потому что это не будет благодать и не будет растворено солью. Например: если тебе приходится оказать кому-нибудь услугу, и это будет безопасно (для спасения), то не отказывайся; если обстоятельства требуют вежливого разговора, то не считай этого дела за льстивость. Делай все, относящееся к чести, без вреда для благочестия.

Не видишь ли ты, как служил нечестивому человеку Даниил? Не видишь ли, с каким благоразумием обращались с царем три отрока, показывая мужество и дерзновение, но ничего дерзкого и оскорбительного? Последнее происходит не от дерзновения, а от тщеславия. «Дабы вы знали, – говорит, – как отвечать каждому», потому что иначе (должно отвечать) начальнику и иначе подчиненному, иначе богатому и иначе бедному. Почему так? Потому что у людей богатых и у начальников души бывают слабее, вспыльчивее и раздражительнее, так что здесь требуется сдержанность; а у людей бедных и находящихся под властью душа крепче и сосредоточеннее, так что здесь можно допустить и более свободы (в речи), имея в виду одну цель – назидание. Нужно уважать одного более, другого мене – не потому, что один богат, а другой беден, но по причине немощи с первым должно обращаться терпеливо, а с последним не так. Например: когда ты не имеешь повода, то не называй эллина нечестивым и не делайся обидчиком; но если тебя спросят об учении веры, то отвечай, что это безбожно и нечестиво; когда же тебя никто не спрашивает и не заставляет говорить, то не следует без причины поднимать вражду. Да и какая необходимость напрасно вооружать против себя? Опять: если ты наставляешь кого-нибудь вере, то говори, что относится к предмету, потом молчи. Если слово твое будет растворено

солью, то хотя бы оно попало и в раздражительную душу, произведет в ней нежную привязанность, и хотя бы в жестокою, умягчит ее суровость. Будь обходителен и не будь груб, но опять – и не слишком слаб, а имей твердость, соединенную с приятностью. Если будешь без меры строг, то сделаешь более вреда, чем пользы; если будешь чрезмерно любезен, то доставишь более печали, чем радости. Так должна быть мера во всем. Не будь суровым и угрюмым, потому что это неприятно; не будь и излишне веселым, потому что через это можно подпасть пренебрежению и презрению; но усваивая то, что составляет совершенство в том и другом, избегай недостатков, подобно пчеле, заимствуя от одного веселость, а от другого – важность. Если врач неодинаково обходится с телом каждого, то тем более учитель. Но тело еще легче выдержит негодное для него лекарство, чем душа – слово. Например: приходит эллин и становится тебе другом. Ты не говори ему об этом ничего, доколь он не сделается твоим другом окончательно; а когда сделается, то (веди речь) постепенно.

3. Посмотри, с какой речью обратился к ним (т. е. к элинам) сам Павел, когда прибыл в Афины. Он не говорил им: о, беззаконники и нечестивцы! Но что (сказал)? «Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны» ([Деян. 17:22](#)). Но опять он не отказался и упрекнуть, когда это было нужно, и с большим жаром говорил Елиму: «О, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын дьявола, враг всякой правды» ([Деян. 13:10](#)). Ведь как порицать (афинян) было безрассудно, так точно оставить без упрека (Елима) было бы малодушием. Опять, – являешься ли ты к начальнику по какому-нибудь делу? Окажи ему приличную почесть. «О мне все скажет вам», – говорит он. Для чего, спросишь, они не пришли вместе? А что значит: «О мне все скажет вам»? Это значит: (скажут) об узах и о всем другом, что меня удерживает. Итак, при моем желании видеть вас, я, отправляя других, и сам не замедлил бы (к вам), если бы важная необходимость не удерживала меня. И это разве не должно было утешить их? И очень должно было утешить известие о том, что он подвергся искушениям и мужественно перенес их, должно было успокоить их и ободрить их души.

«С Онисимом, – говорит, – верным и возлюбленным братом нашим». Раба Павел называет братом, – и справедливо, потому что и себя он называет рабом верных. Отложим же все гордость и подавим в себе высокомерие. Павел, который стоит вселенной и тысячи небес, называет себя рабом, и ты ли много о себе думаешь? Тот, кто всем распоряжался и действовал, как хотел, кто имеет преимущества в царстве небесном, кто был увенчан, кто взошел на третье небо, называет рабов братьями и

сорабами. Где безумная гордость? Где высокомерие? Вот сколько достоин был доверия Онисим, что ему и это было поверено. «И Марк, – говорит, – племянник Варнавы (о котором вы получили приказания: если придет к вам, примите его)». Может быть, они от Варнавы приняли заповеди. «Оба из обрезанных». Он укрощает гордость иудеев, а их ободряет тем, что «оба из обрезанных» немного, а большая часть (верных) – из язычников. «Бывшие мне отрадой», – говорит. Он показывает, что находится в великих искушениях.

Итак, это не малое дело, когда мы утешаем святых и присутствием, и словом, и постоянной заботливостью об них, когда вместе с ними переносим несчастья (с узниками, говорит он, как бы узники); если мы принимаем на себя их страдания, то будем участниками их и в венцах. Ты не приведен на попрание? Ты не вышел на борьбу? Другой сражается; но если захочешь, будешь участником и ты: ободряй его в борьбе, будь ему друг и сотрудник, провозглашай о его подвигах, возбуждай его силы, укрепляй дух. Так следует поступать в отношении ко всем другим: ведь сам Павел не имел нужды (в таком участии), а говорил об этом (о своих искушениях) с целью их ободрить. Так и ты относись ко всем другим: заграждай уста тем, кто захотел бы злословить (находящегося в искушениях брата), приобретай ему друзей и, если он выйдет – принимай его с особенным усердием: таким образом ты будешь участником и венцов, и славы. Хотя бы ты ничего больше не сделал, а только стал бы радоваться о том, что делается, – и то уже ты принял участие, и не какое-нибудь, потому что сказал любовь, которая есть главнейшее из всех благ. Если плачущие, представившись разделяющими чужую скорбь, одними своими слезами много утешают и значительно облегчают горечь, то тем более удовольствия должен доставлять другим тот, кто радуется с ними. А как велико несчастье – не видеть к себе сострадания, об этом послушай пророка, который говорит: ждах соскорбящего, и не бе («Ждал сострадания, но нет его») ([Пс. 68:21](#)). Поэтому и Павел говорит: «Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими» ([Рим. 12:15](#)). Усиливай радость; если видишь, что брат твой пользуется доброй славой, не говори: «ведь слава принадлежит ему, из-за чего же мне-то радоваться?» Так говорить может не брат, а враг. Если угодно, эта слава – не его, а твоя; от тебя зависит увеличить ее, как скоро ты от этого не сделаешься угрюмым, а будешь радоваться, веселиться и торжествовать. А что это действительно так, видно из следующего.

Завистники завидуют не только тем людям, которые пользуются добрым мнением, но и тем, которые радуются их доброй славе; значит они

понимают, что и эти последние тоже заслуживают доброго мнения, – как и действительно, их-то особенно и стоит уважать. Один даже краснеет, когда выслушивает большие себе похвалы, а другой получает от этого особенное удовольствие и возвышается в собственных глазах. Разве не знаете, как бывает у борцов: один удостоивается венка, другой его не удостоивается, а печаль и радость от этого бывает их друзьям и врагам: они скачут и прыгают. Видишь, что значит не иметь зависти: иной трудится, а ты получаешь удовольствие; иному надевают венок, а ты прыгаешь и ликуешь. Скажи мне: победу иной одержал, – зачем же ты торжествуешь? Но и они (завистники) хорошо понимают, что это дело общее. Потому завистники не восстают против того (человека, который одержал победу), а стараются унижить его победу, и ты слышишь от них такие слова: я уничтожил тебя, или: я посрамил тебя, – хотя дело не твое, а похвала тебе. Более же в отношении к внешним так хорошо бывает не иметь зависти и близко принимать к сердцу блага другого, то тем более в отношении победы над дьяволом, потому что тогда именно он большей яростью дышит против нас, когда очевидно, что мы больше веселимся. Хотя он и погряз во зле, ясно однако ж видит, что эта радость больше. Хочешь ли заставить его печалиться? Веселись и радуйся. Хочешь ли порадовать его? Будь уныл; своим унынием ты облегчаешь скорбь, которую причинила ему победа твоего брата; вместе с ним становишься противником твоего брата; делаешь зло большее, чем он. Не все ведь равно – будучи врагом, действовать по-вражески, и – будучи приятелем, стоять за врагов; этот (последний) и вот самый ненавистный враг. Если брат твой приобрел себе добрую славу своим ли словом, умением ли держать себя, или своими поступками, ты разделяй с ним его добрую славу, покажи, что он – часть твоя.

4. Но как же? – скажешь ты: ведь не обо мне идет хорошая слава? Не говори никогда так, закрой уста. Если бы ты был подле меня и стал говорить так, я закрыл бы тебе уста рукой, чтобы не услышал враг. Часто мы враждуем друг с другом, но не подаем виду пред врагами; а ты обнаруживаешь это дьяволу. Не говори так, не имей даже и такой мысли; напротив (говори): он часть моя, слава от него переносится и на все тело. Но скажешь: зачем же внешние не имеют таких расположений? Этому виною – ты. Когда они видят, что ты чуждаешься их радости, то и сами чуждаются. Если бы они видели, что ты считаешь (их радость) своей, то не посмели бы (вести себя так). Но впрочем и ты так же славен, (как и брат твой). Ты не приобрел славы красноречием, зато участием в чужой радости ты заслужил ее в большей степени, чем тот. Если любовь есть дело важное

и вершина всего, то ты приобрел венец за любовь: он – за искусство красноречия, а ты – за сильную любовь; он выказал силу слова, а ты делом победил зависть, подавил недоброжелательство, и за это по справедливости увенчан более, чем он. Твой подвиг славнее; ты не только подавил зависть, но сделал и нечто другое; он имеет один только венец, а ты – два, и оба они блистательнее, чем (его) один. Каже же это (венцы)? Один, который ты приобрел (в борьбе) против зависти, другой, которым увенчался за любовь. Сорадование служит доказательством не только того, что ты чист от зависти, но и того, что в сердце твоём укоренилась любовь. Его часто отягощает и человеческая страсть тщеславия, а ты свободен от всякой страсти, потому что, если бы в тебе было тщеславие, ты не радовался бы счастьем другого. Скажи мне: он возвысил Церковь, увеличил собрание (церковное)? Опять похвали его: ты имеешь двойное право на венец, потому что победил зависть и украсился любовью. Да, я прошу и умоляю. Хочешь ли услышать и о третьем венце? Ему рукоплещут люди – на земле, а тебе ангелы – на небе. Ведь не все равно – отличиться красноречием, и побеждать страсти. За первое похвала временная, за последнее – вечная; за первое – от людей, за последнее – от Бога. Тот (кто славится красноречием) увенчивается явно, а ты увенчиваешься втайне, где видит тебя Отец твой. Если б можно было, отрешившись от тела, видеть душу каждого, то я показал бы тебе, что этот последний почтеннее, чем первый, и сияет больше против него. Будем же, возлюбленные, подавлять в себе завистливые побуждения; воспользуемся выгодами, отсюда происходящими; возложим венец сами на себя.

Завистник идет против Бога, а не против того (кому он завидует). Когда он видит, что кто-нибудь пользуется добрым расположением (у людей), и огорчается этим, и желает разорить Церковь, он идет не против этого человека, а против Бога. Скажи, в самом деле, если бы кто стал украшать царскую дочь, чтобы этим убранством сделать ее почтеннее и доставить ей возможность пользоваться между людьми уважением, а другой кто-нибудь захотел бы обезобразить ее и его лишить возможности украсить ее, то против кого он восстал бы, против него ли, или против нее и отца ее? Так и ты, завистник, идешь против Церкви, восстаешь против Бога; как скоро с доброй славой твоего брата соединена польза самой Церкви, то с уничтожением первой необходимо разрушается и последняя, так что через это, действуя во вред телу Христову, ты совершаешь сатанинское дело. Ты досадуешь на того, кто не причинил тебе никакого оскорбления, а еще более – на самого Христа. Что Он сделал тебе, что ты не даешь Его телу процвести красотой, не даешь Его невесте явиться в

своим убранием? Но посмотри, какое и наказание. Ты радуешь врагов своих, и даже того, кто приобрел добрую славу и кому ты, по зависти, стараешься причинить огорчение, заставляешь напротив радоваться, потому что своей завистью еще очевиднее доказываешь, что он действительно возбудил хорошее о себе мнение (иначе тебе нечего было бы и завидовать), еще яснее обнаруживаешь, что для тебя это сущее наказание. мне стыдно представлять вам такие доводы; но, так как мы находимся в таком опасном положении, то хотя бы после таких вразумлений избавиться нам от этой пагубной страсти. Ты досадуешь, что он приобрел добрую славу? Зачем же ты еще увеличиваешь славу его своей завистью? Ты желаешь отомстить ему? Зачем же показываешь, что сам ты мучаешься? Зачем вызываешь наказание скорее на себя, чем на того, чьей славы ты не терпишь? Наконец, для него будет двойная радость, а для тебя – (двойное) наказание: прежде всего ты своей завистью не только свидетельствуешь о его больших достоинствах, но и доставляешь ему другое удовольствие, потому что караешь сам себя; а потом еще он радуется тому, что тебе причиняет досаду, и радуется именно вследствие твоей зависти. Видишь, какие жестокие удары наносим мы сами себе, и не чувствуем. Но он враг. А почему враг? Какую обиду он нанес? Однако же славе врага мы придаем новый блеск, а самих себя более мучим. Опять, мы находим сами себе наказание в том, когда чувствуем, что ему это известно. Он ведь, может быть, и не радуется; а мы, думая, что он радуется, этим тоже мучаемся.

Итак, перестань завидовать. Зачем наносить раны себе самому? Возлюбленные! Будем иметь в виду все это, – и двойной венец для людей независтливых, т. е. похвалу от людей и от Бога, и то зло, которое происходит от зависти, – и тогда мы в состоянии будем умертвить этого зверя, приобрести славу у Бога, и получить то же самое, чего достигают люди, удостоившиеся славы. Быть может, и получим, а если и не получим, то для нашей же пользы не получим; ведь и без того нам можно будет пожить во славу Божью и сподобиться благ, обещанных любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Св. Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[Кол.4:12–13](#). Приветствует вас Епафрас ваш, раб Иисуса Христа, всегда подвизающийся за вас в молитвах, чтобы вы пребыли совершенны и исполнены всем, что угодно Богу. Свидетельствую о нем, что он имеет великую ревность и заботу о вас и о находящихся в Лаодикии и Иераполе.

Павел – образец всех добродетелей. – Развратные женщины на брачных торжествах. – Каковы должны быть браки.

1. И в начале послания (апостол) рекомендует этого человека со стороны любви; а о любви свидетельствует и то, что, в похвалу ему, сказал он сначала: «Который и известил нас, – говорит, – о вашей любви в духе» ([Кол. 1:8](#)). О любви также свидетельствует и любовь к нему возбуждает и то еще, что он молится за них. А рекомендует его он с целью споспешествовать его проповеди, – потому что, когда наставник человек почтенный, то это полезно и для учеников, и опять же словами: «вас» внушается им то, что они должны гордиться таким человеком, тем, что из них выходить такие люди. «Всегда, – говорит, – подвизающийся за вас в молитвах». Но просто сказал: который молится, но – «подвизающийся», с трепетом и страхом. «Свидетельствую о нем, – говорит, – что он имеет великую ревность и заботу о вас». Достоверный свидетель! «Что он имеет, – говорит, – великую ревность и заботу о вас», т. е. что он вас пламенно любит, что имеет к вам сильную привязанность. «И о находящихся в Лаодикии, – говорит, – и Иераполе». И этим его рекомендует. Но откуда они могли это знать? Конечно, они могли слышать; но достоверно узнали, когда стали читать это послание: «Распорядитесь, – говорит он, – чтобы оно было прочитано и в Лаодикийской церкви» ([Кол. 4:16](#)). «Чтобы вы пребыли, – говорит, – совершенны». Здесь он в одно и то же время и обличает их, и слегка убеждает, и подает им совет. Ведь возможно и быть совершенным, и не стоять, когда кто знает все, а между тем еще колеблется. Возможно и не быть совершенным и стоять, когда кто знает только часть, а стоит, хоть и нетвердо. Но он желает и того и другого, «чтобы вы пребыли (ἵνα στήτέ – да станете), – говорит, – совершенны». Посмотри, как он снова напомнил им слово об ангелах, и о жизни. «И исполнены, – говорит, – всем, что угодно Богу». Недостаточно – исполнять лишь волю (Божью). Вполне узнавший (волю Божью) не допустит, чтобы у него была другая воля; иначе он не вполне узнал ее. «Свидетельствую, – говорит, – о нем, что он имеет великую ревность». «Ревность», да еще

«великую»; тут каждое слово имеет вес; так и о себе в послании к коринфянам он говорит: «Ибо я ревную о вас ревностью Божьей» ([2 Кор. 11:2](#)).

«Приветствует вас Лука, врач возлюбленный» ([Кол. 4:14](#)). Это – евангелист. Он ставит его после (Епафраса), не унижая его этим, а только возвышает Епафраса. Конечно, были ведь и другие, которые носили это же имя. «И Димас». Сказав: «Приветствует вас Лука, врач», прибавил: «возлюбленный». И это – немаловажная похвала, а напротив слишком большая – быть возлюбленным Павла.

«Приветствуйте братьев в Лаодикии, и Нимфана, и домашнюю церковь его» ([Кол. 4:15](#)). Посмотри, как он их сближает, как привязывает их друг к другу: он не только посылает им с этой целью свой привет, но и ведет с ними переписку. А потом еще он показывает расположение свое (к Нимфану) тем, что обращается к нему особо. Делает же это не без намерения, но чтобы и в других пробудить соревнование: ведь что-нибудь да значит, когда отличают кого от других. Между тем посмотри, – из слов его видно, что это был человек знаменитый, так как дом его служил церковью. «Когда это послание прочитано будет у вас, то распорядитесь, чтобы оно было прочитано и в Лаодикийской церкви» ([Кол. 4:16](#)). Мне кажется, что здесь было написано что-нибудь такое, что нужно было слышать и этим (лаодикийцам) и для них отсюда происходила тем большая польза, когда из обличения, направленного против других, они узнавали свои собственные недостатки. «А то, которое из Лаодикии, прочитайте и вы» ([Кол. 4:16](#)). Некоторые утверждают, что (здесь разумеется) не послание Павла к ним (лаодикийцам), а их послание к Павлу; и самом деле, он не сказал: написанное к лаодикийцам, а говорит: «Скажите Архиппу: смотри, чтобы тебе исполнить служение, которое ты принял в Господе» ([Кол. 4:17](#)). Зачем он не пишет к нему? Вероятно в этом не было нужды, а нужно было только одно легкое напоминание, чтобы он был ревностнее. «Приветствие моей рукой, Павловой» ([Кол. 4:18](#)). Вот доказательство близости и приязни, – что они, видя его письма, питали к ним какое-то особенное чувство. «Помните мои узы» ([Кол. 4:18](#)). О, какое утешение! Этого было довольно, чтобы заставить их делать все, что угодно, чтобы вдохнуть в них благородную решимость на все подвиги; и не только это придавало им мужества, но и теснее соединяло их между собою. «Благодать со всеми вами. Аминь» ([Кол. 4:18](#)).

2. Большая похвала, – даже больше всякой другой похвалы, – что он об Епафрасе выражается таким образом: «Приветствует вас раб Иисуса Христа». Он называет его еще служителем их, подобно тому, как и самого

себя называет служителем Церкви, когда говорит: «Которой сделался я служителем» ([Кол. 1:25](#)). В это же достоинство он возводит и этого человека: выше он называл его сорабом, здесь – рабом. «Приветствует вас», говорит. Как будто он беседует с матерью и говорит ей: ведь от твоей утробы! Но эта похвала могла породить зависть. Поэтому он рекомендует его не с этой только стороны, а и со стороны того, что относилось уже собственно к ним. И там он устраняет зависть, и здесь. «Всегда, – говорит, – подвизающийся за вас»: не теперь только у нас – чтобы показать себя, и не у вас только – чтобы показать себя вам. Сказав: «подвизающийся»; он выразил этим особенное усердие (Епафраса). Затем, чтобы не показалось кому, будто он им льстит, – он присовокупил: «что он имеет великую ревность и заботу о вас и о находящихся в Лаодикии и Иераполе». Равным образом и слова: «чтобы вы пребыли совершенны» также не заключают в себе несколько лести, а напротив, как нельзя более естественны в устах достопочтенного наставника. «Исполнены, – говорит, – и совершенны». Первое он дал им (т. е. исполнил их познаниями веры), а последнего (совершенства), по его словам, у них недостает еще. И не сказал: чтобы вы не колебались, но: чтобы стояли.

Между тем приветствия, получаемые ими от многих, успокаивали их уверенностью, что о них помнят не только свои люди, из числа их же самих, но и другие. «Скажите Архиппу: смотри, чтобы тебе исполнить служение, которое ты принял в Господе» ([Кол. 4:18](#)). Он подчиняет их ему. Они уже не могли более жаловаться на него, зачем он обличает их, когда сами все приняли: ведь это неправильно, если ученики судят о своем учителе. Чтобы заградить им уста, он и пишет это. «Скажите Архиппу, – говорит, – смотри» (βλέπε, смотри). Это слово всегда заключает в себе предостережение, – как напр., говорится: «берегитесь псов» ([Флп. 3:2](#)); «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас» ([Кол. 2:8](#)); «Берегитесь однако же, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных» ([1 Кор. 8:9](#)); и вообще всегда так говорят, когда предостерегают. «Смотри, – говорит, – чтобы тебе исполнить служение, которое ты принял в Господе». Не позволяет ему быть господином, как и о себе сказал: «ибо если делаю это добровольно, то буду иметь награду; а если недобровольно, то исполняю только вверенное мне служение» ([1 Кор. 9:17](#)). «Чтобы тебе исполнить служение», – постоянно прилагая свое старание. «Которое ты принял в Господе». Вот опять – «в Господе» значит то же, что – через Господа. Он, то есть, возложил на тебя эту обязанность, а не мы. И их он подчиняет ему, показывая, что он дан им самим Богом. «Помните мои узы. Благодать со всеми вами. Аминь». Он уничтожил страх. Если учитель и в

узах, – за то благодать его разрешает. И это дело благодати, – что она попустила ему сделаться узником. Послушай, как говорит Лука: апостолы возвратились «радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие» ([Деян. 5:41](#)). И действительно, чтобы принять (за Христа) бесчестие и узы, – этого нужно еще сподобиться. Если тот, у кого есть любимый человек, считает находкой для себя – потерпеть что-нибудь из-за него, то тем большее (счастье страдать) за Христа.

Не будем же досадовать на оскорбления за Христа, но будем и мы вспоминать узы Павловы, – пусть это (вспоминание) будет служить для нас ободрением. Положим, например, – ты убеждаешь кого-нибудь подавать бедным Христа ради: напхни этим (людям) узы Павловы, скажи им, что вот мы с тобою – люди несчастные, если он предал свое тело узам ради Его (Христа), а ты не хочешь поделиться и пищей. Или ты уже стал велик по своим делам? Вспомни узы Павловы, вспомни, что ты не потерпел еще ничего подобного, – и ты перестанешь превозноситься. тебе захотелось того, что имеет твой ближний? Вспомни узы Павловы, и ты увидишь, какая тут несообразность, – когда он в несчастьи, а ты живешь в свое удовольствие. Но все-таки тебе сильно хочется удовольствий? Так приведи же себе на память темницу Павлову. Ты ученик его, ты – соратник его. Есть ли тут здравый смысл – когда твой соратник в узах, а ты наслаждаешься удовольствиями? Или тебя постигло огорчение, ты считаешь себя покинутым? Послушай слов Павловых, и ты увидишь, что терпеть огорчения еще не значит быть покинутым. Тебе желательно носить шелковое платье? Вспомни узы Павловы, и все это тебе покажется презреннее самого грязного рубища. Ты хочешь надеть золотые украшения? Приведи на память узы Павловы, и тогда покажется тебе, что все это несколько не лучше старой веревки. Или ты захотела убрать свои волосы и казаться красавицей? Подумай о том, какой жалкий вид имел Павел в темнице, и поверь, – ты воспламенишься (любовью) к той красоте, а эту будешь считать крайним безобразием и тяжело будешь вздыхать об этих вожделенных узах. Хочешь подкрасить себя притираниями, румянами и еще чем-нибудь в этом роде? Подумай об его слезах: три года, день и ночь, он плакал беспрестанно. Вот этим украшением лучше укрась свои щеки; эти слезы придадут им блестящую красоту. Я не требую, чтобы ты плакала о других, – хотелось бы правда и этого, но это превышает твои силы, – по крайней мере прошу тебя плакать о своих грехах. Ты приказала связать своего слугу, ты разгневалась, разгорячилась? Вспомни об узах Павловых, и у тебя в ту же минуту пройдет гнев. Припомни только, что мы сами принадлежим к числу связанных, а не тех, которые вяжут, – к числу

сокрушенных сердцем, а не тех, которые приводят в сокрушение. Ты слишком развеселилась, расхохоталась? Приведи себе на мысль его рыдания и вздохни; эти слезы сделают тебя несравненно прекраснее. Увидала пирующих и пляшущих? Вспомни его слезы: какой источник выпустил из себя столько потоков, сколько эти глаза – слез? Помните, говорит он, мои слезы, подобно тому, как здесь – узы ([Деян. 20:31](#)). И справедливо он сказал им это, когда призвал их из Эфеса в Милет. Он говорил с наставниками: от тех требовал он того, чтобы они собирали (верующих), а от этих только, чтобы переносили опасности.

3. Какой источник ты хотел бы сравнить с этими слезами? Тот, который был в раю и орошал всю землю? Но между тем и другим нет никакого сравнения, потому что этот источник слез напоял души, а не землю. Если бы кто показал нам Павла плачущего и вздыхающего, то не правда ли, что гораздо приятнее было бы смотреть на него, чем на бесчисленный сонм (людей), украшенных блестящими венцами? Не говорю уже о вас; но если бы даже кто привел из театра, прямо со сцены какого-нибудь самого необузданного человека, воспламененного до безумия плотской любовью, и показал ему непорочную девицу в самом цвете лет, которая превосходит своих сверстниц и красотой лица, и стройностью прочих частей, и другими достоинствами, которая имеет взор нежный и томный, слегка углубленный, слегка рассеянный, взор влажный, кроткий, ясный, улыбающийся, полный робкой стыдливости и вместе великой прелести, взор, увенчанный сверху и снизу темными ресницами, – показал бы девицу что называется с душой, у которой ясное чело, а ланита под челом с розовым оттенком, которая стройна, точно вытесанная из мрамора, – а потом показал бы мне Павла в слезах, – я оставил бы ее и бросился бы смотреть на него, так как в его глазах сияла бы духовная красота. Та красота приводит души молодых людей в восторг, воспламеняет их, сжигает, а эта напротив укрощает; кто смотрит в глаза этого человека, тот делает глаз своей души прекраснее, укрощает чрево, исполняется любомудрия, становится человеком в высшей степени сострадательным, и может смягчить даже алмазное сердце. Этими слезами орошается Церковь, ими возвращаются души. Будь огонь, даже чувственный и плотской, эти слезы могут погасить его, эти слезы погашают разожженные стрелы лукавого. Так будем же вспоминать об его слезах, и тогда все в настоящей жизни покажется нам смешным.

Эти слезы ублажал Христос, когда говорил: блаженны плачущие, блаженны рыдающие, потому что они будут смяты. Эти слезы проливал Исая, проливал и Иеремия; один говорил: «оставьте меня, я буду плакать

горько» ([Ис. 22:4](#)), а другой взывал: «О, кто даст голове моей воду и глазам моим – источник слез» ([Иер. 9:1](#))? – как будто естественного (источника) было мало. Нет ничего сладостнее этих слез; он приятнее всякого смеха. Пусть же будет известно тем, которые проливают слезы, как много утешения в них заключается. Мы не должны считать их чем-нибудь для себя неприятным, а, напротив, крайне желательным. Будем же вспоминать эти слезы, эти узы, не для того, чтобы другие грешили, а для того, чтобы нам, чувствовать сокрушение при вид их грехов. Может быть, эти слезы текли отчасти и вследствие уз: чувствовать удовольствие от уз ему не позволяла смерть тех погибших (людей), которые наложили на него эти узы. И о них он соболезновал: ведь это был ученик Того, Кто оплакивал иудейских священников не потому, что они имели Его распять, но потому, что они сами погибали. А этот (Учитель) не сам только поступает таким образом, но убеждает к тому и других словами: «дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне» ([Лк. 23:28](#)). Эти глаза видели рай, видели третье небо; но я называю их блаженными не столько потому, что они это видели, сколько – за эти слезы, за которые они узрели Христа, а это – действительно блаженство! Он и сам ставит это для себя за большую честь, когда говорит: «не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего?» ([1 Кор. 9:1](#)). Но еще большее блаженство заключается в этом плаче. Того видения удостаивались многие, да и тех, которые не сподобились его, Христос все же называет блаженными, когда говорит: «блаженны невидевшие и уверовавшие» ([Иоан. 20:29](#)); а это (плакать ради Христа) доставалось не многим. Если оставаться ради Христа здесь нужнее для спасения других, чем разрешиться, чтобы потом быть с Ним, то естественно, что и видеть Его – дело не такой важности, как соболезновать о других. Если даже быть в геенне ради Него – большее благо, чем быть с Ним, и отделиться от Него ради Него – гораздо привлекательнее, чем быть постоянно с Ним, – это самое и разумел (Павел), когда говорил: «я желал бы сам быть отлученным от Христа» ([Рим. 9:3](#)), – то тем более (желал он) проливать ради Него слезы. «Непрестанно, – говорит он, – со слезами учил каждого из вас» ([Деян. 20:31](#)). Почему? Не потому, что боялся опасностей, но – подобно тому, кто сидит при больном и, не зная исхода болезни, плачет вследствие сильной привязанности к нему, из опасения, чтобы он не умер – и он, когда видел больного (духовно) и не имел возможности вразумить его, начинал плакать. Так и Христос поступал для того, чтобы по крайней мере постыдились Его слезь. Например, если кто согрешал, Он сначала вразумлял его; но если вразумляемый плевал на Него и отходил прочь, – тогда, Он плакал, чтобы хоть этим способом привлечь его к Себе.

4. Будем вспоминать эти слезы. Будем воспитывать таким образом своих дочерей и своих сыновей, – проливая слезы, когда видим их дурное поведете. Которые хотят, чтобы их любили, пусть вспоминают слезы Павловы, – и сокрушаются сердцем. Если вы считаетесь счастливыми, если живете в чертогах, если пользуетесь удовольствиями, – вспоминайте эти слезы. Если вы испытываете горе, – прогоняйте слезы слезами; он плакал не об умерших, а об живых, которые шли на погибель. Укажу вам еще и на другие слезы. И Тимофей проливал слезы, потому что он был ученик его (Павла). Потому (Павел) и писал ему: «вспоминая о слезах твоих, дабы мне исполниться радости» ([2 Тим. 1:4](#)). Многие плачут навзрыд и от радости; следовательно слезы бывают и следствием радости, и при том самой сильной радости. После этого, конечно, не бывают тяжелы и слезы, если они происходят от такой радости; но и эти слезы, происходящие от мирской радости, далеко не так сладостны, как те. Послушай, что говорит пророк: «Услышал Господь голос плача моего» ([Пс. 6:9](#)).

И могут ли быть такие случаи, чтобы слезы не были полезны – во время молитвы и при увещаниях? Мы порицаем их; но это потому, что они у нас идут не на то, для чего даны. Когда мы уговариваем брата, живущего в грехе, – следует плакать, если только мы соболезуем и вздыхаем об нем. Когда кого убеждаем, а тот не слушает и идет на погибель, – нужно плакать. Это слезы разумные. Но если кто сделается беден, или заболит телесно, или умрет, – плакать не следует, потому что это не стоить слез. Так, подобно тому, как порицаем мы смех, если он бывает не ко времени, мы порицаем и слезы, когда они являются не ко времени. Тогда только ведь и открывается истинное достоинство каждого, когда он стремится к соответствующим действиям; а когда – не к соответствующим, то совсем напротив. Напр., вино дано для увеселения, а не для пьянства; хлеб для питания; супружеская жизнь для деторождения. И как это подвергается порицанию вследствие злоупотреблений, так бывает и со слезами. Будь такой закон, чтобы слезы проливались только на молитве и при увещаниях, – посмотри, как привлекательна сделалась бы тогда эта вещь? Ничто так хорошо не может заглаживать грехи, как слезы; и даже самый телесный облик представляется от слез привлекательным; он располагают зрителя к милосердию и придают человеку вид, внушающий нам уважение. Ничто так сильно не располагает, как глаза, проливающие слезы. Это у нас благороднейший и прекраснейший член, это (орган) души. Нас трогают они до такой степени, что как будто мы видим самую душу в слезах.

Все это говорится вам не без цели, но для того, чтобы вы не

присутствовали при свадебных увеселениях, плясках и сатанинских сборищах. Ведь посмотри, что выдумал дьявол! Так как от сцены и от тех гнусностей, какие там бывают, женщины удалены самой природой, он проник с театральными (мерзостями) в жилище женщины, – я говорю об изнеженных и развратных женщинах. Эту язву принес с собою закон супружества, или лучше не супружества, – да не будет! – а нашей беспечности. Что делаешь ты, человек? Ты сам не знаешь, что делаешь. Жена предназначается для целомудренной жизни и для чадородия: для чего же тут развратные женщины? Для того, говоришь ты, чтобы веселее было. Разве же это не безумие? Ты оскорбляешь невесту, оскорбляешь приглашенных. Если в этих (вещах) они находят для себя удовольствие, то – это оскорбление. Если это придает несколько блеску, когда смотрят из бесчинства развратниц, так зачем уж ты тащишь сюда и невесту, чтобы и она посмотрела? Во всяком случае срам и позор приводить в дом распущенных мужчин и плясунов со всей их сатанинской пышностью. «Помните, – говорит он, – мои узы». Брак есть узы, и узы, установленные Богом; развратная женщина разрывает и уничтожает эти узы; иным способом можно достигать того, чтобы брачное торжество было веселым, – например: готовить богатый стол и роскошное платье; я не возбраняю этого, чтобы не показаться слишком строгим. Правда, Ревекке было довольно одного покрывала; но я не возбраняю. Можно для торжества надеть лучшее платье, могут явиться на это торжество почтенные люди – мужчины и женщины. Но зачем заводишь ты эти забавы, эти причуды? Ну, скажи же, что от них выслушиваешь? Тебе стыдно сказать? Если стыдно, так зачем же заставляешь их это делать? Если это хорошо, так почему и сам ты не делаешь того; а если это скверно, – зачем другого заставляешь делать? Все должно быть проникнуто скромностью, благопристойностью и хорошим вкусом. Между тем я вижу теперь совершенно противное: скачут, как верблюды или как мулы. Для девицы нужна лишь одна спальня. Ты скажешь, она бедна? Но потому уже самому, что бедна, должно вести себя благоприлично. Пусть вместо богатства у нее будет добрый нрав. Она не имеет приданого? Но зачем же ты отнимаешь у ней и другие достоинства, развращая ее душу? По моему хорошо, что приходят девицы почтить свою сверстницу, – приходят также и женщины почтить ту, которая вступает в их общество. Это хороший обычай. Тут два кружка: один состоит из девиц, другой из женщин; те отдают, эти принимают; невеста между ними – не девица и не женщина. Оттуда она выходит, а в это общество поступает.

Но для чего же тут распутные женщины? Вместо того, чтобы

укрывать и спасаться от них, когда случится брак, – потому что распутство есть порча брака, – мы приводим их на брак. Ведь когда что-нибудь другое вы делаете, – вы даже и на словах остерегаетесь того, что вредить делу. Наприм., когда у тебя посев, или когда ты переливаешь вино, только что выжатое, ты даже не скажешь, что значит закваска. А тут, где совершается такое целомудренное дело, (брак), у тебя является закваска, – потому что развратная женщина – настоящая закваска. Когда вы готовите благовонную мазь, вы заботитесь о том, чтобы даже и вблизи не было ничего такого, что издает дурной запах. А брак – благовонная мазь. Как же ты туда, где готовишь благовонную мазь, приносишь смрадную грязь? Что ты говоришь? Девица веселится и ей не до того, чтобы стыдиться своей сверстницы? Да ей-то и нужно быть почтеннее, чем последняя. Но ведь она вышла из рук (родительских), а не из палестры (школы борцов). Лучше уже девице вовсе и не показываться на брачном торжестве.

5. Разве не знаешь ты, как бывает в царском дворце, как допускаются там внутрь и окружают царя только те, кто заслужил эту честь, а кто не заслужил, тот стоит на дворе? И ты будь внутри – около невесты; но будь чистой в доме; не бесславь девства. Здесь присутствуют родные с обеих сторон: одни показывают, какую отдают, а другие – имеют соблюдать ее: зачем же ты наносишь бесчестие девству? Ведь если ты такая, – жених в праве думать так же точно и об невесте. Если ты хочешь быть любимой, то и торговка, и зеленщица, и ремесленница того же (хотят). И это не срам? Конечно срам, если ты ведешь себя беспорядочно, хотя бы ты была царская дочь. Не скажешь ли ты, что мешает бедность, или ремесло? Но будь девица даже рабой, – все же должна жить в целомудрии: «нет раба, ни свободного... во Христе Иисусе» ([Гал. 3:28](#)). Ведь брак не зрелище. Это – таинство и образ великой вещи. Если тебе не стыдно перед ним самим, постыдись хоть того, образом чего он служить. «Тайна сия, – говорит (апостол), – велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви» ([Еф. 5:32](#)). Это – образ Церкви и Христа а ты приводишь развратных женщин? Но если, скажешь, не будут танцевать ни девицы, ни женщины, так кто ж будет танцевать? Никто. Что за необходимость – танцы? Пляска (уместна) в таинствах эллинов, а в наших тишина и благопристойность, скромность и сдержанность. Великое таинство совершается: вон развратных женщин, вон нечистых! Какое же таинство? Соединяются два человека и делается из них один. И почему в то время, как входит (невеста) не бывает ни пляски, ни кимвалов, а наблюдается глубокая тишина и спокойствие, а когда соединятся они, составляя не бездушный образ, не образ чего-нибудь

земного, а самого Бога, ты поднимаешь такой шум, нарушаешь спокойствие присутствующих, срамишь и возмущаешь душу? Приходят те, которые будут единым телом. Вот опять таинство любви! Если двое не будут одно, они, пока останутся двоими, не произведут многих; а когда достигнуть соединены, тогда только и начинают производить. Какое отсюда вытекает заключение? То, что единство имеет большую силу.

Творческая премудрость Божья с самого начала разделила одного на два и, желая показать, что и по разделении остается одно, устроила так, что одного недостаточно бывает для рождения. Ведь кто еще не объединился (узами брака), тот не составляет и целого, а половину. Это видно из того, что он не производит детей по прежнему. Видишь ли тайну брака? Из одного Он сделал двоих, а потом из двоих сделал и до сих пор делает одного, так что и теперь человек рождается от одного, – потому что жена и муж – не два человека, а один человек. И в этом можно убедиться из многих мест, как то из примера Иакова, Марии, матери Христовой, из слов: «мужчину и женщину сотворил их» ([Быт. 1:27](#)). И если он глава, а она тело, так каким же образом их двое? Поэтому-то ей предназначено быть ученицей, а ему учителем; он должен быть начальником, она – подчиненной. И из самого образования тела видно, что они – одно, – потому что (жена) произошла от ребра мужа и оба они составляют как бы две части одного целого. Для того-то Он называет ее и помощницей, чтобы показать, что они одно. Для того-то Он супружеское сожительство поставляет выше отца и матери, чтобы показать, что они одно. И отец одинаково радуется, выходит ли замуж дочь, или женится сын, точно одно тело влечется к другому, как своей части; нужды нет, что тут бывают такие большие издержки, такая трата денег, – все же для него невыносимо видеть их безбрачными. Каждый из них в отдельности неполон, как будто бы у него отнята какая-нибудь часть тела, и не в состоянии ни рожать детей, ни устроить, как следует, настоящую жизнь. Потому-то и пророк говорит: «пребывал превосходный дух» ([Мал. 2:15](#)). А каким образом они бывают в плоть едину? Все равно, как если бы ты отделил самое чистое золото и смешал его с другим золотом, – и здесь происходит нечто подобное: жена принимает плодотворное вещество в то самое мгновение, как жар наслаждения приводит его как бы в расплавленное состояние, и, приняв, питает и согревает его, привносит к нему, что нужно, и с своей стороны, – и производит человека.

И ребенок служит чем-то вроде мостика, так что тут уже трое составляют одну плоть, потому что дитя соединяет об стороны одну с другой. Все равно как два города, разделенные рекой, составляют один

город, если есть мост, который поддерживает между ними взаимное сообщение, – и здесь то же, или еще больше, так как этот мостик устроен из существа их обоих. В этом отношении они одно так же, как голова и туловище составляют одно тело: они, правда, отделяются шеей, но не столько отделяются, сколько соединяются; это середина, которая связывает их друг с другом. Это все равно, как если хоровод, разделенный (на две части), составит одно, взяв одну часть свою отсюда, а другую – с другой стороны. Или еще это подобно тому, как если люди, которые стоят, опустив руки, потом их протянут, и все же каждый составляет одно лицо, потому что протянутые руки еще не делают из одного (человека) двух. Потому-то он и выразился точно, – не сказал: будут одна плоть, а – «одним телом», то есть, соединятся в плоть младенца. Что же, если младенца не будет, – и тогда они не будут составлять два лица? Конечно. Ведь это (единство) происходит от совокупления, которое соединяет и смешивает тела обоих. Все равно, как если ты в масло вольешь благовонные капли, у тебя изо всего выйдет одно, – так бывает и здесь.

6. Знаю, что многие стыдятся того, о чем я говорю; причиной тому неумеренность и невоздержность. Это дело унижено от того, что браки совершаются у нас таким образом, – от того, что их портят, между тем как «Брак у всех да будет честен и ложе непорочно» ([Евр. 13:4](#)). Что за стыд – дело честное? Зачем краснеть от того, что чисто? Это свойственно только еретикам, да тем еще, которые приводят распутных женщин. Потому-то мне и хочется очистить (брак), возвести его на ту степень благородства, какая ему приличествует, и этим заградить уста еретикам. Осрамлен дар Божий, корень нашего бытия! А все оттого, что около этого корня много навоза и грязи. Вычистим же его своим разумом. Потерпите немного, – ведь и тот, у кого есть грязь, терпит ее зловоние. Мне хочется показать вам, что этого не нужно стыдиться, а нужно стыдиться того, что вы делаете. А ты между тем не думаешь стыдиться последнего, а стыдишься первого, и таким образом осуждаешь Бога, который так устроил.

Скажу и то еще, что это – таинственное изображение Церкви. Христос пришел к Церкви, из нее произошел, и с нею соединился духовным общением. «Потому что я обручил, – говорит (апостол), – вас единому мужу чистой девой» ([2 Кор. 11:2](#)). А что мы от Него происходим, послушай, как об этом он говорит: мы все от удов его и от плоти его ([Еф. 5:30](#)). Подумаем же обо всем этом и не станем стыдиться такого таинства. Брак есть образ того, как Христос присутствует (в Церкви), а ты напиваешься? Скажи мне: если бы ты увидел образ царя, стал ли бы ты его стыдиться? Конечно, нет. То, что делается у нас при совершении брака,

кажется делом безразличным, и между тем служит виною больших зол. Тут все – нарушение закона. «Сквернословие, – говорит (апостол), – и пустословие и смехотворство» не должны исходить из уст ваших ([Еф. 5:4](#)). А все это (что делается на браках) и есть сквернословие, и буюсловие, и кощунство, да еще в высшей степени, потому что оно сделалось искусством и большую славу доставляет тем, кто упражняется в нем. Пороки сделались искусством! Мы не как-нибудь (ненамеренно) впадем в них, а с особенным старанием и умением; тут есть и предводитель – дьявол, управляющий своим воинством. Действительно, где пьянство, где бесчинство, где сквернословие, там непременно присутствует дьявол, который присовокупляет нечто и от себя. Скажи же мне: ты пируешь с ними, совершаешь таинство Христово и призываешь дьявола?

Вероятно, вы считаете меня человеком тяжелым. Ведь и то бывает от крайнего развращения, что, если кто станет вразумлять (других), он подвергается осмеянию, как человек суровый. Разве не слышите, что говорит Павел: что ни делаете вы, «едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божью» ([1 Кор. 10:31](#))? А вы напротив – (делаете все) к бесславию и к посрамлению. Не слышите ли, что говорит пророк: «Служите Господу со страхом и радуйтесь [пред Ним] с трепетом» ([Пс. 2:11](#)). А вы совершенно забываетесь. Разве нельзя и повеселиться, но без вреда для себя? Ты хочешь послушать приятных песен? Но лучше бы не слушать. Впрочем, если угодно, я уступаю тебе; но слушай не сатанинские, а духовные (песни). Хочешь посмотреть ликующих, – смотри на лик ангелов. Ты скажешь: как возможно их видеть? Если ты удалишь эти (беспорядки), то придет к тебе на такое брачное торжество и сам Христос; а если где присутствуем Христос, там, конечно, является и лик ангелов. Если хочешь, и ныне Он совершит чудо, как тогда (в Кане Галилейской), и ныне претворит воду в вино, а что еще гораздо удивительнее – остановит нескромную веселость, обуздает холодную страсть и обратит ее на предметы духовные: это значит сделать из воды вино. Но где флейтчики, там решительно нет Христа; если же Он и придет, то сначала выгонит их, а потом уже совершит чудо. Что может быть ненавистнее сатанинской роскоши, где все как-то нескладно, все без толку, а если и есть в чем-нибудь стройность, так за то все гнусно, все отвратительно.

7. Нет ничего приятнее добродетели; нет ничего сладостнее благопристойности, нет ничего привлекательнее скромности. Начни кто-нибудь устраивать брак так, как я говорю, – он увидит, как это будет приятно. А как устраивать брак, послушайте. Прежде всего ищи для девицы мужа, настоящего мужа и покровителя, – ведь ты хочешь

приставить к телу голову, ведь хочешь отдать ему не рабыню, а дочь свою. Не ищи денег, ни знатности по роду, ни высокого происхождения, – все это неважно, – а ищи душевного расположения, кротости, истинного благоразумия и страха Божьего, если хочешь, чтобы твоей дочке приятно было жить с ним. Если ты (мать) будешь искать побогаче, ты не только не принесешь ей никакой пользы, но причинишь еще вред, потому что сделаешь ее из свободной рабой. От золотых украшений она не получит столько удовольствий, сколько огорчений доставит ей ее рабское положение. Нет, ты не этого ищи, а всего лучше ищи ровню; если же нельзя, скорее ищи беднее себя, чем богаче, если только не хочешь отдать свою дочь господину, а хочешь отдать мужу. Когда достоверно разузнаешь о нравственных достоинствах человека и порешишь отдать, – призови Христа, чтобы Он присутствовал при этом деле. Он не почтет этого для Себя унижительным, если брак таинственно изображает Его присутствие (в Церкви). И тут-то всего больше проси Его, чтобы Он дал тебе именно такого жениха. Не будь хуже Авраамова раба: хотя того отправили в такое дальнее путешествие, он знал однако ж, куда нужно было ему обратиться, и потому-то нашел все. И ты, когда начинаешь хлопотать и искать мужа, молись; скажи Богу: кого Ты хочешь, того и определи мне; поручи Ему это дело, и Он наградит тебя за то, что ты предоставишь Ему такую честь. Двух правил тут надобно держаться: доверить это дело Ему и искать такого, какого желает Он, – скромного и честного.

Итак, ты (мать), когда выдаешь замуж (дочь), не ходи по домам и не бери зеркал и платьев; ведь не на показ делается это дело, и не на выставку ты выводишь свою дочку; но украсивши дом тем, что есть, позови соседей, друзей, родных. Зови тех, которые известны тебе, как люди кроткого нрава: проси быть довольными тем, что есть. Музыкантов пусть не будет ни одного, потому что с ними лишние и пустые издержки. Но прежде всех позови Христа. Знаешь ли, как Его позвать? «Если кто сотворит, – говорит Он, – «одному из сих... меньших,... Мне» сотворит ([Мф. 25:40](#)). Не думай, что звать нищих ради Христа – дело неприятное. Неприятно только звать распутных женщин. Если звать бедных, – это ведет к богатству, а то – к распутству. Украшай невесту не этими украшениями из золота, но кротостью, скромностью и обычными платьями, – вместо всякого украшения и плетений пусть украшением для нее будут стыдливость, застенчивость и совершенное равнодушие к украшениям первого рода. Пусть не будет тут ни малейшего шума и никакой тревоги. Пусть позовут жениха, – и он возьмет девицу. Обеды и ужины не должны изобиловать пьянством, а духовным весельем. От такого брака будет весьма много

добра и житейские дела будут упрочены.

А от нынешних браков (если только можно назвать их браками, а не церемонией) смотри – сколько происходит зла? Через них в столовых – разгром, сейчас же забота и опасение, как бы из вещей, взятых на подержание, что-нибудь не пропало, и веселье сменяется несносной тоской. Это – мучение для родных, но нельзя сказать, чтобы и невеста была от него свободна; что следует после того, все падает на саму невесту. Видеть, как все рушится, – тут есть о чем пожалеть; смотреть на запустевшие дома, – тут есть отчего придти в уныние. Там Христос, здесь сатана; там веселье, а здесь заботы: там удовольствие, здесь печаль; здесь издержки, там их отсутствие; здесь беспорядок, там благоприличие; здесь зависть, там радушие; здесь пьянство, там воздержность, там спасенье, там благоразумие. Подумаем же обо всем этом и поставим предел злу, чтобы нам угодить Богу и удостоиться получить блага, обещанные любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Примечания

Перевод П.Юнгера – Редакция «Азбуки Веры»

*

Абзацы в тексте расставлены нами. – Редакция «Азбуки Веры»